Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Ю.В. Гераськин

Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века)

Монография

Рязань 2007

ББК 86.372
Г37

Печатается по решению редакционно-издательского совета Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» в соответствии с планом изданий на 2007 год.

Рецензенты: *А.Ф. Агарев*, д-р ист. наук, проф.
П.В. Акульшин, д-р ист. наук, проф.

Гераськин, Ю.В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века) : монография / Ю.В. Гераськин ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2007. — 272 с.

ISBN 978–5–88006–470–0

В работе, имеющей научное и прикладное значение, исследуются особенности советской государственной вероисповедной политики, содержится историографический анализ монографических работ и диссертационных исследований по избранной теме. Привлечена и введена в научный оборот значительная и разнообразная источниковая база (фонды центральных и региональных архивов, материалы периодической печати и др.), что позволило обобщить большой объем фактического материала и сделать сравнительный анализ.

Адресовано всем, интересующимся историей России, Русской православной церковью, может быть использовано в учебном процессе на исторических и теологических факультетах (отделениях) вузов.

Ключевые слова: *Православие, церковь, храм, вера, верующие, епархия, ходатайство, источник, гонения, власть.*

ББК 86.372

© Гераськин Ю.В.,2007
© Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина», 2007

ISBN 978–5–88006–470–0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I
Эволюция взаимоотношений власти, верующих и Церкви в конце 30-х — 50-х гг. 24

§ 1. Отношения между государством и верующими после террора 1937 г. Подъем религиозных настроений общества в годы Великой Отечественной войны 24

§ 2. Восстановление потенциала и структуры Русской Православной Церкви в первые послевоенные годы . . . 46

§ 3. Борьба власти с паломничеством к святым местам 82

§ 4. Ходатайства верующих об открытии храмов как средство борьбы за сохранение сельских приходов и очагов религиозности в провинции 94

Глава II
Церковная организация и государственная религиозная политика в конце 1950-х — 1970-е гг. 119

§ 1. Кризис взаимоотношений Церкви и верующих с властью в конце 50-х гг. 119

§ 2. Церковь в условиях политики жесткого ограничения православной обрядности и финансово-экономической деятельности приходов 129

§ 3. Особенности вероисповедной политики государства, церковной организации и религиозной жизни населения в середине 60-х — конце 70-х гг. Продолжение петиционной деятельности верующих в новых условиях . . 157

Заключение 197

Библиография 203

Приложения 228

ВВЕДЕНИЕ

В историографии исследование проблемы государственно-церковных отношений в СССР было ограничено отсутствием возможности привлечения широкой архивной базы, поскольку значительный объем фондов находился в закрытом режиме хранения. Для большинства работ того периода была характерна попытка показать положение религии и церкви в СССР в свете успешной реализации конституционного принципа свободы совести. Принятие Конституции СССР 1977 г. пробудило интерес к проблеме правового регулирования конфессиональной политики государства. Подобную задачу решали книги бывшего председателя по делам РПЦ при Совете Министров СССР В.А. Куроедова «Религия и церковь в советском обществе», работы Н.С. Гордиенко «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов (полемические заметки), «Эволюция русского православия (20—80-е годы XX столетия)», «Современное русское православие» [1]. Лейтмотивом в этих работах проходила мысль о том, что русское православие может быть адаптировано к существованию в социалистическом обществе.

Примером новых подходов стало, изданное в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси, коллективное исследование «Русское православие: вехи истории» под редакцией А.И. Клибанова. В нем осуждается антирелигиозная политика Н.С. Хрущева и тоже проводится мысль о адаптации церкви в условиях социалистического общества и перестройки [2].

Процессы демократизации создали предпосылки для объективного осмысления истории России, в том числе и отношений государства и церкви. В начале 90-х гг. после изменения государственно-политического строя, а также в связи с ликвидацией Совета по делам религий при совете Министров СССР, появилась

возможность исследовать широкий круг ранее закрытых архивных источников по указанной проблеме.

Быстрый рост постсоветской историографии кардинальным образом меняет ситуацию в осмыслении проблемы государственно-церковных отношений. В 1991 г. в № 5—8 журнала «Наука и религия» публикуется статья бывшего работника Совета по делам религий, доктора исторических наук М.И. Одинцова «Хождение по мукам. 1954—1960 гг.». Она была первой попыткой анализа государственно-церковных отношений второй половины 50-х гг. Дальнейшее продолжение эта тема нашла в публикациях Одинцова, как «Десять лет жизни патриарха Алексия 1955—1964», «Русская Православная Церковь в XX веке: история взаимоотношений с государством и обществом», «Вероисповедальная политика советского государства в 1939—1958 гг.» // Власть и церковь в СССР и других странах Восточной Европы. 1939—1958 (Дискуссионные аспекты) [3].

М.И. Одинцов выделяет в XX веке 3 модели религиозной политики государства: самодержавную, буржуазную (Временного правительства) и советскую, которые имели разные векторы — проправославный, исповедный плюрализм, атеистический. Вполне соглашаясь с этой концепцией, отметим, что наиболее противоречивой была третья модель, в основе которой лежали атеизм, который по мере эволюции государственно-церковных отношений проявлялся в разных вариантах: воинствующего атеизма и атеизма с элементами веротерпимости. Последний вариант означал компромисс государства с церковным институтом в рамках законодательства о культах и был нацелен на политическое взаимодействие с Церковью во внутренней и внешней политике. Во внутренней политике это была попытка приспособить Церковь к решению задач социалистического строительства. Во внешней — к совместной антивоенной деятельности. М.И. Одинцов выделяет три основных постулата политики компромисса. Во-первых, властью подчеркивалась разница положения верующих в социалистическом обществе по сравнению с буржуазном. Во-вторых, — преданность большинства верующих советскому строю. В-третьих, акцентировалось конституционное право на свободу совести [4].

В 90-е гг. появляется и научная публицистика: книги В.А. Алексеева «Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР» и В. Русака (Степанова) «Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском

Союзе». Данные работы носили критический и разоблачительный по отношению к советской религиозной политике характер[5].

Одна из характерных черт историографического процесса постсоветской эпохи — появление специальных диссертационных исследований по названной проблеме. Если в течение 1990—1999 гг. было защищено 5 докторских и 6 кандидатских диссертаций, то, в последующем, проблема государственно-церковных отношений стала весьма распространенной в региональных исторических исследованиях [6].

Проблематика государственно-церковных отношений находится в поле зрения историков РПЦ. В 1993 г. в «Журнале Московской Патриархии» была опубликована статья преподавателя Минской духовной семинарии священника С. Гордуна «Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год». На основе вводимых в научный оборот архивных документов фонда Совета по делам религий при Совмине СССР, автор подробно остановился на примерах сопротивления руководства Московской Патриархии, духовенства и прихожан антицерковной политике властей [7].

Одним из наиболее авторитетных представителей церковной исторической науки является протоиерей В. Цыпин, заместитель Учебного комитета РПЦ, курирующего деятельность научно-богословского отдела. Из под его пера вышли такие книги, как «История Русской Православной Церкви 1917—1990», «История Русской Церкви 1917—1997», « Русская Православная Церковь 1925—1938», «История Русской Православной Церкви в синодальный период 1700—2000 гг.» [8].

Исследованием проблемы государственно-церковных отношений в СССР задолго до перестройки стали заниматься зарубежные авторы. Зарубежная историография темы отмечена книгой протоиерея Д. Константинова «Зарницы духовного возрождения (православная церковь в СССР в конце шестидесятых — начале семидесятых)». Важным моментом в работе явилась, на наш взгляд, попытка дифференцированного подхода к исследованию истории Русской Православной Церкви в СССР. История РПЦ, по мнению автора, это не только история Московской Патриархии в лице иерархов и клириков, но и история, связанная с деятельностью верующего народа [9].

Большой вклад в дело изучения истории отношений государства и церкви в советский период внесла книга Константинова «Гонимая Церковь: Русская православная церковь в СССР»,

опубликованная в 1999 г. Большое внимание в работе уделяется особенностям развития атеистической пропаганды, делается вывод о ее неэффективности и обреченности [10].

Одной из первых серьезных монографических работ, пытающихся всесторонне исследовать процесс развития государственно-церковных отношении, стала книга канадского ученого Д.В. Поспеловского «Русская Православная Церковь в XX веке». Важным материалом для этой работы явились статьи в эмигрантских журналах, в том числе самиздатовские документы. В каком-то смысле книга продолжила исследования таких зарубежных авторов как Г. Рар (А. Ветров), Л. Регельсон, Г. Граббе, А. Боголепов [11]. Книга Д. Поспеловского изобилует красноречивыми фактами драматической истории РПЦ в советский период, приводятся статистические параметры развития церковной организации. Автор показывает, как в результате преследования, церковная жизнь все более приобретает опасные для власти нелегальные формы [12].

На основе имеющихся эмигрантских источников английский исследователь Дж. Эллис написала работу, посвященную государственно-церковным отношениям в СССР в эпоху диссидентского движения. Более фундаментальный характер представляет монография американского ученого Н. Дэвиса, написанная на материалах центральных российских архивов и охватывающая весь период советской истории с 1917 г. [13].

Исторический анализ взаимоотношений государства, церкви и общества содержатся в комментариях к отдельным разделам сборника «Русская православная церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы к истории отношений между государством и церковью», составленных Г.М. Штриккером. По его мнению, после отставки Хрущева ни о каком изменении политического курса в отношении РПЦ говорить нельзя, поскольку при новом руководителе партии и государства не было осуждено или отменено ни одно репрессивное мероприятие или решение предшествующего правления [14].

Сборник, составленный Г.М. Штриккером, был серьезно дополнен сборником документов и фотоматериалов «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941», подготовленным при участии Института Российской истории РАН, Библейско-Богословским институтом Св. апостола Андрея и РГАСПИ [15].

Среди исследований 90-х гг., несомненно, выделяется монография М.В. Шкаровского, который на огромной источниковой

базе (автором использованы материалы 60 архивных фондов, хранящиеся в 18 архивохранилищах) раскрывает модель государственно-церковных отношений в 1939—1964 гг. Работу отличает комплексный подход в определении факторов, влиявших на государственную религиозную политику, выделении ее этапов, изучении эволюции конституционно-правовой базы и деятельности специальных органов, осуществлявших данную политику, а также выяснении внутренних эволюционных процессов идеологии Русского Православия в указанный период. Работа М. Шкаровского, выполненная при содействии «Общества любителей церковной истории» при Крутицком Патриаршем подворье, восполнила значительные пробелы в знаниях по истории РПЦ, позволила по-новому взглянуть на уже разработанные аспекты темы, скорректировать уже существующие концепции. Работа дает целостное и адекватное представление об историческом опыте формирования, осуществления государственной религиозной политики и развития РПЦ как особого социального института в 1939—1964 гг. Широкий круг затрагиваемых вопросов позволил автору затронуть все элементы идеологической борьбы государства с Церковью. Он наметил, но подробно не рассмотрел проблему внедрения новых гражданских обрядов в жизнь советских людей. Автор разделяет мнение Д. Поспеловского о том, что мероприятия антицерковной политики Хрущева нанесли РПЦ тяжелый урон, но желаемых результатов не достигли [16].

В начале XXI века тема государственно-конфессиональных отношений становится предметом научного интереса широкого круга исследователей, объединенных в зарегистрированную в 2002 г. Российскую общественную организацию «Объединение исследователей религии» (РОИР). Объединение имеет свой сайт, публикует ежегодный сборник статей «Свобода совести в России: исторический и современный аспекты», регулярно проводит международные и российские конференции и семинары. В ряду работ, подготовленных РОИР в последние годы, хочется отметить книгу М.И. Одинцова «Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.)». Книга была написана на основании выявленных автором архивных документов, в приложении были помещены 100 наиболее важных документов, некоторые из которых публиковались впервые [17].

Теме государственно-церковных отношений в СССР в 40—60-е гг. XX века посвящена монография Т.А. Чумаченко «Госу-

дарство, православная церковь, верующие.1941—1961 гг.». Автор считает, что руководство Совета в отношениях с РПЦ следовало конституционно-правовой линии, в том числе в кризисных ситуациях. Большое внимание автор уделяет особенностям работы Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР и, в частности, считает, что замена Г.Г. Карпова на В.К. Куроедова в его руководстве привнесла мотивы «политической войны» в деятельность этого ведомства [18].

Большой интерес представляет книга петербургского историка А.Н. Кашеварова «Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 гг.»[19].

Оригинальный и самостоятельный характер носит монография О.Ю. Васильевой «Русская православная церковь и II Ватиканский собор. Факты. События. Документы». Автор разделяет мнение М. Шкаровского о том, что масштабные гонения на Церковь в хрущевский период были вызваны, тем, что политика нормализации церкви рассматривалась как часть сталинского наследия, не совместимого с идеологией коммунистического строительства[20].

Оценивая, в целом, историографию проблемы государственно-церковных отношений, важно отметить влияние на эти работы конфессиональных предпочтений или антипатий авторов. Это просматривается в лексическом аппарате, используемом в работах, когда авторы проявляют либо пиетет к конфессиональной лексике, либо демонстрируют внеконфессиональный подход и межконфессиональный плюрализм.

В настоящее время среди российских исследователей проблемы отношений советского государства и Русской Православной Церкви существуют, по меньшей мере, два основных научных направления. Первое направление можно условно назвать «апологетическим». В него входят богословы (В.Цыпин и др.), светские историки и культурологи, увязывающие судьбы Церкви с судьбами русского народа. Политику советского государства по отношению к Церкви они показывают как в целом безбожную и репрессивную, а роль Церкви в этих условиях, как страдательную и трагическую. К этому направлению вплотную примыкают две сравнительно автономные группы исследователей. Во-первых, это группа ученых, объединенных в «Общество любителей церковной истории» при Крутицком Патриаршем Подворье. Представители этой школы, проявляя симпатии к драматическому об-

разу Церкви в эпоху тоталитаризма, вместе с тем декларируют отход от односторонних, обычно негативных, оценок взаимоотношений государственных органов и Церкви в советский период. Во-вторых, постоянно заявляет о себе группа исследователей так называемого «традиционно-православного толка», часть которых сосредочена в Институте религиозных и социальных исследований отделения общественных наук Национального института развития РАН (В. Махнач и др.). Амбивалентность этой группы проявляется в диапазоне: от идеи православной монархии до концепции «православного сталинизма». Исследователи другого направления, работающие в русле «Российского общества исследователей религии» (РОИР), пытаются демонстрировать позицию отхода от чисто обвинительного уклона в отношении религиозной политики советского государства. Деятельность Совета по делам РПЦ сталинского периода и Совета по делам религий они сравнивают с деятельностью петровского Святейшего Синода. В то же время, по мнению некоторых историков, попытка ученых РОИР оставить в стороне православную догматику, порой не позволяет выходить на глубокие теоретические обобщения [21].

Разумеется, приведенная классификация исследовательских направлений и, особенно, групп носит весьма условный характер, но, в то же время, подчеркивает специфику процесса исследования проблемы государственно-церковных отношений. Историк С. Антоненко из исследовательской ассоциации «АИРО-XX» справедливо считает: «Сегодня у исследователя остается не так много возможностей выдержать отстраненно-агностический тон, или отделаться стандартными, «ритуальными» формулировками — религиозная составляющая так или иначе становится частью исторического сознания и требует от служителя музы Клио самоопределения к себе... Присутствие «вероисповедного» измерения ставит перед историком множество этических и методологических проблем — но одновременно создает возможность более глубокой рефлексии и, соответственно, более глубокого проникновения в предмет изучения. Практика показывает: корректность и вероисповедная определенность совместимы» [22].

В конце XX — начале XX в. историография пополняется региональными исследованиями истории отдельных епархий в советский период. Среди них выделим книги С.Н. Минина, С.А. Чеботарева и А.А. Федотова, посвященные истории Владимирской, Тамбовской и Ивановской епархий [23].

К настоящему моменту пока отсутствуют обобщающие работы по истории государственно-церковных отношений в Рязанской области во второй половине XX века. Этот пробел отчасти восполняют работы, освещающие вехи истории Рязанской епархии, жизнь святых и праведников. К таковым относятся работы Ю.А. Дегтева «Рязань православная», Т.Ю. Веселкиной и Э.К. Киселевой «Собор рязанских святых», Т.Ю. Веселкиной «Святые и праведники земли Рязанской». Серьезным архивно-исторической работой является 1-й том Книги памяти новомучеников и исповедников Рязанских «Были верны до смерти…». В ней наряду с историческими событиями рассказывается о подвиге за Христа новопрославленных мучеников и исповедников Рязанских. Определенный вклад в изучение темы внесла работа Ю.В. Гераськина «Государство и Церковь (из истории государственно-церковных отношений в Рязанском крае в XX веке) [24].

Сложная и во многом противоречивая история Русской Православной Церкви в советский период изучалась с конца 80-х гг. по настоящее время целым рядом ученых [25]. Там не менее, ряд вопросов еще не стал в полной мере объектом научного анализа. Многие исследователи ограничиваются анализом политически обособленных периодов. Выделяют два, три и даже десять обособленных периодов в истории государственно-церковных отношений. Они, по признанию одного из авторов, конкретизирующего эти периоды, историка М.Шкаровского, как правило, совпадают с переломными этапами в истории государства и общества. По его мнению, «такое совпадение не случайно, поскольку церковная политика всякий раз по-своему отражает внутреннюю политику властных структур в целом…. И церковь никогда не отделяла себя от интересов общества» [26].

С подобным подходом вряд ли согласятся церковные историки, опирающиеся на периоды жизни и деятельности Патриархов. Главное, исследователи вряд ли будут оспаривать точку зрения о том, что дробление истории взаимоотношений государства и Церкви на малые, привязанные к политической истории периоды, носит условный характер. Оно привязано, порой, не к кардинальным изменениям религиозной политики советского государства, а к хронологическим рамкам нахождения у власти отдельных партийно-государственных лидеров или отдельным колебаниям, лавированиям правительственного курса по типу: наступление — оттепель — рецидив наступления. Случалось, что этим циклам соответствовали изменения в общественном мнении: ре-

лигиозные настроения либо обострялись, либо верх брали антиклерикальные тенденции. Однако при любых колебаниях преобладающей линией был государственный атеизм, в либеральном или в консервативном исполнении.

Следует также учитывать, что политический режим нередко практиковал такую тактическую уловку как видимость веротерпимости. В этой связи любой из дробных периодов уязвим. Каждый, из выявленных исследователями малых периодов, можно оспорить в плане последовательности проводимой в его рамках государственно-церковной политики. Негатив дробного рассмотрения заключается в преувеличении степени неустойчивости государственно-церковных отношений [27].

При дробном подходе воздействие характерного для России XX века процесса перехода к индустриальному обществу на религиозную жизнь населения и церковную политику государства рассматривается фрагментарно. Целесообразным представляется анализ более широких исторических периодов, привязанных к социально-экономическим и демографическим параметрам развития с учетом Всесоюзных переписей населения, вплоть до начала незавершенного перехода советского общества к постиндустриальному этапу. Это позволит определить, как трансформировалась государственно-церковная политика под воздействием глубинных объективных факторов развития советского общества.

В последнее время стали появляться диссертационные исследования, рассматривающие эволюцию государственно-церковных отношений в более или менее продолжительных хронологических рамках [28]. В докторской диссертации И.И. Масловой «Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви (1953—1991 гг.)» справедливо подвергается сомнению целесообразность дробной периодизации в исследовании проблемы государственно-церковных отношений в СССР. В то же время не вполне бесспорным представляется тезис автора о прямом и приоритетном воздействии на вероисповедную политику государства идеологических факторов [29]. Данному тезису противоречат «новый конфессиональный курс Сталина», антицерковная политика государства в период хрущевской «оттепели».

За 20 лет советской истории (конец 1930-х — конец 1950-х гг.) два тотальных наступления государства на Церковь совпали с двумя этапами индустриальной революции в СССР. В конце 70- гг. начинается незавершенный переход к постиндустриально-

му этапу развития советского общества, который также предполагал определенное изменение вектора государственной конфессиональной политики.

Автор сознательно отказался от дробной периодизации при рассмотрении истории государственно-церковных отношений, т.к. подобный подход размывает контуры конфессиональной политики и затрудняет объемный анализ эволюции отношений государства и церкви на фоне действия социально-экономических и демографических факторов долговременного характера.

В исследовании проблемы отношений государства и Церкви представляется важным учет социально-демографических изменений в развитии общества. Без учета их воздействия на общественную психологию затрудняется анализ такого субъекта в сфере государственно-конфессиональных отношений как верующие. Было бы не совсем правильно ограничивать исследование религиозной политики власти анализом дихотомии только институтов государства и Церкви, без включения в нее верующих.

Исследование истории государственно-церковных отношений в России представляется также невозможным без осмысления процессов, происходящих в традиционной среде ее поддержки — провинции, в которой было сосредоточено большинство церковных приходов. Глубинный потенциал существования и воспроизводства религии Церковь черпала в провинции. К сожалению, практически отсутствуют работы, анализирующие связь демографии, религиозного поведения населения и религиозной политики государства. Из имеющихся в этом плане работ можно отметить лишь диссертационное исследование Е.П. Мареевой «Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX — начале XX вв. [30].

Автору представляется целесообразным исследование периода развития государственно-церковных отношений периода с конца 1930-х до конца 1970-х гг. С верхней и нижней границей хронологии совпадает не только проведение Всесоюзных переписей населения 1939 и 1979 гг., но и принятие двух советских конституций 1936 и 1977 гг. Конституции не только конкретизировали новое политическое и социально-экономическое состояние советского общества, но и декларировали определенные правовые основы принципа свободы совести. В середине взятого для исследования периода размещается промежуточный индикатор состояния советского общества — Всесоюзная перепись 1959 г.

Для обоснования хронологических рамок исследования автор выделяет те параметры демографической ситуации в стране, которые, на его взгляд, оказывали влияние на состояние Русской Православной Церкви, государственно-церковные отношения.

В 1939 г. в стране насчитывалось в среднем 30 % горожан. Переход к индустриальному обществу, урбанизация вызвали активную миграцию из села в город. Доля городского населения с 1939 по 1959 гг. возросла с 33 до 52 %. Прирост городского населения в указанный исторический период в ряде регионов Центральной России был ниже общесоюзных показателей. В Рязанской области доля горожан выросла с 10,6 до 29,9 % [31].

В то же время необходимо отметить, что оперирование данными переписи 1939 г. требует известной осторожности. Известно, что при подведении итогов этой переписи общее число горожан было сознательно завышено за счет экстренного, не вполне обоснованного зачисления многих сельских населенных пунктов в черту города. В силу этого будет логично предположить, что фактическое число жителей российской деревни в 1939 г. было несколько большим и, соответственно, убыль за 20 лет окажется еще более масштабной.

Особо большие людские потери селу причинила Великая Отечественная война. В 1940 г. численность сельского населения страны составляла 130965 человек, в 1946 г. — 97883 человек. Определенное снижение естественного прироста населения было особо характерно для Центрального региона, особо пострадавшего в годы войны. По сравнению с 1939 г. к 1956 г. численность сельских жителей Рязанской области снизилась на 621 тысячу человек (т.е. ущерб, причиненный войной компенсирован не был). При этом число горожан возросло только на 108 тысяч человек. Существенным демографическим фактором была потеря 10 районов и, соответственно, приходов, которые при перекройке территориально-административных границ перешли к вновь образуемой Липецкой области [32].

За 20 лет (1939—1959 гг.) общая численность сельского населения России снизилась на 16,1 млн. человек, в том числе по областям Российского Нечерноземья на 3,7 млн. человек (33 %), а его доля в составе населения — с 2/3 в 1939 г. до 48 % в 1959 г. В результате, в конце рассматриваемого периода в сельской местности проживало менее половины населения России (48 %), хотя еще 20 последующих лет население деревни численно доминировало в общем составе населения [33]. Традиционное для стра-

ны преобладание деревни еще не завершилось. В традиционных аграрных регионах снижение удельного веса сельских жителей шло медленнее, чем в других. Наименьшее снижение было зафиксировано в Центрально-Черноземном регионе: за 20 лет с 86 % до 73 %. Плотность сельского населения в Тамбовской области в 1939—1959 гг. снизилась в полтора, в Рязанской в два раза, а его численность — соответственно на 26 и 40 % . При общем снижении численности доля сельских жителей в общем составе населения Рязанской области за 20 лет снизилась ненамного: с 89,4 до 70,1 % Население рязанской деревни насчитывало чуть более 1 млн. человек. Доля занятых в сельском хозяйстве Рязанской области рабочих и служащих, составляла 81 % [34].

Кратковременным периодом стабилизации численности сельского населения стал 1953—57 гг., вследствие ликвидации прежних жестких экономических и социальных ограничений в отношении деревни. Определенное воздействие на эти процесс оказала целинная эпопея. Любопытно, что историки религии зафиксировали в отмеченный период всплеск религиозной обрядности [35]. В Рязанской области, например, в этот период отмечается повышение количества очных отпеваний, о чем свидетельствовало повышение дохода от этой требы на 29 % за 1956—1957 гг. При этом, показатель смертности не увеличился и составил за 50-е гг. 8,2—8,4 умерших в расчете на тысячу человек населения [36].

Существенные изменения в размещении сельского населения России произошли с 1959 по 1979 гг. Для этого периода характерны рост городского населения с 61,5 до 95,4 млн. человек (в 1,5 раза) и сокращение сельского — с 55,9 до 42,2 млн. человек (в 1.33 раза). В 1961 г. численность и доля городского населения сравнялись с сельским, а в 1974 г. удельный вес городского населения в общей численности населения поднялся до 60 %. В том же 1974 г. был взят курс на укрупнение сел и уничтожение обнищавших «неперспективных» деревень [37].

На уменьшении сельского населения сказалось изменение статуса ряда крупных сельских поселений, которые были переведены в разряд поселков городского типа. В РСФСР начиная с 1958 г. к поселкам городского типа стали относиться населенные пункты, имеющие 3 и более тысяч жителей, из которых не менее 85 % — рабочие, служащие и члены их семей. Они возникали в сложившихся агломерациях из больших и растущих сельских поселений или в связи с эксплуатацией естественных ресурсов и их

транспортировкой. В 1959 г. насчитывалось 2940 поселков городского типа, к 1973 г. их стало 3666 [38].

Снижение численности сельского населения происходило как в результате перехода из села в город, так и по причине уменьшения естественного прироста в сельской местности (из-за продолжавшегося процесса старения населения). Убыль сельского населения Рязанской области в 1956—66 гг. составила 250 тысяч человек. За этот период население областного центра увеличилось на 150 тысяч жителей. С 1959 по начало 1980-х гг. Россия потеряла около 140 тысяч деревень. Доля городского населения возросла с 52 в 1959 г. до 70 % в 1979 г. Абсолютный прирост сельского населения страны прекратился [39].

Интенсивная убыль сельского населения и соответствующий ей более быстрый рост числа горожан, столь характерные для рассматриваемого 20-летия, отмечались в тех регионах, где развитие индустриализации получило огромный импульс в послевоенные годы. Таким регионом была, например, Рязанская область, где доля сельского населения к 1979 г. упала до 41,7 % [40].

Вслед за демографическими изменениями происходит трансформация социальной структуры и поведения сельских жителей. Получают распространение глубокие деформационные процессы, касающиеся сущностных характеристик природы крестьянства (так называемое раскрестьянивание). Крестьяне, уходя в город, расставались с привычной обстановкой своей жизни, расставались вместе с тем и с верой, которая для них ассоциировалась с привычными формами традиции и образами приходского храма. Вслед за разрушением привычного крестьянского быта шло разрушение традиционного мировоззрения и религиозности.

Под влиянием социокультуры города кардинально менялись взгляды селян на жизнь. Навещающие родные места «горожане-новоселы» своими рассказами и личным примером способствовали изменению традиционного крестьянского мировоззрения. Исчезало понятия о патриархальной семье, плотской чистоте, святости плодоношения. Росло число незаконных сожительств, абортов, незаконнорожденных детей, хулиганство, преступность, пьянство. Сокращался период активной репродукции, происходит переход от традиционного к рациональному типу воспроизводства в нуклеарной семье. Главное, активизировались процессы размывания православного церковного сознания, его преемственности. Ликвидация монастырей, храмов, святых мест, православных святынь способствовала этому. Процессы мигра-

ции сельского населения ускорили закрытие ряда сельских храмов. При этом новые церкви в городах открывались крайне редко. Хрущевское наступление на Церковь совпало с этим переломным с точки зрения демографического развития моментом.

В начале 70-х гг. снизилась посещаемость церквей, серьезной стала кадровая проблема. Как писал в 1974 г. журнал РПЦЗ «Православная Русь», в силу биологических причин стали уходить контингент молящихся, на которых все последние 30 лет продержались открытые храмы [41]. С середины 70-х начинается приток в церковь «новообращенных», в том числе из атеистических семей, проживающих в городе. Тип воспроизводства религиозного сознания меняется. Кардинальные сдвиги происходят и в кадрах Церкви. К концу 70-х гг. отмечено в 3 раза больше хиротоний, чем в начале десятилетия [42].

Феномен «религиозного возрождения» второй половины 70-х гг. во многом был связан с кризисом умонастроений советских людей, не дождавшихся обещанного «коммунистического рая» на земле. Кризис ожиданий была призвана устранить концепция «развитого социализма», предложенная в Конституции СССР 1977 г. Конституция зафиксировала новое социальное состояние общества, сформировавшееся в ходе перехода к индустриальному обществу. Проявилась тенденция к совершенствованию практики нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений.

Целью предпринятого исследования является анализ эволюции отношений советского государства и Русской Православной Церкви в конце 30-х — 70-е гг. XX столетия на материалах Рязанской области, а также ряда других, близко расположенных от нее областей Центральной России

Объектом исследования в данной книге выступают Русская Православная Церковь в лице отдельных ее епархий, приходов (материальная база, духовенство, верующие) и система государственных органов, осуществляющих религиозную политику по делам РПЦ (религий) при Совете Министров, институт региональных уполномоченных. В качестве предмета исследования выступает деятельность Русской Православной Церкви на примере Рязанской, Тамбовской, Владимирской епархий, характер ее взаимоотношений с государством.

Методологическую основу составил принцип историзма, заключающийся в объективности и непредвзятости исследования. Кроме того, были использованы системный, сравнительно-исто-

рический и статистический методы. В частности, использован сравнительно-региональный анализ государственно-церковных отношений в исследуемый период с показом развития общесоюзной ситуации. Для того, чтобы выдержать принцип последовательности и целостности исследования в качестве доминирующей линии, использованы сюжеты рязанской истории с иллюстративно-сравнительным приложением материалов из истории Тамбовской и Владимирской областей.

Рязанская, Тамбовская и Владимирская области были на протяжении длительного исторического периода связаны между собой общностью ряда территорий и, соответственно, преемственностью исторических традиций.

До середины 18 века Рязанская епархия именовалась сначала Муромо-Рязанской, затем Рязанской и Муромской. Во второй половине 18 века епархия называлась Рязанской и Шацкой, затем до 1929 г. — Рязанской и Зарайской. Период советской истории принес множество административно-территориальных изменений. После 1929 г. епархия именуется вновь Рязанской и Шацкой, а с 1944 г. по настоящее время — Рязанской и Касимовской.

Нельзя не отметить особенности областных переделов в советскую эпоху. В 1923 г. Елатомский и Шацкий уезды были исключены из состава Тамбовской и переданы в состав Рязанской губернии. В 1926 г. из Касимовского уезда Рязанской губернии были переданы в состав Гусевского уезда Владимирской губернии населенные пункты Великодворье, Курлово и Гусь-Хрустальный. В феврале 1938 г. Варейкисовский, Ламской, Сосновский и Старо-Юрьевский районы были исключены из состава Рязанской и переданы в состав Тамбовской области. Как указывалось ранее, в 1954 г. 10 районов Рязанской области переходит в Липецкую область [43].

Источниковую базу работы составили материалы центральных архивов: ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ, включающих фонды Совета по делам РПЦ (религий) при Совете Министров СССР, Секретариата ЦК КПСС, Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и КПСС, Идеологического отдела ЦК КПСС. Богатый фактический материал почерпнут из региональных архивов Рязанской, Тамбовской, Владимирской областей: ГАРО, ГАВО, ГАТО (фонды уполномоченных по делам РПЦ (религий), обкомов КПСС, облисполкомов), сборников документов, энциклопедических и статистических справочников, монографий, диссертаций, материалов периодической печати (журнальные и газетные публикации).

Примечания

[1] *Куроедов, В.А.* Религия и церковь в советском обществе. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1984.; *Гордиенко, Н.С.* Крешение Руси: факты против легенд и мифов (полемические заметки). — Л.: Лениздат, 1986; Эволюция русского православия (20— 80-е годы XX столетия). — М., 1984; Современное русское православие. — Л., 1987.

[2] Русское православие. Вехи истории // Науч. ред. А.И. Клибанов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 699—701.

[3] *Одинцов М.И* Хождение по мукам. 1954—1960 гг. // Наука и религия. — 1991. — № 5—8; Десять лет жизни патриарха Алексия 1955—1964 // Отечественные архивы. — 1994. — № 5; Русская Православная Церковь в XX веке: история взаимоотношений с государством и обществом. — М., 2002; Вероисповедальная политика советского государства в 1939—1958 гг. // Власть и церковь в СССР и других странах Восточной Европы. 1939—1958 (Дискуссионные аспекты). — М., 2003.

[4] *Одинцов, М.И.* Хождение по мукам // Наука и религия. — 1991. — № 7. — С. 2.

[5] *Алексеев, В.А.* Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. — М.: Россия молодая, 1992; *Русак, В.* (Степанов) Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе». — Ч. 1—3. — М., 1993.

[6] *Докторские диссертации: Васильева, О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. — М., 1999; *Корзун, М.С.* Русская православная церковь: деятельность и мировоззрение (X век — 1988 год). — Минск, 1993; *Одинцов, М.И.* Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века). — М., 1996; *Шимон, И.Я.* Отношения советского государства и Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1995; *Шкаровский, М.В.* Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в 1939—1964 гг. — СПб., 1996; Правовой статус, положение, деятельность, внешняя политика Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Самара, 2003.

Кандидатские диссертации: Гущина, А.В. Эволюция отношений государства и Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — М., 1996; *Чумаченко, Т.А.* Советское государство и Русская православная церковь (История взаимоотношений 40-е — первая половина 50-х гг.). — М, 1994.

[7] *Гордун, С.* Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской Патриархии. — 1993. — № 2.

[8] *Цыпин, В.* (протоиерей) История Русской Православной Церкви 1917—1990 (учебник для православных духовных семинарий). — Московская Патриархия: Хроника, 1994; История Русской Церкви 1917—1997.— М., 1997— Т. 9.; Русская Православная Церковь 1925—1938. — Изд. Сретенского монастыря, 1999; История Русской Православной Церкви в синодальный период 1700—2000 гг. — М., 2006.

[9] *Константинов, Д.В.* Зарницы духовного возрождения (православная церковь в СССР в конце шестидесятых — начале семидесятых). — Лондон (Канада), 1974;

[10] *Константинов, Д.В.* Гонимая Церковь: Русская православная церковь в СССР. — М., 1999. — С. 226.

[11] *Рар, Г.* (Ветров А.) Плененная Церковь. — Франкфурт-на-Майне, 1954. — С. 103; *Регельсон, Л.* Трагедия Русской Церкви. — М., 1996; *Грабе, Г.* Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. — Джорданвилль, Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1961; *Боголепов, А.А.* Церковь под властью коммунизма. — Мюнхен, 1958.

[12] *Поспеловский, Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995. — С. 310.

[13] *Эллис, Д.* Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. — Лондон, 1990; ***Davis N.*** Long Walk to the Church. A Contemporary History of Russian Orthodoxy. — USA, 1995.

[14] Русская православная церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы к истории отношений между государством и церковью // Сост. Г.М. Штриккер. — М., 1995. — Т. 2. — С. 50—51.

[15] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Сб. док. — М., 1996.

[16] *Шкаровский, М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в 1943—1964 гг.). — М., 1999. — С. 390.

[17] *Одинцов, М.И.* Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). — М.: РОИР, 2005.

[18] *Чумаченко, Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг. — М., 1999. — С. 16, 221.

[19] *Кашеваров, А.Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 гг. — СПб., 1995.

[20] *Васильева, О.Ю.* Русская православная церковь и II Ватиканский собор. Факты. События. Документы. — М. : Лепта-Пресс, 2004.

[21] Российская общественная организация «Российское объединение исследователей религии» сайт: www.rusoir.ru.

[22] *Антоненко, С.* Конфессиональная составляющая исторического дискурса в современной России // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя // под ред. Г. Бордюгова. — М. : АИРО-XX, 2003. — С. 310.

[23] *Минин, С.Н.* (священник) Очерки по истории Владимирской епархии X—XX вв. — Владимир: Нива, 2004; *Чеботарев, С.А.* Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. — Тамбов, 2004; *Федотов, А.А.* (священник) История Ивановской епархии. — Иваново, 2000.

[24] *Дегтев, Ю.А.* Рязань православная. — Рязань, 1993; *Веселкина Т.Ю.* Собор рязанских святых / Т.Ю. Веселкина, Э.К. Киселева. — Рязань, 1998; *Веселкина, Т.Ю.* Святые и праведники земли Рязанской. — Рязань, 2000; Были верны до смерти… Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских. — Рязань, 2003. — Т. 1.; *Гераськин, Ю.В.* Государство и Церковь (из истории государственно-церковных отношений в Рязанском крае в XX веке). — Рязань, 2003.

[25] *Кандидатские диссертации: Аленов, А.Н.* Власть и церковь в русской провинции в 1917—1927 гг. На материалах Тамбовской губернии. — М., 2005; *Еремин, А.В.* Формирование социальной концепции РПЦ в контексте государственно-церковных отношений 1988—2000 гг. — Ярославль, 2004; *Ламанская, Н.Б.* Государственная политика по отношению к религии и верующим в 1954—1964 гг. На материалах Красноярского края. — Абакан, 2004; *Молодов, О.Б.* Советское государство и русская православная церковь на Европейском Севере в 1969—1980-е годы: деятельность уполномоченных, приходское духовенство. — Архангельск, 2006; *Шкуратов, С.Б.* Взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 40—60 е годы XX в. — М, 2006; *Реутов, В.В.* Социальное служение церкви в XX в. На материалах Курской епархии. — Курск, 2006; *Потапова, А.Н.* Религиозная политика Советского Государства и ее осуществление на южном Урале в 1941—1958 гг. — М., 2005; *Прядкина, О.А.* Взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 1941—1954 гг. На материалах областей верхнего Поволжья. — Кострома, 2004; *Хрусталев, М.Ю.* Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918—1930-х гг. На материалах Новгородской епархии. — М., 2005; *Чеботарев, С.А.* Отношения государства и церкви в середине 1940-х — середине 1960-х гг. На материалах Тамбовской области. — Тамбов, 2001.

[26] *Шкаровский, М.В.* Указ.соч. — С. 8.

[27] *Одинцов, М.И.* «Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (Государственно-церковные отношения в истории советского общества // На пути к свободе совести». — М.: Прогресс, 1989. — С. 29—71.

[28] *Кандидатские диссертации: Абдулов, Н.Т.* Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917—1991 гг. —

Уфа, 2006; *Белкин, А.И.* Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20-х — начале 60-х годов XX века (на материалах русского православия). — Саранск, 1995; *Вяткин, В.В.* История Пермской епархии в XIX-начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения. — Пермь, 2005; *Горбатов, А.В.* Церковно-государственные отношения в Кемеровской области (1943—1969 гг.). — Кемерово, 1996; *Подмарицын, А.Г.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917—1941 гг. — М., 2006; *Тюрина, Л.В.* Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917—2000 гг. — Курск, 2000; *Федотов, А.А.* Русская Православная Церковь в 1960—1990-х гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. — Иваново, 2000;

Докторская диссертация: Катунин, А.Ю. Православная церковь и государство. Проблема взаимоотношений в 1917—1939 гг. (на материалах Крыма). — Симферополь, 2003.

[29] *Маслова, И.И.* Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной церкви (1953—1991): Дис. …докт. ист. наук. — М., 2005. — С. 465.

[30] *Мареева, Е.П.* Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX-начале XX вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Тамбов, 2003.

[31] Рязанской области 60 лет. Юбилейный сборник. — Рязань, 1997. — С. 11.

[32] Народное хозяйство Рязанской области. Статистический сборник. — М.: Статистика, 1967. — С. 14.

[33] Доленина, О.Е. Некоторые особенности динамики плотности населения России в период 1913—1989 гг. // Известия Русского географического общества. Сентябрь-октябрь 2005. — Т. 137. — Вып. 5. — С. 27—28; Население России в XX веке. Исторические очерки: в 2 т. 1940—1959 / Отв. ред. Ю.А. Поляков. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 290.

[34] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М.: Статистка, 1963. — С. 24—29; *Доленина, О.Е.* Указ. соч. — С. 29—30; Народное хозяйство Рязанской области. — М.: Статистика, 1967. — С. 129; Население России в XX веке... — Т. 2. — С. 288—289.

[35] *Цыпин, В.* (протоиререй) История Русской Церкви 1917—1997. — М., 1997. — Т. 9. — С. 20.

[36] ГАРО. — Ф.Р-5629. — Оп. 1. — Д. 96. — Л. 188; Рязанской области 60 лет. Юбилейный статистический сборник. — Рязань, 1997. — С. 15.

[37] Население России за 100 лет (1897—1997). — М., 1998. — С. 32; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М., 1963. — С. 24—29.

[38] *Зайончковская, Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение. — М., 1991. — С. 82—83; Население СССР. Справочник / под ред. А.Я. Боярского. — М. : Политиздат, 1974. — С. 50.

[39] Население СССР. Справочник. — С. 51, 64; Народное хозяйство Рязанской области за 1958 г. — М. : Госстатиздат, 1958. — С. 4; Народное хозяйство Рязанской области за 1967 г. — М.: Статистика, 1967. — С. 14.

[40] Народное хозяйство Рязанской области. — Рязань, 1988. — С. 5.

[41] Православная Русь. 1974. — № 21. — С. 8.

[42] *Цыпин.* Указ. соч. — С. 446.

[43] Рязанская область. Административно-территориальное деление. Справочник / М.Н. Кривельский, Л.В. Бахлина. — Рязань: Новое время, 1997. — С. 12—15.

ГЛАВА I

Эволюция отношений власти, верующих и церкви в конце 30-х — 50-х гг.

§ 1 .Отношения между государством и верующими после террора 1937 г. Подъем религиозных настроений общества в годы Великой Отечественной войны

1936—37 гг. — переломный период в политической жизни СССР. В 1936 г. начался процесс становления советской парламентской модели. 5 декабря VIII съезд Советов принял новую Конституцию СССР. Новый основной закон страны знаменовал собой победу социализма — «начальной стадии коммунизма». Более 5 месяцев на бесконечных собраниях проходило всенародное обсуждение проекта новой Конституции, в котором, по данным официальной статистики, приняло участие 55 млн. человек.

В ходе обсуждения проекта Конституции в адрес Редакционной комиссии шел поток обращений: предложений, поправок, жалоб и ходатайств. В связи с декларируемыми в тексте Конституции правами граждан на свободу совести (ст. 129) и свободу собраний, шествий (ст. 115) в адрес Комиссии культов ЦИК СССР в 1936 г. поступило 5200 жалоб. Из них 380 поступило из Московской области, включавшей в свой состав до 1937 г. территорию бывшей Рязанской губернии. Каждая пятая жалоба касалась временного закрытия молитвенных зданий, их административного изъятия без соблюдения законодательства. В 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, осталась примерно четверть от всех молитвенных зданий, используемых для богослужения до революции [1]. Остальные были использованы под засыпку зерна,

различные склады или просто временно прикрыты местными властями под различными предлогами: типа «ветхости», «угрозы обвала», «невыполнения ремонта в надлежащие сроки» и т.п. Каждая десятая жалоба была в отношении запрета молебнов, хождений по домам с иконами, запрещении колокольного звона и др.

Немало жалоб поступило в связи с разного рода стеснениями в регистрации священнослужителей. Подобная жалоба поступила в адрес Комиссии культов ЦИК СССР, например, из рязанской глубинки — Сараевского района [2].

Процесс конституционного строительства, к сожалению, не сопровождался изменением административной политики в отношении Церкви. К 1936 г. прекращаются деятельность Синода Православной церкви и выпуск «Журнала Московской патриархии». Под давлением власти объявил о «самороспуске» обновленческий Синод [3].

В записке отдела культпросветработы ЦК ВКП(б) секретарям ЦК ВКП (б) Андрееву А.А., Ежову Н.И. «О состоянии антирелигиозной работы» в феврале 1937 г. говорилось о попытках в ряде мест организовать демонстрации за открытие церквей и посылку делегаций в центр, причем руководители церковных организаций указывали, что свобода уличных демонстраций обеспечивается Конституцией [4]. Докладная записка Комиссии культов ЦИК СССР в ЦК ВКП(б) об отношении верующих к проекту Конституции [5].

1937 год — особый год в советской истории. На него пришелся пик политических репрессий и гонений на Русскую Православную Церковь. По стране прокатилась волна судебных процессов над священнослужителями по обвинению их в шпионаже и террористической деятельности. Были арестованы около 150 тысяч служителей церкви, расстреляны около 80 тысяч [6].

В годы гонений в Рязанской области было заведено более 1,5 тысяч политических дел на священнослужителей [7]. Священники ряда епархий обвинялись в связях с «московским церковно-фашистским центром». Жизненный путь многих из них оборвался вблизи поселка Бутово Ленинского района Московской области, на огороженной территории спецполигона НКВД СССР. Приговоры приводились в исполнение и в местах задержания. В Рязанской области печально известны такие трагические объекты эпохи, как концлагерь в селе Болошнево Рязанского района, точки захоронений репрессированных у стен Лазаревского и на территории старообрядческого кладбищ [8]. Сохранились свидетель-

ства о том, что в это время на стене бывшей Троицкой церкви, превращенной в клуб железнодорожников, был помещен портрет Сталина. Перед отправкой осужденных в лагеря по пути следования к вокзалу работники НКВД заставляли их становиться перед портретом на колени [9].

Еще в январе 1936 г. по обвинению в антигосударственной деятельности в Рязани была арестована группа священников во главе с правящим архиереем Иувеналием (Масловским). Рязанский архиепископ был арестован за «участие в контрреволюционной группе», за то, что «служил в церкви торжественную панихиду по бывшему русскому царю Николаю II» и «разрешал производство тайных постригов». На очную ставку с владыкой Иувеналием вызывался тоже уже арестованный епископ Скопинский Игнатий (Садковский), викарий Рязанской епархии. Всего по делу «о контрреволюционной деятельности» владыки Иувеналия было привлечено 27 священнослужителей, в том числе иеродиакон Александр Андреев, служивший вместе с владыкой. По ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР архиепископ Иувеналий был заключен в исправительно-трудовой лагерь в Сиблаге сроком на 5 лет. В ночь с 24 на 25 октября 1937 г. по приговору «тройки» НКВД Новосибирской области был расстрелян[10].

Подобные карательные акции в отношении правящего епископата прошли во всех без исключения епархиях. В 1935—1936 гг. были последовательно арестованы и в последующем расстреляны Вассиан (Пятницкий) и Венедикт (Алентов), архиепископы Тамбовский и Мичуринский. В те же годы арестовали и осудили викария Владимирской епархии епископа Ковровского Афанасия (Сахарова) и епископа Липецкого Уара (Шмартина) [11].

Под удар гонений на Православие попали не только священнослужители, но и преданные Вере миряне. Одним из таких был крупный ученый-искусствовед, автор 20 книг по искусству Древней Руси Г.К. Вагнер. В 30-е гг. он работал заведующим художественным отделом картинной галереи Рязанского краеведческого музея, где изучал древнерусскую архитектуру Рязанского края. Во время проведения одной из музейных экскурсий выступил в защиту храма Христа Спасителя, против сноса Тверской часовни, Сухаревской башни, Красных ворот. В январе 1937 г. по доносу был арестован и по постановлению тройки при УНКВД СССР за «контрреволюционную деятельность» приговорен к 5 годам лагерей [12].

В октябре 1935 г. постановлением Президиума Рязгорсовета был закрыт Борисо-Глебский собор. Остальные, не занятые под хозяйственные нужды, разрушались. Так, под предлогом строительства спуска с улицы Старогоршечной (Грибоедова) к реке Лыбедь, на проезде Речников в Рязани была полностью снесена церковь Симеона Столпника, в которой находился чудотворный образ Божией Матери «Знамение» — Корчемная. Была также разрушена Владимирская (Семинарская) церковь [13]. В апреле 1936 г. из почти 40 дореволюционных храмов Рязани богослужения совершались лишь в пяти: Скорбященская кладбищенская и Скорбященская старообрядческая, церковь Троицкого монастыря, Вознесенская и Лазаревская. В двух последних хозяйничали обновленцы. В этом же году закрывается Лазаревская церковь. В 1940 г. закрывается последний храм Троицкого монастыря, и единственным прибежищем православных верующих остается Скорбященская церковь [14] .После ареста настоятеля церкви протоиерея о. Александра (Андреева), в храме остался служить чуть ли не единственный священник о. Борис (Скворцов), ставший в послевоенный период епископом Рязанским и Касимовским [15].

В 1938 г. в Рязанской епархии насчитывалось 335 храмов. К 1941 г. осталось 14—18 действующих храмов. Закрытие церквей шло, главным образом, по причине арестов священников, а также вследствие неуплаты налогов. К началу Великой Отечественной войны Рязанская епархия как церковно-административное объединение практически прекратила свое существование. Так же обстояло дело в других епархиях. В 1938 г. формально незакрытыми по РСФСР остались 3617 храмов, в 1939 г. — 950. Однако из-за нехватки духовенства, большей частью уже арестованного, действующими оставались около 100 храмов. В 1935—1937 гг. за «контрреволюционную деятельность» были привлечены 84 архиерея. На страницах журнала «Антирелигиозник» в 1935 г. Е. Ярославский заявил о существовании в СССР целых городов, где нет ни одной церкви. К 1939 г. епархий как административных единиц уже почти не существовало. Вместе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием осталось 4 правящих архиерея [16].

В 1937 году в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения. В отношении так называемой «живучести религиозных предрассудков» она вскрыла неожиданную картину. Несмотря на сложную внутриполитическую ситуацию в стране из 97521 человек опрошенных 55278 человек (56,7 %) заявили о своей вере в

Бога. Из них 2/3 были сельскими жителями. Большинство людей пожилого возраста, даже из тех, кто когда-то допускал разрушение храмов, оставались верующими. Более того, террор 1937 г. породил у значительной части населения опасения за свою судьбу, судьбы родных, страх перед неясным будущим и лишь усилил религиозные настроения. Результаты переписи 1937 г. были признаны «дефектными», а ее исполнители репрессированы, поскольку отсутствие показателей прироста населения за 10 лет демонстрировали издержки политики форсированного переустройства общества. Специальным постановлением Совнаркома была запланирована на январь 1939 г. следующая перепись населения [17].

В декабре 1937 г. по всей стране, включая только что образованную Рязанскую область, в соответствии с новой Конституцией были проведены выборы в Верховный Совет СССР. И хотя безальтернативные, рекомендованные сверху кандидаты блока коммунистов и беспартийных получили 98,6 % вотума доверия (99,04 % в Рязанской области при 98,4 %, принявших участие в голосовании), сохранялось и протестное голосование [18]. Хотя цифра его была невелика — менее 1 % (632 тысячи избирателей по стране, и около 9 тысяч — по Рязанской области), власть в ходе избирательной кампании увидела, что в русской провинции, несмотря на классовые зачистки в ходе коллективизации, шквал антирелигиозной пропаганды, внедрение новой советской обрядовости, таятся оппозиционные настроения со стороны верующих [19].

Оппозиционные настроения не устранила даже практика жесткой персональной ответственности руководителей нижнего и среднего звена за ход избирательной кампании согласно решению Оргбюро ЦК ВКП(б) по Рязанской области от 26 ноября 1937 г. [20]. Так, накануне дня голосования на заседании Оргбюро 1 декабря 1937 г. за недостатки в агитационной кампании был снят с работы и исключен из партии секретарь Ново-Деревенского райкома М.С. Миронцев [21].

Анализ настроений верующих граждан в рассматриваемый период был сделан областным Советом СВБ на основе «Отчетов районных комитетов СВБ в период избирательной кампании по выборам Верховного Совета СССР». На избирательные участки должны были прийти люди, значительная часть которых помнила еще выборы в Государственную думу России, т.е. имела опыт участия в общероссийских выборах. Тогда нередко депутатами от провинции становились землевладельцы, земские деятели и воло-

стные чины, священники. На выборах 1937 г., несмотря на то, что в деревне в ходе проведения сплошной коллективизации классовая борьба в целом завершилась, власть столкнулась со случаями сопротивления к участию в голосовании. К тем, кто бойкотировал выборы, сразу же приклеили ярлыки типа «церковник», «сектант», «баптист». Носители подобных ярлыков и составили оппозицию «блоку коммунистов и беспартийных».

Показательным было отношение православных селян к выборам, участию в них. Например, А. Астахова, из села Шостье Ерахтурского района заявила: «Не пойду голосовать, там заберете меня в свои лапы» (видно, имелись в виду лапы Антихриста). В деревне Заулки Кадомского района ряд верующих жителей в день выборов ушли в лес. В их высказываниях сквозило опасение о том, что через участие в выборах их сделают слугами Антихриста. Звучали явно апокалипсические опасения наступления времени Антихриста. Так в деревне Савино Кадомского района противники участия в выборах заявляли следующее: «Если мы изберем Зверя, он нас всех получит». Верующие села Царево Ермишинского райна раздавали свое имущество, утверждая, что 12 декабря 1937 г. наступит конец света. Наиболее выпуклыми были зафиксированные активистами СВБ разговоры в деревне Чаур Бельковского района, селах Плахино и Липки Захаровского района о том, что в день выборов будут накладывать антихристову печать (!). Об аналогичных настроениях верующих села Волшута докладывали активисты СВБ Чапаевского района. Участие или неучастие в голосовании, таким образом, становилось вопросом исповедания веры.

В отказных высказываниях звучали ноты явного непринятия верующими безбожной власти. В селе Юшта Шиловского района верующие, отказывающиеся от участия в голосовании, публично объявили, что «не дозволяет Богородица переходить в антихристову веру!». В селе Никитино-Ванчур того же района звучали высказывания такого рода: «Власть не наша, наша власть избрана в трех лицах: Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух святой».

В отказах от голосования нередко содержались настроения прямой оппозиционности власти. В селе Ново-Тишево Новодеревенского района в качестве доводов в пользу бойкота выборов звучала следующая достаточно откровенная и враждебная по настроению, мотивировка: «За большевиков голосовать не пойдем. Они — погромщики церкви и мучители народа. Нам Бог сказал за них не голосовать!». Негативную реакцию вызывали кандидаты в

депутаты, кооптированные из центра, например, А.Г. Зверев, заместитель наркома финансов СССР и М.Ф. Шкирятов, секретарь партколлегии ЦКК партии.

Решительность отказников нередко граничила с готовностью к самопожертвованию. Верующая села Ерахтур Орешкина решительно заявила: «Отрубите мне голову и обе руки, а голосовать и выбирать Советскую власть не пойду. Я страдаю за Христа. Христос страдал, и я буду страдать!». В селе Юшта, стоящие за веру люди, обратились к представителям местной власти со следующими словами: «Тело наше нате разорвите, но душу от нас не возьмете!».

Своеобразный рекорд по числу отказников принадлежит деревне Барашево Сасовского района, где не голосовало 126 избирателей и селу Куйманово Трубетчинского района с числом отказников в 113 человек. Эти люди шли в храм на воскресную службу, либо молились дома, либо уходили в лес, где пребывали до сумерек. Агитаторы из числа местного партийно-советского актива, которых по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) по Рязанской области было расставлено из расчета 1 агитатор на 40 избирателей, совершали подворный обход и разносили открытки-напоминания, призывая на выборы. Чтобы спрятаться от них, люди порой шли на всякого рода ухищрения. В Трубетчинском районе один из верующих (в отчете обозначенный как «баптист») в день голосования прятался на печке в завязанном мешке.

Помимо прямой конфронтации с властями по поводу участия в голосовании были примеры протестных высказываний, заносимых в бюллетени. Избирательные предпочтения, обнаруженные в таких бюллетенях, противоречили ожиданиям властей. Нередко в них проскальзывали, казалось бы, подзабытые за 20 лет монархические настроения. В уже упомянутой д.Чаур в бюллетене обнаружили признание: «Голосую за государя, Бога и великого князя Николая Александровича!». Жительницы села Лубонос Ерахтурского района А. Хавронина и Д. Леханева публично объявили: «Мы будем надеяться только на Бога, если царя выбирать, так пошли бы, а за коммунистов да стахановцев не пойдем». При подсчете бюллетеней на избирательном участке Дурновского сельсовета Пронского района в двух конвертах была обнаружена запись: «Я голосую за церковь и веру Христову». На Лухунинском избирательном участке Тумского района в бюллетене обнаружена приписка: «Всем властям я подчиняюсь, но от Бога никуда, яко с нами Бог». На Крутовском избирательном уча-

стке Муравлянского района один из избирателей обозначил свое предпочтение так: «За кого Бог, за того и я». В деревне Саларьево Чапаевского района избиратель нарисовал на бюллетене крест и написал, что голосует за Бога. Нередки были высказывания, что Бог знает, кого выбирать, он и выберет.

В поле зрения властей и осведомителей в период избирательной кампании и в день голосования были, прежде всего, лица духовного звания. Их поведение накануне выборов и день их проведения было разнообразным: от прямого бойкота до компромисса, целесообразного с ситуацией лавирования, а порой конформизма. Что касается последней модели поведения, она была характерна, в основном, для представителей обновленческой церкви. Неоднозначными оказались, к примеру, позиции двух пронских священников Афанасьева и Виноградова. Если один в кругу верующих заявил о целесообразности выдвижения духовных лиц, если не в Верховный Совет, то хотя бы районный или сельский, то другой, обращался к прихожанам, не выдвигать его кандидатуру. В целом же провинциальные священнослужители демонстрировали оппозиционность: явную или скрытую. Так монахини, проживающие на территории Курбатовского сельсовета Милославского района, свой отказ голосовать мотивировали без обиняков: «Мы — невесты Христа!».

Вот выдержки из нескольких информационных справок осведомителей СВБ. В селе Култуковском Тумского района священник местной церкви Избирдусов агитировал против выдвинутых кандидатур. Диакон Назарьевской церкви Муравлянского района написал «контрреволюционное» стихотворение по поводу выборов. В результате 17 селян отказались от голосования. Дьяк села Гиблицы Вельского района Семенов категорически отказался голосовать. В селах Ардабьево, Ермолове, Щербатово Елатомского района накануне вечером и в день выборов церкви освещались внутри и снаружи, чтобы привлечь верующих в момент начала голосования. На Константиновском избирательном участке в Данковском районе в обличье нищего появился священник Жулев, служащий в церкви другого, Вельского района, агитировавший за срыв голосования. В Кадомском районе воскресные, в день проведения выборов службы проводились в 2-х из 8-ми церквей. Но бывали случаи другого рода. В селе Вельском Данковского района священник сказался заболевшим накануне выборов, в селе Данево Касимовского района воскресная служба была перенесена на субботу.

В случае участия ряда священнослужителей в голосовании, вычеркивание ими предложенных властью кандидатур было не единственной моделью поведения. Нередко они использовали бюллетень для артикуляции вполне справедливых требований. После голосования они начинали церковную службу. Священник села Бусаевского в Тумском районе, зайдя вместе с женой в кабину для голосования, громко объявил ей: «Буду вычеркивать кандидатов!». В Ясском сельсовете Сосновского района местный священник внес в бюллетень требование об открытии церкви. Во многих населенных пунктах власть поспешила закрыть церкви на день выборов. Использовались разные предлоги. Казанская церковь села Собчаково Спасского района была закрыта «по случаю эпидемии скарлатины».

Нередко на фоне избирательной кампании проводился сбор денег для ремонта храмов. Так в селе Спешнево-Ивановское Данковского района было собрано 3 тысячи, в селе Дубово Раненбургского района — 18 тысяч рублей. В селе Добрый Сот Спасского района собирались подписи в ходатайство об открытии церкви.

В ряде мест начавшаяся предвыборная агитация обнажила высокий авторитет сельских священников. Так в селе Копнино Чучковского района в самом начале избирательной кампании прошел слух, будто будут выбирать местного священника отца Петра Некрасова и «он может быть через несколько дней на месте Сталина» [22].

В конце 1937 г. — начале 1938 г. последовали аресты лиц духовного звания по обвинению их в контрреволюционной деятельности, в том числе в период выборов в Верховный Совет СССР. Об этом свидетельствуют выдержки из следственных дел Архива УФСБ по Рязанской области. Арестованный 25 ноября 1937 г. священник села Ольхи Сапожковского района Алексей Глаголев, был обвинен по ст. 58 п. 10 УК РСФСР за контрреволюционную деятельность. В состав преступления было включено «распространение провокационных слухов о порядке выборов в Верховный Совет». Священник села Березняки Скопинского района Сергей Тапильский, арестованный 10 декабря 1937 г., «ходил по домам, распространяя клеветнические слухи о Сталинской конституции и выборах в Верховный Совет Союза ССР. Священник села Аристово Клепиковского района Василий Кузьмин, арестованный 14 декабря 1937 г., обвинялся в «антисоветской агитации против выборов в Верховный Совет СССР» [23].

Причиной протестного поведения верующих были фундаментальные формационные изменения в обществе. Конец 30-х знаменовался победой социализма в СССР, сопровождающейся ликвидацией остатков патриархального общества, сменой хозяйственных устоев, изменениями социально-классовой структуры, культурных традиций. Наблюдалось истощение адаптационных резервов общества, усталость населения от формационных потрясений, а потому это сопровождалось недовольством и проявлениями протеста.

В то же время православная жизнь и традиция в провинции демонстрировали свою неистребимость. В сельской местности проживало до 90 % населения области [24]. Религиозность крестьянства, пусть даже колхозного, в целом была цельной, слитой с их образом жизни. Для большинства крестьян вера веками служила основой их существования, способом жизни. Искренне верующий человек не мог плохо хозяйствовать на земле, которую считал созданием Божьим. Иконы в красном углу крестьянской избы считались первой необходимостью. Религиозность крестьянина выражалась в молитвенных обращениях к иконе святого, знании его жития, заказе молебна в сельском храме, стремлении отправиться в паломничество к святым местам, отношении к смерти. Крестьянские нравственные нормы требовали уважения к родителям. Благословение бралось не только перед венчанием, но и перед отъездом в дальнюю дорогу, кончиной отца или матери. Крестьяне придавали исключительное значение молитве родителей и остерегались их проклятия. Крестьянская этика уважения к старшим проглядывалась в уважительном приветствии на улице, в почтительном разговоре, стремлении получить мудрый совет. Традиционный пост воспитывал в крестьянах понятие о превосходстве в человеке духовных начал над телесными. Различался пост наружный (воздержание от продуктов животного происхождения) и внутренний (поведенческий). Хранение поста считалось средством умилостивления Божьего гнева.

Православные праздники выступали неотъемлемой частью повседневной жизни селян. Новые советские праздники оказались не в состоянии вытеснить православный календарь. Рязанский СВБ сообщал в центр о таких фактах из производственной и культурной жизни рязанской деревни, которым, казалось бы, не должно быть места, спустя 20 лет после Октябрьской революции. В колхозе «15 лет Октября» Путятинского района в Петров день не вышли на уборку вики женские звенья. Та же картина была

отмечена в Данковском районе. Председатель и бригадиры колхоза «Первомайский призыв» Чучковского района в разгар уборочной кампании праздновали праздник «Казанской Божией Матери». В Стрелецком сельсовете Данковского района колхозники отмечали 8 ноября (!) Дмитров день и на работу не выходили. Председатель Мамоновского колхоза Пронского района Лукин праздновал Рождество в течение трех дней. В селе Ушаково Спасского района бригадир предоставил лошадей для отправки верующих в церковь. В селе Федотьево того же района священник предпринял попытку организовать церковный хор из молодежи [25].

В 1930-е гг. гонения на религиозную жизнь, закрытие храмов вызвали распространение практики тайных приходов и богослужений. Их совершали сотни странствующих священников, уклонившихся от ареста или освобожденных, а затем скрывших свое прошлое. Деятельность подобных катакомбников, несомненно, вызывала тревогу властей. В 1937 г. в прессе появилось такое определение нелегальной церкви как «церковь в чемодане», отмечалось влияние «попов-передвижек» (по выражению Е. Ярославского) на рядовую массу верующих и даже на советский и колхозный актив [26]. Члены Катакомбной церкви в лице «Истинно-православные христиан» (ИПХ), порвавшие общение с митрополитом Сергием (Старгородским) после выхода в свет известной Декларации 1927 г., не признавали политического строя, уклонялись от участия в общественной жизни. В протестных настроениях верующих в ходе выборов в Верховный Совета СССР 1-го созыва проявились идеологемы ИПХ. Поэтому вскоре власть осознала, что закрытие церквей ведет к увеличению нелегальных церковных организаций. В среду катакомбников-«непоминающих», относящихся непримиримо к Советской власти, влилась большая группа верующих, никогда не порывающих с Местоблюстителем Патриаршего Престола. Эти верующие ушли в подполье потому, что открытая литургическая и обрядовая жизнь стали невозможными. До предела минимизированная (например, в городе Рязани до одного прихода в 1940 г.) [27], но официальная и строго контролируемая Церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная.

Результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г. были своеобразным приговором «Союзу воинствующих безбожников» (СВБ). Антирелигиозная пропаганда большевиков к 1938 году перестала носить системный характер и находилась на пороге

кризиса. Несмотря на бюджетное финансирование, наличие штатов и территориальной структуры, СВБ практически развалился. Его численность упала с 7 млн. членов в 1932 г. до 350—400 тыс. в 1937 г. [28]. Люди устали от казенного, бюрократического стиля работы СВБ и формального членства Архивные дела фонда Рязанского областной организации СВБ демонстрируют явный спад даже информационно-надзорной деятельности первичных организаций. Все дело было сведено к формальной лекционной работе.

Ряд областных организаций СВБ погряз в нарушениях финансовой дисциплины. Так Центральный Совет СВБ исключил фонд премирования в сумме 1 тысячи рублей по Рязанскому областному Совету СВБ как незаконный [29]. Но самое главное, под партийно-политическим ударом и чисткой оказалась троцкистская часть его аппарата. В партийной печати появились обвинения «левых уклонистов» в массовой ликвидации церквей, озлобляющей «отсталую часть» населения [30]. Отдел культпросветработы ЦК ВКП (б) просил заслушать на Оргбюро ЦК доклад Е. Ярославского о работе СВБ [31].

В условиях растущей угрозы военного нападения извне реабилитация идеи сильного государства стала происходить не только на теоретическом, но и практическом уровне. В государственную идеологию стали вноситься имперские и национальные мотивы, что противоречило марксистскому тезису об отмирании государства. Развернулась широкая кампания по пересмотру истории русского государства, его цивилизаторской роли. Началась социальная реабилитация института семьи как главной ячейки общества. Были законодательно запрещены аборты и их пропаганда, усложнился развод, увеличились пособия матерям. Все эти мероприятия власти соответствовали русской православной ментальности, настроениям верующей провинции. Возрождая некоторые русские традиции, борясь с наследием троцкизма, власть сочла необходимым умерить пыл воинствующих атеистов. Полоса вынесения смертных приговоров в отношении взятых под стражу священнослужителей и приведения их в исполнение, активно осуществляемая осенью 1937 г — весной 1938 г., закончилась.

Кроме того, с началом 2-й мировой войны, после падения Польши, в состав СССР вошли территории с практически нетронутой религиозной жизнью, не только православными, но и униатскими приходами. С этим обстоятельством, также, нельзя было не считаться.

При определении стратегической линии в отношениях с Церковью учитывался не только внешний фактор, но и, несомненно, настроения православной провинции, вскрывшиеся в ходе принятия сталинской Конституции и избирательной кампании в Верховный Совет СССР. Наглядный материал дали также результаты Всесоюзной переписи. Нельзя не отметить также и то обстоятельство, что к 1939 г. политическому руководству удалось избавиться от некоторых крайностей «ежовщины». Поэтому, соглашаясь с историком Шкаровским, можно говорить о том, что наметилось изменение курса государственной религиозной политики после десятилетнего периода бескомпромиссного наступления на Церковь. Открытое, активное наступление на Церковь было приостановлено. Политическое руководство, осознав ошибочность своего убеждения в том, что религия потеряла свое влияние на граждан, перешло к созданию видимости религиозной терпимости в стране [32].

О происшедших изменениях свидетельствует решение ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г. по вопросам религии о том, чтобы «признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих» [33]. Государство стало демонстрировать веротерпимость. Ранее планируемая воинствующими атеистами третья «безбожная пятилетка» не была санкционирована политическим руководством страны, и потому ее провозглашение не состоялось.

Начавшаяся Великая Отечественная война, казалось, должна была обострить противоречия между Церковью и государством, усилить проявления прежних обид в отношении большевизма. На это возлагали надежду фашисты, активно привлекая на оккупированные территории эмигрантское духовенство РПЦЗ (во главе с Экзархом Прибалтики митрополитом Сергием). На захваченных немецкими войсками территориях стали стихийно возрождаться закрытые в 30-е гг. приходы, и немцы этому не препятствовали. Главной целью германской политики «веротерпимости» было использование религиозных чувств населения зоны оккупации в интересах обеспечения германской армии спокойного тыла. Возникли серьезные опасения, что Берлин, играя на теме мученичества Православной Церкви, сделает ее заложницей своих военно-политических целей. Кроме того, тема религиозной свободы в СССР стала актуальным аспектом переговоров со странами антигитлеровской коалиции.

В ряде действующих, на момент начала войны, приходах богослужение, несмотря на оккупацию, не прекращалось. Когда в ряде городов, попавших под оккупацию, закрывались музеи атеизма и открывались, запрещенные при Советской власти, церкви, сразу же обнаружилось, что, прививаемый властью атеизм оказался несостоятельным — храмы во время богослужений наполнились людьми. Однако, религиозный подъем, вопреки ожиданиям немцев, самым тесным образом соединился с ростом национального самосознания.

В силу исторически сформировавшегося патриотизма Русское Православие оказалось выше обид эпохи гонений и призвало верующих к защите Родины. В своем «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», а также в проповеди, произнесенной во время молебна «О даровании победы» в Богоявленском соборе 26 июня 1941 г., митрополит Сергий призвал народ к консолидации перед вражьей угрозой. Послание это разрешили зачитать в храмах только через два дня после обращения Сталина. Первые слова обращения Сталина к народу 3 июля 1941 г.: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои…» напоминали слова проповеди.

Духовно-религиозный фактор сыграл весьма существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для страны хода военных действий, росте национально-патриотического самосознания. Правительство всемерно поддержало подъем русского национального патриотизма. «Союз воинствующих безбожников» и журнал «Безбожник» были закрыты, практически полностью прекратились репрессии против православного духовенства. Оправданно говорить о годах войны как о «переломном моменте» в жизни РПЦ. Церковь приобретает статус публично-правового социального института. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви в годы войны были многообразны: морально-нравственное влияние (через проповеди, послания о даровании победы); сбор денежных средств и необходимых материальных ресурсов в фонд обороны; служба священников в рядах действующей армии (освещение боевой техники, молебны, отпевания); шефство над госпиталями и т.д. Будущий патриарх Московский и всей Руси Пимен начал свой боевой путь в качестве заместителя командира роты. В тылу приходы взяли на себя попечение о раненых, беженцах, сиротах.

Канцелярия Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Старгородского) была эвакуирована в Улья-

новск. Туда стали прибывать за назначением на епархии и приходы представители духовенства, многие из которых были освобождены из мест заключения. В конце 1942 — начале 1943 г. советские власти дали согласие на регулярное совершение митрополитом Сергием новых епископских хиротоний.

Рязанскую епархию в годы войны возглавляли архиепископ Алексий (Сергеев) (1942—1944) и Димитрий (Градусов), в схиме Лазарь (1944—1947). На долю рязанских владык пришлась большая работа с вновь открывающимися церковными приходами.

Архиепископ Алексий (Сергеев) родился в 1899 г. в Московской губернии. В 1916 году окончил общеобразовательное отделение, а в 1919 году — архитектурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества. С 1923 г. — послушник Смоленско-Зосимовой пустыни Владимирской епархии. В 1924 г. — рукоположен в диаконы, в 1927 г. — пострижен в монашество с именем Алексий. В 1928 г. рукоположен в иеромонаха, а в 1932 г. — возведен в сан архимандрита. В 1935 г. — рукоположен в епископа Каширского, викария Московской епархии. В 1936 г. Преосвященный Алексий был назначен епископом Серпуховским, викарием Московской епархии, а в августе того же года направлен на Вологодскую кафедру, но от назначения отказался. После этого был назначен епископом Егорьевским, а затем епископом Иваново-Вознесенским. В 1938 г. епископ Алексий уклонился в раскол, в связи с чем, в 1939 г. был запрещен в священнослужении и предан архиерейскому суду.

В декабре 1940 года епископ Алексий принес покаяние и был назначен епископом Тульским и Одоевским. С возведением в сан архиепископа в 1941 году назначен на Кишиневскую и Бессарабскую кафедру. Когда в 1941 году Бессарабия и Румыния были оккупированы фашистскими войсками, архиепископ Алексий был эвакуирован с назначением управляющим Уфимской и Мензелимской епархией. Затем последовательно он был архиепископом Орловским и Севским, Тамбовским и Мичуринским. В сентябре 1942 года он назначается архиепископом Рязанским и Шацким. Пребывая на рязанской кафедре, архиепископ Алексий ездил по епархиальным делам в город Ульяновск, где до лета 1943 г. находилось в эвакуации Управление Московского Патриархата во главе с патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Старгородским). 11 июля 1943 г. архиепископ Алексий был назначен временно управляющим Калужской и Тульской епархией. 8 сентября 1943 г. в числе 19 иерархов РПЦ был чле-

ном Архиерейского Собора, избравшего Патриархом Московским и всея Руси митрополита Московского и Коломенского Сергия (Старгородского) [34].

С февраля 1944 по январь 1947 г. на Рязанской кафедре нес священнослужение епископ Димитрий (Градусов). Родился он в 1881 г. в Ярославле. В 1918 г. во время подавления мятежа в Ярославле был без вины зверски избит красноармейцами. Особо пострадали ноги, поэтому владыка до конца жизни ходил с палочкой. В 1938 г. потерял жену и дочь. С именем Владимир пострижен в монахи в январе 1943 г. Участник Собора епископов РПЦ 8 сентября 1943 г. С декабря 1943 г. по февраль 1944 г. управлял Орловской епархией. С февраля 1944 г. на Рязанской кафедре. В январе 1947 г. по личному прошению был переведен на архиерейское служение в Ярославль [35].

В 1942 г. число приходов в Рязанской епархии сократилось до 2—3 [36]. Сказалось введение на территории области, как и на всей европейской территории страны, военного положения и связанные с этим ограничения и лишения. Осенью и зимой 1941 г. в ходе Московской битвы Рязанская область стала прифронтовым тылом, а затем и театром военных действий. 26 октября 1941 г. был создан Рязанский Государственный Комитет Обороны во главе с первым секретарем обкома С.Н. Тарасовым. Эвакуационные мероприятия охватили 21 из 49 районов области. С 8 ноября 1941 г. по 2 января 1942 г. Рязань находилась на военном положении, и действовал комендантский час, поскольку передовые части противника подступили к областному центру на расстояние 30 км[37]. Некоторые храмы пострадали во время боевых действий, поскольку их колокольни использовались для артиллерийской наводки, как огневые и наблюдательные точки. Дело доходило до того, что отдельные колокольни пытались взрывать, чтобы лишить немцев и их авиацию ориентира. При эвакуационных мероприятиях пытались взорвать динамитом даже 65-метровую колокольню Троицкой церкви в Туме, но, по счастливой случайности, мощность взрыва оказалась недостаточной [38].

Первые действия властей на местах в отношении Церкви были еще выдержаны в духе антирелигиозных кампаний 20—30- х гг., когда святое дело помощи фронту использовалось как рычаг давления на верующих. По инициативе местных сельских советов действующие церкви закрывались, а их здания передавались в распоряжение государства для использования в оборонно-хозяйственных целях. Случалось, что от местных властей исхо-

дили инициативы о снятии уцелевших церковных колоколов и передачи их в фонд обороны для переплавки на пушки и снаряды. Подобные случаи имели место даже в тыловых районах Тамбовской и Владимирской области [39].

В ряде действующих, на момент начала войны, приходах богослужение, несмотря на оккупацию, не прекращалось. Религиозный подъем, вопреки ожиданиям немцев, самым тесным образом соединился с ростом национального самосознания. Церкви стали центрами «русицизма». На это обратил внимание даже английский корреспондент А. Верт, посетивший освобожденные от оккупации территории [40]. К сожалению, после освобождения захваченных населенных пунктов власти и военное командование не всегда объективно и правильно реагировали на не прекратившееся за период оккупации церковное служение и священство, окормляющее приходы.

В этом плане показателен случай, имевший место в селе Фирюлевка, которое расположено в 20 км от города Михайлова. После кратковременного захвата немцами Михайловского района Рязанской области богослужение в местном храме во имя Успения Пресвятой Богородицы продолжалось. Служил иерей Александр Солнцев. Он появился в Фирюлевке после отбытия заключения накануне войны и сменил арестованных незадолго до этого священника Аркадия и диакона Петра. Немецкая разведка, посетившая Фирюлевку, взяла в плен нескольких застигнутых врасплох красноармейцев и медсестер. Затем немцы зашли в расположенный неподалеку храм, в котором в этот момент шло богослужение. Священника и молящихся прихожан они не тронули. Несколькими днями позже в разгар зимнего контрнаступления Красной Армии под Москвой, когда наши передовые части вступили в деревню, военные (возможно, сотрудники НКВД) забрали священника Александра прямо со службы, в облачении. Они приказали ему править лошадьми, запряженными в сани. Отправились в соседний населенный пункт — деревню Павелково. Прибыв туда, велели присмотреть за лошадьми. Местные женщины, заподозрив опасность, предложили священнику укрыться у них. Отец Александр отказался от предложения. Спустя три дня было обнаружено его тело, исколотое штыками[41].

К 1944 г. на оккупированных территориях СССР было открыто примерно 6,5 тысяч церквей, что составляло 73,3 % от их общего количества. После того, как началось освобождение Красной Армией оккупированных врагом территорий, возникает

необходимость взять под контроль религиозно-церковную жизнь в освобождаемых областях. До политического руководства страны доходила информация, что верующие этих областей высказывали опасение, что с возвращением Советской власти храмы будут закрыты. Кроме того, руководство страны интересовали не только пастырско-патриотические возможности Русской Православной Церкви, но и ее дипломатический ресурс. Этот ресурс был особенно важен накануне важных внешнеполитических событий: открытия Тегеранской конференции руководителей стран-участниц антигитлеровской коалиции и визита настоятеля Кентерберийского собора, главы англиканской церкви Х. Джонсона в Москву 5 января 1943 г. для переговоров об оказании финансовой и материальной помощи СССР. Местоблюститель Патриаршего Престола попросил Сталина об открытии Московской патриархией банковского счета для внесения на него пожертвований на нужды войны от различных епархий, разрешение на открытие счета было дано. После этого Патриархия как бы легализовалась, приобретя статус юридического лица. Одно из давних препятствий в переговорах с западными державами, заключавшееся в проблеме отсутствия свободы религии в СССР, таким образом было устранено [42].

Первый знак официального государственного благоволения к Православной Церкви был явлен еще весной 1942 г. Властями Москвы было разрешено беспрепятственное движение людей по городу в пасхальную ночь. В ноте наркома иностранных дел В. Молотова «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах», опубликованной в № 9 журнала «Большевик» за 1942 г., говорилось о том, что враг не щадит религиозных чувств верующей части советского населения.

После совещания на даче Сталина с участием митрополита Сергия 4 сентября 1943 г., спустя 3 дня в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия. Это было второе в истории РПЦ восстановление патриаршества. Несколько днями позже собор архиереев принял документ под названием «Осуждение изменников вере и отечеству», направленный против любых проявлений коллаборационизма и предательства.

Московской Патриархии было выделено здание бывшего германского посольства. В регионах местные власти стали выде-

лять помещения для восстанавливаемых епархиальных управлений. Вскоре начал публиковаться «Журнал Московской Патриархии». 24 архиерея были выпущены из тюрем и приступили к служению [43]. Стало возрождаться духовное образование. Прекратило свое существование обновленчество. Для контроля над деятельностью Церкви по решению Совнаркома был создан специальный орган — Совет по делам Русской Православной Церкви при правительстве СССР — во главе с полковником госбезопасности Г.Г. Карповым, воевавшим ранее в партизанских соединения на Украине и уполномоченными Совета на местах. Меры по восстановлению структуры РПЦ означали, по сути, окончательный отказ от рецидивов троцкистской политики «интернационал-большевизма» и стояли в одном ряду с такими шагами сталинского руководства, как упразднение института военных комиссаров, роспуск Коминтерна и т.п.

Церковь приняла активное участие в сборе средств на патриотические цели. Все православные приходы страны по призыву высшего церковного руководства собирали деньги на танковую колонну «Димитрий Донской» и на эскадрилью «Александр Невский». Колонна из 40 танков «Т-34», построенных в Челябинске, была передана частям Красной Армии у деревни Горелки, в 5 км северо-западнее Тулы. В 1942 г. Сталин прислал благодарность священнику Казанской церкви Владимиру Каику за передачу в фонд обороны 100 тысяч рублей личных средств. Много сделал для сбора средств владимирский епископ Онисим (Феоктистов). В его адрес Верховный Главнокомандующий также неоднократно посылал телеграммы, которые вывешивались под стеклом на стенах Успенского собора. К лету 1944 г. Русская Церковь сделала денежных взносов на сумму более 200 миллионов рублей [44]. Особенное значение в заключительный период войны имел, начатый в октябре 1944 г., сбор средств в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии.

В 1944 г. рязанский владыка обратился к воинам Красной Армии с поздравлением с праздником 1 Мая и сообщил о пожертвовании верующих к этому празднику 35 тысяч рублей [45]. Во всех храмах епархии за всеми службами был введен тарелочный сбор «в фонд обороны». Кроме тарелочного сбора во многих храмах делались отчисления из общих церковных доходов. В 1944—1946 гг. духовенством и прихожанами Тамбовской епархии на патриотические цели были собраны средства в размере 1 493 581 рублей [46].

С конца 1943 г. в стране началось массовое открытие храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление «О порядке открытия церквей», согласно которому ходатайства верующих рассматривались местными органами, а в случае их одобрения пересылались в Совет по делам РПЦ, после предварительного решения которого, поступали в Совнарком и затем снова в Совет [47]. Подобная процедура призвана была дозировать открытие новых храмов. Всего в центральный Совет по делам РПЦ поступило 5 777 заявок об открытии церквей, а было удовлетворено только 414 ходатайств [48]. В 1944 г. из Рязанской области поступило 300 ходатайств, открыто было только 26 церквей [49].

В открытии некоторых, некогда закрытых храмов, местные власти по инерции нередко проявляли большое нежелание. Правительство всячески стремилось сдерживать открытие храмов на территории, не подвергавшейся оккупации, и предпочитало оставлять действующими лишь храмы, открытые на освобождавшихся от германских войск областях. Многие заявления оседали в облисполкоме без вразумительного ответа. Только учреждение института уполномоченных по делам РПЦ позволило ускорить документооборот. Однако сложная, многоуровневая процедура рассмотрения ходатайств, предусмотренная постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г., позволяла местным властям регулировать процесс открытия церквей по своему усмотрению. В конечном счете, принципиальное решение принимали облисполкомы [50]. Нередко центральным органам власти, в тех или иных случаях, приходилось напрямую вмешиваться и отменять их неправомерные решения. Например, Совнарком РСФСР обязал Рязанский облисполком разрешить группе верующих села Летово Рыбновского района открыть церковь в здании, отремонтированном на их средства. Ранее, 23 апреля 1944 г. облисполкомом было отклонено обращение верующих. 28 июля 1944 г. после пересмотра обращения по просьбе верующих его вновь отклонили [51]. Тогда СНК РСФСР 28 августа 1944 г. отменил решение Рязанского облисполкома [52].

Ситуацию, сложившуюся в вопросах открытия храмов, довольно наглядно и полно раскрывало письмо Председателю исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся А. Рыкову от уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совмине СССР по Рязанской области «О ходатайстве группы верующих об открытии церквей» [53]. Ряд ходатайств было предло-

жено отклонить по причине большого расстояния от храма до населенного пункта, несоответствия строительно-техническим нормам, санитарному состоянию, по причине использования церкви под зерносклад, или в случаях, когда верующие не изъявляли согласие на ремонт церковного здания своими силами (например, в селе Романово Лебедянского района).

Положительно была рассмотрена жалоба группы верующих села Инякино Шиловского района о неправильном отклонении их ходатайства об открытии церкви, в которой ранее располагались зерносклад и дровяной склад колхоза «Доброволец». С учетом того, что здание сохранило церковный вид, а действовавшая церковь села Боровое того же района находилась в 14 км от села Шилово, уполномоченный по делам РПЦ постановил отменить решение исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся от 10 августа 1945 г. за № 737 и считать возможным удовлетворить просьбу верующих об открытии церкви.

Аналогичным было также решение облисполкома от 11 сентября 1945 «О жалобе группы верующих села Казачий Дюк Шацкого района о неправильном отклонении их ходатайства об открытии церкви». Церковное здание сохранило свой вид и культовую утварь, но использовалось под склад колхоза «Искра». В результате последовала процедура отмены прежнего решения от 16 мая 1945 г. и удовлетворения ходатайства.

Осенью 1945 г. облисполком удовлетворил с отменой своих прежних решений, принятых весной того же года, ходатайства верующих об открытии церквей в районном поселке Тума Тумского района, селе Сушки Шелуховского, селе Асники Захаровского района, селе Которово Елатомского района, селах Саввать-ма и Данилово Ермишинского района, селе Маккавеево Бельского района, селе Затишье Рязанского района, селе Урусово Троекуровского района, селе Борки Ерахтурского района, селе Срезнево Шиловского района, селе Эммануиловка Конобеевского района и других местах [54].

Таким образом, количество зарегистрированных храмов на территории Рязанской области возросло с 2—3 в 1942 г. до 85 в 1948 г., в Тамбовской епархии в Тамбовской епархии за тот же период времени с 1 до 49 [55]. Началось восстановление канонического церковного устройства, что потребовало организации новых благочиний для лучшего управления епархией. Церковь больше посещали женщины: матери, жены, сестры, невесты. Но

вскоре стали приходить мужчины: уходящие на фронт или возвратившиеся с ранениями, чудом оставшиеся в живых.

Одновременно с мероприятиями по восстановлению и расширению легальной религиозной жизни власть предпринимала все усилия по выявлению и разгрому «катакомбной церкви». 7 июля 1944 г. Л. Берия в секретном письме И. Сталину (хранится в «особой папке» Сталина в ГА РФ) писал, что на территории Воронежской, Орловской, Рязанской областей были выявлены несколько организаций ИПХ, но арест активных участников не оказал должного воздействия на других членов. Берия делал вывод о целесообразности массового выселения «истинно-православных христиан» в Омскую, Новосибирскую область и Алтайский край. 15 июля 1944 г. 1673 человек из 87 населенных пунктов были насильственно депортированы на восток. При этом важно отметить, что организационно «катакомбники» оформлены не были. По мнению некоторых исследователей, церковные образования под названием «ИПХ» или «ИПЦ» существовали только в делах следователей. Движущей силой «катакомбников» было внутренне сознание верующих, это было движение в определенном смысле глубоко личное [56].

Несмотря на то, что подготовленный Г. Карповым проект закона «О положении Церкви в СССР» из-за нежелания государства связывать свои отношения с Церковью письменными обязательствами принят не был, ее положение на официальном уровне улучшилось и укрепилось. 31 января 1945 г. в Москве впервые с 1918 г. работал Поместный Собор РПЦ, на котором открытым голосованием избрали патриархом (патриарх Сергий скончался 15 мая 1944 г.) митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. Постановлением правительства разрешалось производить колокольный звон в городах и селах [57].

Все это свидетельствовало как об определенном росте религиозных настроений в массе населения, своеобразном «социальном заказе» на религию, так и о признании государством заслуг Церкви в военные годы. Подобным свидетельством явилось назначение митрополита Киевского Николая (Ярушевича) членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немцев и их сообщников. При первом послевоенном награждении епископат за свою патриотическую деятельность в годы военных испытаний был представлен к правительственным наградам и принял участие в Параде Победы. Рядом постановлений Совнарком предоставил Патриархии, епар-

хиальным управлениям и приходам по согласованию с Советом по делам РПЦ право приобретать транспорт, покупать и строить дома, производить церковную утварь [58].

§ 2. Восстановление потенциала и структуры Русской Православной Церкви в первые послевоенные годы

Первый послевоенный этап церковной истории может быть определен как сравнительно благополучный. Воссоздание Церкви, начавшееся в 1943 г., некоторое время продолжалось и после войны. Положение Церкви в государстве значительно упрочилось. Снимались некоторые ограничения при открытии церквей для территорий, на которых уже находились действующие храмы. За монастырями сохранялись находящиеся в их пользовании служебные и жилые помещения, земли, промыслы.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне породила в послевоенном обществе особый психологический настрой, полный надежд на лучшую «мирную» жизнь, которую разные группы населения представляли по-разному. Для народа-победителя был характерен оптимистический приподнятый настрой, уверенность в скором наступлении счастливой и «сказочной» мирной жизни. Когда прошла первая эйфория, люди остались один на один с тяжелыми социальными проблемами послевоенного восстановления. Однако распространенное в обществе ожидание перемен помогало людям жить и надеяться. Важным тактическим приемом в идеологической работе, практиковавшимся властью в трудный послевоенный период восстановления, было изображение реальности по сравнению с войной раем, с последующим постепенным «отодвижением рая» (в данном случае коммунизма). Ученые-религиоведы назвали этот прием способом «ухода от верификации» [59].

Победа подняла на небывалую высоту не только международный престиж СССР, но и авторитет режима внутри страны. Она как бы закрыла тему антицерковных репрессий 20—30-х гг., растворив ее в своих результатах. Ссылка на Победу стала тезисом для подчеркивания единства целей государства и Церкви, обоснования скрепляющей идеи этого единства: не допустить следующей кровопролитной войны. Учитывая крайнее напряженное эмоциональное состояние народа, государство решило

пойти на уступки, сделав шаг навстречу религии. Эта линия соответствовала новой линии политического руководства в национальном вопросе. Русский народ был объявлен самым пострадавшим в годы войны, вынесшим на своих плечах ее основные невзгоды и одержавшим победу.

Эмоциональное воздействие войны и ее итогов явились предпосылкой успешной идеологической деятельности властей. Интерпретация итогов войны как довода в пользу одобрения существующей власти, нашла понимание в массовом сознании, в том числе верующего населения

В апреле 1946 г. накануне выборов в Верховный Совет СССР в ходе предвыборной кампании духовенство артикулировало свою безусловную поддержку выдвинутых кандидатов. В беседах с верующими они убеждали их прийти к избирательным урнам и проголосовать.

После Победы, наряду с верой в Бога, возникает феномен мифологического обожествления руководителя Победы, «отца народов» И.В. Сталина, божественной сакрализации его личности. Имя Сталина в сознании современников сливалось с Победой. В целом восторженное отношение к Сталину было искренним, хотя в ряде случаев, это было своеобразным «защитным механизмом» от возможных преследований. Ссылки на авторитет Сталина как «заботливого отца народов» активно использовались верующими при подаче ходатайств об открытии церквей.

Русская Православная Церковь, принявшая курс Сталина на сближение в самый драматический момент истории советского государства, в годы Великой Отечественной войны и приложившая многие усилия для Победы, не могла не считаться с реалиями политической ситуации в послевоенный период. Контроль государства над Церковью стал базироваться на конституционно-правовой основе. По контрасту с пережитыми гонениями 20—30-х гг. многими церковными деятелями того времени послевоенное состояние РПЦ воспринималось как возвращение к синодальному периоду государственно-церковных отношений, обер-прокуроры которого напоминали современных уполномоченных. Именно этим объясняется обращение епископа Филарета к уполномоченному с просьбой указать его в числе поздравителей в телеграмме к 70-летию «нашего родного отца» Сталина. К юбилею вождя Московской Патриархией подготавливается специальный приветственный адрес от духовенства и мирян [60].

Образ вождя, в котором аккумулировались представления о «высшей справедливости» представлял собой, как справедливо отмечает Е.Ю. Зубкова, «живой символ веры» [61]. Красноречива тональность письма верующих села Доброе Добровского района 4 июля 1949 г. председателю Рязанского облисполкома П. Сметанину: «Позаботься о нас, как наш родной отец Сталин заботится!». Ходатайства об открытии храмов часто адресовались прямо на имя Сталина. Так, верующие сел Чернава, Озерки, Борки Чернавского района пишут жалобу на имя Сталина и прикладывают 241 подпись [62].

31 января 1945 г. в Москве состоялся Поместный Собор РПЦ, на котором было принято «Положение об управлении РПЦ», избран Патриарх. Деятельность собора освещала газета «Правда». В 1945 г. Церковь получила права юридического лица. Благодаря этому в Рязанской епархии открылась своя свечная мастерская. Производство свечей, налаженное в Рязани, к 1950 г. достигло объема 23 тонн [63]. Это вполне удовлетворяло запросы местных приходов, более того, в случае необходимости Рязанская епархия могла помочь и соседям. Так, в 1950 г. ситуация со свечами оказалась критической в Тамбовской епархии, поскольку, у снабжавших ее кустарей, власти отобрали патенты на изготовление свечей. Рязанское епархиальное управление оказало тамбовским коллегам помощь [64].

В 1948 г. в Рязанской области действовало 85 храмов, за 2 года рост составил 8 храмов [65]. Решением Совета Министров СССР от 8 июня 1946 г. было разрешено начать богослужение в Борисо — Глебском соборе. Храм снова получил статус кафедрального собора. В нем сразу же начались ремонтные работы. 27 января 1947 г. архиепископ Димитрий (Градусов), в сослужении городского духовенства и при стечении многочисленных богомольцев осветил главный престол и провел торжественный молебен. В 1947—1948 гг. будущий Святейший Патриарх Пимен (Извеков) около полугода в сане игумена нес послушание ключаря Борисо-Глебского храма. 12 августа 1948 г. собор посетил Святейший Патриарх Алексий (Симанский) [66].

Так в Рязани стали функционировать два храма. Следует признать, что процесс выделения для верующих городских храмов был весьма ограниченным. Дело зачастую ограничивалось открытием одного храма, что не могло предотвратить особую тесноту во время праздничных богослужений. Показательны примеры Владимирской и Тамбовской областей. Во Владимире

до войны оставалась действующей только Князе-Владимирская кладбищенская церковь. В 1944 г. возобновились церковные службы во Владимирском Успенском кафедральном соборе, знаменитом фресками А. Рублева. Ходатайство верующих об открытии Казанского храма в бывшей Ямской слободе, предпринятое в 1950 г., было отклонено, а здание церкви переоборудовано под кинотеатр [67]. А вот в Тамбове и Липецке открыть второй храм так и не удалось, и верующие были вынуждены ограничиться посещением маленькой и тесной Покровской церкви. Не помогли ходатайства правящего архиерея архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), принципиальное согласие председателя Совета по делам РПЦ Г.Карпова и визит его в Тамбов, статья в «Известиях» с критикой бюрократической позиции, занятой тамбовских властями, автором которой выступил инспектор Совета Министров РСФСР. Советом Министров СССР было принято решение об открытии второго храма в г. Тамбове — Скорбященской церкви бывшего Вознесенского женского монастыря. Епархия предлагала властям перевести размещенный в Скорбященской церкви областной архив в церковь села Пушкари, образовав там филиал облархива. И все же горисполком принял отрицательное решение, и в июле 1949 г. Скорбященская церковь была снята с учета действовавших, как не действующая более одного года. Власть ограничилась открытием Петропавловской часовни. В Липецке государственные реставрационные работы в Христорождественском соборе начались только в 1957 г., когда он оказался под угрозой уничтожения. Однако верующим собор передан так и не был [68].

В соответствии с изложенными в докладной записке рекомендациями уполномоченного по делам РПЦ Г.Г.Карпова в адрес заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова от 10 января 1945 г., секретным постановлением СНК СССР 28 января 1946 г. за подписью Председателя СНК СССР Сталина, во всех действующих церквях разрешили колокольный звон [69]. В местные органы власти от приходов пошли ходатайства о снятии уцелевших церковных колоколов с пожарных каланчей.

Наблюдался интенсивный религиозный подъем, позволяющий говорить о том времени как о «втором крещении Руси». Церковный историк протоиерей В. Цыпин говорит о более чем 50 млн. православных верующих в послевоенные годы., причем главным образом за счет русской сельской глубинки и населения западных областей СССР [70]. В годы войны началось богослуже-

ние почти в 10 тыс. храмах [71]. В церковь потянулись те, кто раньше был далек от религии. Церковь давала людям необходимое успокоение после экстремальности и тяжелых потерь военных лет и выполняла своеобразную компенсаторную функцию. Большую часть прихожан составляли женщины, поскольку послевоенное общество с демографической точки зрения стало женским. Донесения тех лет отражают впечатляющие картины активизации церковной жизни. Во всех 85 церквях Рязанской области в 1949 г. на Пасхальном богослужении присутствовали 135—140 тыс. верующих [72]. Уполномоченный по Рязанской области тогда же информировал Совет по делам РПЦ о праздновании Пасхи в Рязани: «…в переполненное здание церкви беспорядочно лезли толпы верующих и неверующих, а одного мальчика вынесли на руках, так как пройти было невозможно. Не вмещаясь в церковное здание, верующие в количестве не менее 2-х тысяч человек стояли у дверей собора. Группа женщин, потеряв надежду попасть в здание церкви, организовала на открытом воздухе в толпе народа пение «Христос Воскресе…» [73] . В 1951 г. церкви г. Рязани посетили на Пасху 8 тыс. прихожан, в 1953 г. — 12 тыс. [74]. В письме в «Правду» жительницы Рязани В.П. Михеевой ситуация выглядит так: «Вся Рязань ходит в церковь святить пасху и куличи, старики и старухи, молодежь» [75].

В первые послевоенные годы пост правящего архиерея Рязанского и Касимовского последовательно занимали Иероним (Захаров), Филарет (Лебедев). Вот характерные штрихи из их биографий.

Владыка Иероним родился в 1897 г. Служил в Костромской епархии помощником благочинного московских монастырей. Монашеское служение начал в 1925 г. Возведен в сан архимандрита в 1930 г. В 1944 г. Московский Патриархат поручил ему обследовать состояние церковных дел на территории Кишиневской и Молдавской епархии, освобожденной от оккупации. Там в декабре 1944 г. начинается епископское служение Иеронима. С января 1947 г. по февраль 1948 г. пребывал на Рязанской кафедре [76].

Владыка Филарет управлял Рязанской епархией с 9 мая 1948 г. по 27 марта 1951 г. Родился в 1887 г. в Рязани в семье священника. После окончания Рязанской Духовной семинарии служил псаломщиком в Благовещенском храме г. Риги, работал учителем русского языка в городских школах. Накануне 1-й мировой войны был рукоположен в иерея и до 1918 г. служил полковым священником.

После расформирования полка о. Александр вернулся в Рязань, где служил в Никольской церкви и Кафедральном соборе. В 1922 г. был назначен благочинным церквей Рязанского уезда, в 1923 г. был рукоположен архиепископом Рязанским и Зарайским Борисом (Соколовым) в протоиерея. В 1930 г. о. Александр, обвиненный по печально известной ст. 58 п. 10 УК РСФСР, получил 3 года лагерей. В них он провел не 3 года, а 10 лет. Работал на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Был освобожден после кардинального изменения государственно-церковных отношений в разгар Великой Отечественной войны.

После освобождения о. Александр назначается к служению в храмах Тамбовской епархии, в частности в Скорбященском храме города Мичуринска, открытого в 1944 г. В отчетах и справках тамбовского уполномоченного в Совет по делам РПЦ регулярно отмечалась патриотическая деятельность благочинного Мичуринского округа протоиерея Лебедева [77]. Служение о. Александра настоятелем храма г. Мичуринска, благочинным церквей Мичуринского округа совпало с пребыванием на Тамбовской кафедре святителя Луки (Войно-Ясенецкого). В январе 1945 г. протоирей Александр Лебедев вместе с находящимся с визитом в Тамбове епископом Мануилом (Лемешевским) выехал для участия в работе Поместного Собора РПЦ. В 1946 г. о. Александра постигло горе — он овдовел. 20 апреля 1948 г. протоиерея Александра Лебедева постригают в монашество под именем Филарет и возводят в сан архимандрита. Спустя полмесяца он был хиротонисан в Патриаршем Богоявленском соборе во епископа Рязанского и Касимовского [78].

По настоятельной просьбе архиепископа Филарета перед рязанским уполномоченным по делам РПЦ на балансе Собора оставили, а не передали в Госбанк, как требовали власти, серебряную церковную утварь и икону «Успение Божией Матери», которые были доставлены из закрытых церквей в селах Октябрьское и Ивановское. В феврале 1951 г., почти через три года служения на рязанской кафедре владыка Филарет был рукоположен в архиепископы. Вскоре заканчивается рязанский период его служения. В марте того же года он был назначен архиепископом Рижским и Латвийским, а через год стал архиепископом Литовским и Виленским [79].

Интересны некоторые факты дальнейшей жизни владыки Филарета. В 1951 г. верующие принесли Филарету сохраняемую с 1929 г. частицу мощей Святителя Василия Рязанского, сохра-

няемую с 1929 г. Владыка передал святыню митрополиту Никодиму (Ротову), а тот архимандриту Авелю (Македонову). Отец Авель хранил частицу мощей Святителя Василия до освящения Святейшим Патриархом Алексием II Рязанского кремля в 2002 г. [80].

Земной путь архиепископа Филарета завершился 24 мая 1958 г. Согласно завещанию 30 мая 1958 г. он был похоронен в г. Мичуринске Тамбовской области. По пути к месту последнего упокоения машина с гробом усопшего на короткое время заезжала в Рязань. Здесь, в Борисо-Глебском соборе настоятелем Борисом Скворцовым (будущим рязанским архиереем) была отслужена панихида [81].

В 1948—1949 гг. Рязанской, Тамбовской, Пензенской епархиями была предпринята попытка издания периодического епархиального бюллетеня, предназначенного для информирования настоятелей храмов. Наибольшее количество бюллетеней было выпущено Рязанской епархией. С января по октябрь 1949 г. вышло 4 номера бюллетеня. Они были исполнены в машинописном виде. Структура бюллетеней по разделам была следующая. Сначала размещались послания и призывы Святейшего Патриарха, послания правящего архиерея. Затем шли сведения о личном составе: назначения, переводы, увольнения, хиротонии, награждения. Подробным был раздел об архиерейских богослужениях в рязанских храмах. В бюллетень включались также циркулярные распоряжения владыки. Отдельно был представлен обзор епархии: хроника, объявления, некрологи. Один номер в обязательном порядке предоставлялся уполномоченному по делам РПЦ в Рязанской области [82]. Издательская деятельность продолжалась почти год. Один экземпляр бюллетеня, подписанный лично владыкой, предназначался рязанскому уполномоченному по делам РПЦ. В архивном деле уполномоченного за 1949 год нам не удалось обнаружить третий номер бюллетеня. Скорее всего, недостающий номер был отправлен в Совет по делам РПЦ Г. Карпову для ознакомления. После некоторого периода обсуждений и согласований, было, вероятно, вынесено запрещающее решение. Как бы там ни было, издание закончилось четвертым, последним номером.

В Тамбовской области по инициативе преосвященного Иоасафа в августе 1948 г. вышел единственный номер машинописного бюллетеня епархии. Выпуск последующих номеров был запрещен уполномоченным по причине отсутствия ходатайств на этот счет со стороны Патриарха. Личная встреча по этому во-

просу владыки Иоасафа с Г. Карповым закончилась безрезультатно[83].

Рязань в 1947—1948 гг. собирает на служение в своих храмах людей, сподобившихся стать великими подвижниками Русского Православия. Будущий Святейший Патриарх Пимен (Извеков), прибыв с места прежнего служения в Муромском Благовещенском соборе в сане игумена, около полугода нес послушание ключаря кафедрального собора. В 1947 г. был пострижен в монашество с именем Никодим студент естественного факультета Рязанского государственного педагогического института Борис Ротов. Двумя годами ранее в Скорбященском храме был рукоположен в иеродьяконы, а затем пострижен в монашество с наречением имени Авель друг о. Никодима Николай Македонов [84].

Из 150 священников, служивших в Рязанской области в середине 1951 г. 83,7 % были местными уроженцами, 75,8 % получили духовное образование в Рязанской семинарии и 63 % имели духовный сан с дореволюционного времени. Это были, в основном, люди преклонного возраста, из них старше 60 лет 63 % , старше 70 лет — 88,9 %. Только 11 % были моложе этого возраста [85] . 119 из 150 священников получили разрешение на богослужение только к 1951 г. [86] . При этом пик легализации пришелся на 1947 г. 65,2 % священников, служивших в 1951 г. в Рязанской епархии, ранее подвергались судебному преследованию. Подобные пропорции наблюдались и в Тамбовской епархии. В среднем по стране доля судимого духовенства составляла 45 %[87]. Согласно решению совета по делам РПЦ, подобная категория духовенства могла быть прописана и зарегистрирована только в сельской провинции и имела права проживать в режимных городах и местностях. С учетом состава рязанского духовенства становится понятным, почему в 1951 г. рязанское духовенство, вопреки указаниям Совета по делам РПЦ и запрету Синода, практиковало подворные обходы домов с иконами, под открытым небом совершало молебны о дожде или по случаю выгонки весной скота на пастбище, у святых колодцев и источников [88] .

В конце 40-х гг. в Рязанской области помимо открытых церквей функционировали 175 незарегистрированных общин [89]. В архиве рязанского уполномоченного по делам РПЦ упомянуты нелегальные молитвенные дома в селе Аграмаково Спасского района, селе Черная Слобода Шацкого района [90]. Например, в селе Феодотьево Спасского района нелегальные молитвенные собрания концентрировались вокруг списка особо почитаемой

иконы «Феодотьевской Божией Матери», переносимой из дома в дом [91]. Богослужение в нелегальных молитвенных домах вели, как явствует из предоставляемой уполномоченным оперативной информации, около 200 человек заштатного духовенства. Уполномоченные называли таких священнослужителей самозванцами, бродячими священниками. В Мервинском, Бельковском, Ерахтурском районах нелегальные молитвенные дома существовали до середины 50-х гг. Церковную службу во многих из них справляли женщины [92].

Тамбовский уполномоченный зафиксировал 44 населенных пунктов, где совершались нелегальные служения. В двух их них: в селах Борки и Уварово Моршанского района богослужения совершали сверхштатные священники. В селе Рысли Алгасовского сельсовета верующие собирались в тайно вырытой пещере. В селе Карандеевка Инжавинского района тайные богослужения проводились вокруг почитаемой иконы «Скорбящей Божией Матери», которая передавалась из дома в дом [93].

Послевоенный религиозный подъем сопровождался возрождением суеверий и мистицизма, особой верой в юродивых и прорицателей. В подпольных общинах в условиях духовной изоляции нередки были случаи лжестарчества, отступления от канона, «доморощенного» богословия, обрядоверия, а иногда и откровенного шарлатанства. В одном из сел Колыбельского района Рязанской области во второй половине 40-х гг. незарегистрированной общиной руководила женщина, которая «причащала» своих прихожан «кровью, взятой из большого пальца правой ноги». Реакция населения на проявления подобной религиозности была порой неадекватна. Показателен случай, происшедший в селе Чулково Скопинского района, где молодые люди насильно заставили раздеться престарелую 70-летнюю женщину, чтобы сжечь одеяние «колдуньи» и снять порчу с одного из приятелей [94]. Среди «истинно-православных христиан» Моршанского района Тамбовской области на роль духовных лидеров претендовали самозванцы, выдававшие себя, например, за Алексея Романова. Рано или поздно религиозная практика подобных общин закрытого типа заканчивалась трагически. Так, в одном из сел близ Мичуринска в группе «катакомбников», руководимой Ряховским, в конце 50-х гг. произошел взрыв религиозного фанатизма. Доведенная до психоза ожиданием близкого «конца света» толпа, начала бросать факелы на соломенные крыши домов, спалив тем самым 14 крестьянских изб. Погибло 6 человек [95].

Послевоенное существование «катакомбных» общин объясняется тем, что после долгого периода воинствующего безбожия 20—30-х гг. некоторые верующие в дальней провинции не испытывали доверия к новому конфессиональному курсу государства. Церковные лидеры «катакомбников» ратовали за освобождение от жесткого государственного контроля и за восстановление Церкви на канонических началах дореволюционной России. Они не принимали открытого богослужения, требующего лояльности к советскому государству, отказывались работать, служить в армии, участвовать в выборах, учить детей в школе, посещать клуб и библиотеку. В то же время, местные органы власти, в условиях легализации Церкви и массового открытия приходов в стране, поначалу не понимали необходимости противодействия малочисленным подпольным общинам. Однако дальнейший процесс динамичной легализации церковной жизни в стране, карательная политика власти в отношении катакомбников привели к постепенному снижению количества незарегистрированных общин. В 1950 г. была арестована группа «истинно православных христиан» в Тамбовской и южных районах Рязанской области, причем в ходе операции по задержанию двое руководителей группы были убиты[96].

Для нелегальных общин была характерна динамика убывания. Если в конце 1949 г. их в Рязанской области было зарегистрировано 190, то к началу 50-х гг. эта цифра снизилась до 77 [97]. Тем не менее, бригада Совета по делам РПЦ, проверявшая в 1951 г. работу рязанского уполномоченного, определила, что в предыдущие годы он завышал количество нелегальных молитвенных домов [98]. Поэтому, если на 1 июня 1950 г. количество подпольных молелен, уменьшилось до 120, то на начало 1951 г. — до 40. Уполномоченный отрапортовал в Москву о работе, которую провели местные руководящие органы: 20 священников легализовали свою деятельность, часть заштатного духовенства была обложена подоходным налогом. Других, якобы занимавшихся антисоветской деятельностью, арестовали [99].

Постепенно шло складывание созданного в 1944 г. института уполномоченного по делам РПЦ по Рязанской области. Был налажен прием духовенства и верующих. Духовенство посещало уполномоченного чаще всего по вопросам регистрации религиозных обществ, иным организационным вопросам, в том числе помощи в отпуске стройматериалов, а также для разрешения конфликтных ситуаций, возникающих с местными властями. Основ-

ной мотив посещения уполномоченного со стороны верующих — выяснение результатов ходатайств об открытии храмов. Нередко шли с жалобами на препятствия, чинимые местными органами власти. Обязанностью уполномоченного были мониторинг, информирование Центра обо всех незаконных фактах администрирования в сфере государственно-церковных отношений и амортизация их негативных последствий.

Критика на местную власть в большинстве случаев распространялась и на уполномоченного, которому верующие на приеме могли прямо заявить: «…Ну почему Вы запрещаете нам, православным христианам, исполнять свои религиозные обряды, а в Конституции написали — свобода религии, но издеваетесь пока над русским православным народом, он долго терпит, но потом крепко скажет…» [100]. В первой половине 50-х гг. от верующих Рязанской епархии шло ежегодно в среднем по 60—70 жалоб и заявлений [101].

Что представляла собой личность уполномоченного по делам РПЦ? В Рязанской области с 1944 по 1952 г. уполномоченным работал Денисов Иван Степановича,1893 года рождения, член партии большевиков с марта 1917 г., участник событий Февральской буржуазной революции в Петрограде, член Петроградского Совета в августе 1917 г. и участник разгрома мятежа Корнилова. До Великой Отечественной войны — на партийно-советской работе. Биография содержит интересный, с точки зрения рода деятельности Денисова, штрих. 24 июня 1922 г. он по просьбе Рязгубпарта присутствует на собрании священнослужителей Рязанской епархии. В ноябре того же года проводит антирелигиозную лекцию в родном селе Инякино. Лекция спровоцировала драку и арест лиц, враждебно относившихся к богоборческой линии партии. Таким образом, уполномоченный Денисов вполне соответствовал требованиям партийно-государственного аппарата сталинской эпохи.

В то же время уполномоченные, будучи людьми своего времени, порой не могли не действовать по понятиям традиционного общества, когда интересы земляков были ближе, чем предъявляемые требования. 27 августа 1947 г., не дожидаясь решения Совета Министров СССР (было принято 24 апреля 1948 г., а типовой договор с религиозным объединением села Инякино заключен только 20 апреля 1951 г.), Денисов дал распоряжение Шиловскому райисполкому способствовать открытию храма в Инякино [102]. Поскольку должность уполномоченного не была на-

прямую инкорпорирована в местную партийно-советскую вертикаль власти, его статусное положение было не вполне понятным местной номенклатуре. Его приемная находилась в старом, сыром деревянном доме на улице Горького, что постоянно побуждало Денисова жаловаться в облисполком с требованием предоставления нормальных условий работы [103].

До начала 1947 г. Совет по делам РПЦ находился под опекой МГБ. В 1946 г. Совет Министров СССР принял на основе информации службы госбезопасности 6 постановлений и 33 распоряжения [104]. Несмотря на то, что значительную часть кадрового состава Совета по делам РПЦ составляли офицеры госбезопасности, 4-х уполномоченных сняли за взятки, в отношении еще 4-х велось следствие [105]. Кадровая проблема на местах была чрезвычайно острой, поскольку работа уполномоченного синекурой не считалась, и на нее особо не рвались. Об этом говорит следующий факт. Чекист Н.Д.Медведев, бывший тамбовский уполномоченный, попросившийся назад в родное ведомство, в 1947 г. был уволен из органов за занижение оценки трофейного имущества. В 1949 г. уже лишь 20 уполномоченных были выходцами из спецслужб. 4 августа 1952 г. Карпов жаловался в ЦК на засоренность Совета по делам РПЦ в центре и на местах случайными кадрами, не готовых к внешне деликатной и терпеливой, но жесткой работе со священниками и верующими. Он предлагал новому руководителю МГБ Игнатьеву помочь Совету в решении кадрового вопроса и восстановить тот порядок, который был в Совете до освобождения Меркулова из МГБ [106].

Попытки «купить» уполномоченных были на местах нередким явлением, поскольку при затягивании рассмотрении ходатайств верующих, складывалось впечатление, что власть сознательно это делает, ожидая благодарности за «хлопоты». В 1952 г. имела место попытка дать взятку в 200 рублей, сменившему Денисова, рязанскому уполномоченному С.И. Ножкину священником Н.Г. Пронским, настоятелем церкви с. Некрасовка Ермишинского района. Взятка, со слов уполномоченного, была предложена в поддержку ходатайства о снижении подоходного налога. Последовало заявление Ножкина в прокуратуру, но следствие по делу было приостановлено, поскольку дача денег была квалифицирована как попытка благотворительного взноса «на общегуманитарные цели». Попытки «ублажить» уполномоченного повторялись и позднее. В 1955 г. верующие поселка Елатьма, добиваясь открытия храма, приобщили к ходатайству 7 тетрадей с 1032

подписями и собрали 2 тысячи рублей на взятку уполномоченному [107].

В 1954 г. В Тамбовской епархии были зарегистрированы две попытки передать взятку уполномоченному верующими села Вторая Иноковка Кирсановского района и села Пахотный Угол Бондарского района. Помимо советских денежных знаков к взятке были присовокуплены золотые червонцы царской чеканки. После угрозы уполномоченного вызвать милицию, деньги пытались просто подбросить в кабинет. Дело о попытке дать взятки дошло до судебного разбирательства. Поскольку взяткодатели были, как правило, людьми престарелыми, суды, принимая во внимание возраст подсудимых, ограничивались условным наказанием [108].

Советская идеократия в собственных интересах и в зависимости от ситуации шла на уступки Церкви, но по большому счету ее пропагандистская машина не утратила своей антиклерикальной направленности. В 1947 г. был ликвидирован «Союз воинствующих безбожников», сдержаннее стала атеистическая пропаганда, которая приняла форму научно-атеистической. С другой стороны еще в сентябре 1944 г. было издано специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительской пропаганды» в целях, как указывалось в документе «преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков» [109]. Отчасти эти задачи стало решать «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний «Знание», чье Рязанское областное отделение приступило к деятельности 30 октября 1947 г. Правление этой организации разместилось в 1953 г. в здании бывшего Ильинского храма Рязани. Хотя атеистическая литература была больше повернута против «империалистического Ватикана», все же ее тираж в 1948 г. достигал 26,7 млн. экземпляров [110]. Публикации антирелигиозной направленности появились в таких периодических изданиях, как «Комсомольская правда», «Учительская газета», журналах «Большевик» и «Молодой большевик».

Во второй половине 40-х гг. государство стало тревожить даже минимальное участие Церкви в благотворительной деятельности, возможный в связи с этим рост ее авторитета. Было решено вернуться в русло постановления ВЦИК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., которое, формально никем не отмененное, запрещало церковным организациям заниматься любого рода благотворительностью [111]. То, что недавно

считалось выражением патриотических чувств, отныне расценивалось, как подкуп с целью привлечь людей в лоно церкви, а потому строго осуждалось и преследовалось. С 1 января 1947 г. прямые сборы Церкви на патриотические цели были запрещены. Государство попыталось наверстать недополученные доходы через продажу священникам и приходам облигаций госзаймов. В 1949 г. сумма подписки церквей Рязанской епархии на 4-й государственный заем на восстановление народного хозяйства составила 28800 руб. [112].

Возобновляется практикуемое в довоенный период активное преследование коммунистов и комсомольцев, соблюдающих православные традиции. Примером может служить протокол заседания бюро Рязанского обкома от 10 апреля 1948 г. «О фактах совершения коммунистами религиозных обрядов» [113]. В 1946 г. за совершение религиозных обрядов было исключено из партийных рядов 6 человек, в 1947 г. — 18 человек, за 3 месяца 1948 г. — 7 человек. За наличие в доме икон коммунистам объявляли выговор.

В Ряжском районе Рязанской области партийными органами было зафиксировано 8 случаев совершения коммунистами религиозных обрядов, в квартирах ряда коммунистов Мервинского, Михайловского, Рыбновского и других районов было отмечено наличие икон. В Бельковском районе священник церкви районного поселка Сынтул организовал из местной молодежи церковный хор, которым руководила член ВКП(б) Бударагина. В Клепиковском районе в мае 1945 г. был вынесен строгий выговор члену партии Белоногову. Но и после этого он крестил ребенка и продолжал посещать церковь. В июне 1947 г. был исключен из партии [114].

Спустя короткое время принимается новое постановление бюро обкома «О ходе выполнения постановления бюро обкома от 10 апреля 1948 «О фактах совершения коммунистами религиозных обрядов», в котором констатируется, что до сознания коммунистов партийное решение не доведено, несмотря на выговоры ряду коммунистов Шацкого и Елатомского районов за венчание в церкви. Обком ВКП(б) вновь рекомендует районным парторганизациям разъяснить членам партии, что «совершение религиозных обрядов несовместимо с пребыванием в рядах ВКП (б)» [115].

Наиболее преданными вере были приходские работники: пономари, алтарники, свечницы, просвирницы. Многие из них были тайными монахами и монахинями в миру. Примеров тому

много. Это монахиня в миру Клавдия (Феонова). Ее тайный постриг совершил архиепископ Николай (Чуфаровский) в 1956 г. Работала она сторожем в Рязанском епархиальном управлении, а после окончания курсов была назначена кассиром. 20 лет проработала на должности главного бухгалтера епархиального управления. Широко известен вековой крестный путь монахини Серафимы (Покровской С.С.), подвизавшейся в церквах сел Ардабьево, Сабурово и Мишаково Касимовского района [116], монаха Поликарпа (Вересина) [117], а также сестер Анисии, Матроны и Агафьи из с. Ялтуново Шацкого района Рязанской области. Долгих 12 лет они отбыли заключение в Казахстане, претерпев много скорбей. Ялтуновские сесты известны не только даром прозорливости, но и тем, что ходили к бедным людям и бескорыстно им помогали, поддерживали в народе стойкость в Православной вере. Подобным подвижницей веры для жителей Сапожковского района была уроженка села Березники Е.М. Хлуденева. Верующие Рязани послевоенной поры почитали блаженного старца Александра Николаевича Белкина [118].

Вопрос с кадрами регентов и псаломщиков представлял для Церкви особую сложность. Квалифицированных работников в их среде было немного, большинство составляли самоучки. В тоже время встречались исключения. Так, левый хор Благовещенского собора города Мурома Владимирской области состоял из бывших монахинь и послушниц Свято-Серафимо-Дивеевского монастыря. Они подготовили немало ценных кадров служителей для Церкви [119].

В 1948 г. Русская Православная Церковь торжественно и широко отпраздновала 500-летие своей автокефалии. Во всех храмах станы по указанию Патриархии 17—18 октября прошли торжественные всенощные и литургии, сопровождающиеся проповедями [120]. На юбилейные торжества, проведение которых планировалось в форме Всеправославного Совещания, были приглашены главы всех поместных православных церквей. Однако на Совещание, состоявшееся в июле 1948 г., не прибыл ни один из Патриархов древнейших православных церквей. Провал в организации Совещания можно считать отправной точкой в охлаждении окружения Сталина к Церкви, которая выполнила свою историческую миссию в годы войны. В 1948 г. следуют аресты церковных иерархов: архиепископа Оренбургского Мануила (Лемешевского), архимандрита Вениамина (Милова). Арестовывается студент 2 курса МДА Д. Дудко [121]. 28 октября 1948 г. Совет Ми-

нистров СССР постановил отменить им же ранее принятое распоряжение об открытии 28 храмов под предлогом того, что оно не было подписано Сталиным [122].

В 1948 г. в ряде областей страны, в том числе в Московской, Тамбовской, Рязанской, без согласования с Советом по делам РПЦ, вопреки постановлениям СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» и 1 декабря 1944 г. «О православных церквах и молитвенных домах», местные органы власти начали процесс самостоятельного слома или переоборудования культовых зданий [123]. Факты самоуправства со стороны местной власти наблюдались и в 1945—1946 гг., но тогда они чаще ограничивались варварскими действиями по отношению к богослужебным предметам. В епархиальные управления пошли отчаянные сигналы с мест. Например, настоятель Введенской церкви села Лесуново Симеоновского района Рязанской области А. Строев сообщает правящему епископу Филарету, что местный колхоз приступил к «слому храма» [124]. По рассказам жителей Знаменского района Тамбовской области местные власти пытались привлечь к разрушению церкви «путем взрыва» немецких военнопленных.

Факты нарушений законодательства со стороны местных властей отражали непонимание ими политики государства в отношении церкви. Кардинальное изменение политики государства по отношению к Церкви, происшедшее в годы войны отнюдь не породило отношение к ней как к институту, находящегося под покровительством государства, т.е. почти государственному институту. Конечно же, довольно весомо выглядели в глазах общественного мнения факты поощрения правительством патриотической деятельности духовенства, такие как награждение архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) Сталинской премией 1-ой степени. Многие чиновники сталинского призыва, по мнению исследователя Т.А. Чумаченко, воспринимали послабления Центра по отношению к Церкви за одну из многочисленных кампаний, которую нужно пережить, не впадая в своих действиях в какую-либо крайность. По их представлениям политика лояльности государства к Церкви в любой момент могла быть свернута, и тогда действия активных ее проводников в жизнь будут в лучшем случае названы ошибочными [125].

28 августа 1948 г. Генеральный прокурор СССР в циркулярном письме №7/19 дал указание прокурорам областей опротестовывать распоряжения и постановления местных органов вла-

сти, касающиеся самовольного слома церквей [126]. Рязанский уполномоченный приложил немалые усилия, чтобы поставить под контроль процесс сноса и переоборудования церквей, который происходил параллельно с открытием отдельных новых храмов, но по динамике превосходил его. Рязанский облисполком без особых предварительных процедур согласований на основании просьб районных властей выдавал распоряжения о разрушении той или иной церкви, находящейся по поверхностной оценке в ветхом состоянии. После разрушения церкви села Власово Ермишинского района летом 1945 г. уполномоченный в соответствии с постановлением СНК СССР от 1 декабря 1944 г. потребовал от местной исполнительной власти обеспечить охрану всех действующих церквей и церковных зданий [127]. Однако одним из распространенных приемов реагирования районных властей было перекладывание вопросов отношений с церковными общинами на второстепенных хозяйственных работников. В 1949 г. в ходе организации лесозащитных станций им передается ряд недействующих церквей. Эта кампания была воспринята местными властями как возможность копировать политику центра в отношении всех храмов: действующих и недействующих.

Незадолго до юбилейных торжеств, в августе 1948 г., по настойчивому требованию Совета по делам РПЦ Синод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, похоронных процессий, духовных концертов в храме вне богослужения, молебнов на полях, разъездов правящих архиереев в период полевых работ, издательской деятельности в епархиях без разрешения Синода и т.п. [128].

В 1949 г. старое окружение Сталина, сфабриковав «ленинградское дело», сумело разгромить так называемую «Русскую партию» в руководстве страны. Кампания по обвинению в русском национализме как бы уравновесила проведенную незадолго до нее кампанию против космополитизма. Проходят массовые аресты более 2000 руководящих русских кадров в центре и на местах. Эта политическая кампания, как своеобразный ответный вызов на кампанию борьбы с космополитизмом, косвенно не могла не отразиться на государственно-церковных отношениях. РПЦ ассоциировалась с русскими национальными традициями и культурой. В наметившейся в годы Великой Отечественной войны тенденции сотрудничества властей с церковью возникает элемент торможения. Однако поскольку война против Церкви могла привести к большим издержкам, началось, по мнению Шкаров-

ского, постепенное повсеместное ограничение влияния Церкви, вытеснение ее на периферию общественной жизни, при сохранении внешне ровных отношений [129]. Теорию об усилении классовой борьбы в ходе строительства коммунизма никто не собирался отменять. Противников «братания с попами» хватало.

Постепенно, начиная с 1949 г., прекращаются службы вне храмов, запрещается освящение куличей и воды на улице, отменяются все крестные ходы, кроме Пасхальных, ограничиваются разъезды духовенства по населенным пунктам. Епископ должен был ставить в известность уполномоченного обо всех своих выездах в приходы. Ограничивалось совершение треб на дому по приглашению верующих, кроме исповеди, причащения и соборования умирающих. Священник обязан был проследить за тем, чтобы во время совершения обрядов на дому у верующих никаких посетителей и даже родственников в этот момент не было. Вся религиозная жизнь должна быть сведена к богослужению в храме. Даже посещать епископа на дому или в епархиальном управлении уполномоченным без согласования с обкомом партии запрещалось.

В мае 1949 г. Хозуправление Московской Патриархии разослало в епархии рекомендации по введению в приходах «разъездных священников», которые смогли бы исполнять требы в отдаленных селах. Несмотря на то, что это решение Патриархии вызвало негативную реакцию Совета по делам РПЦ, в декабре 1949 г. епископ Филарет составил для ознакомления уполномоченного Денисова список возможных перемещений священников по приходам. Так называемый «институт разъездных священников» насчитывал до 48 человек. Его существование мотивировалось для уполномоченного необходимостью ограничения нелегальных богослужений, молебнов о дожде, весьма частых в годы послевоенных засух.

В Тамбовской епархии архиепископ Лука по согласованию с уполномоченным задолго до официальных рекомендаций Патриархии назначил 30 сверхштатных священников. В 1947 г. уполномоченный Г.В. Моисейцев запретил регистрацию новых сверхштатных священников, поскольку, вопреки надеждам на ограничение нелегальных богослужений в результате их деятельности, двое из них оказались причастными к организации нелегальных молитвенных домов. По инициативе епископа Иоасафа на епархиальном совете 21 октября 1948 г. было принято решение о ликвидации института «разъездных священников» [130].

13 мая 1949 г. Сталину ложится на стол критическая докладная записка начальника Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Шепилова Д.Т. о регламенте деятельности Совета по делам РПЦ, результатах работы Г.Г. Карпова на посту руководителя Совета. Карпов обвинялся в обмене подарками и подношениями с Патриархией [131]. В начале мая 1949 г. Маленков доложил Сталину проект постановления ЦК ВКП(б), подготовленный Шепиловым, «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника «крещение» в городе Саратове». Карпов обвинялся в обмене подарками с руководством Патриархии [132]. О событиях в Саратове рассказала газета «Правда» [133]. События в Саратове, в которых участвовал саратовский епископ Борис, 16 священников и 5 диаконов [134] явились подходящим поводом для нагнетания антицерковных настроений и применения административных мер против верующих и духовенства. Особо муссировались тема санкционирования обряда со стороны местной власти, картина обнажения людей перед омовением. Новый руководитель идеологической службы ЦК ВКП(б) М. А. Суслов начинает разрабатывать планы усиления атеистической работы. 20 июня 1949 г. выходит Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных взглядов», созданного в июле 1947 г. [135].

В свете реакции власти на саратовские события становится понятным, почему рязанский священник А. Правдолюбов из Спасска, ходатайствующий о Рождественском освящении воды на Спасском озере, в декабре 1948 г. получает на это разрешение власти, а священник Маркин из села Борки Ерахтурского района, обратившийся с просьбой разрешить отслужить молебен на озере и освятить воду на Петров день, получает отказ [136].

Опасность разгрома церковной организации в 1949 г. была отодвинута благодаря активизации миротворческой деятельности РПЦ. После неудачи с проведением Всеправославной встречи, на которой Церковь не смогла в полном объеме реализовать задачу создания своеобразного «Православного Ватикана», поставленную перед ней правительством, в 1949 г. наметилось заметное продвижение вперед. Делегаты от Московской Патриархии в апреле 1949 г. приняли участие в работе Парижского конгресса Движения сторонников мира, а в августе того же года — в деятельности I Всесоюзной конференции сторонников мира. РПЦ получила представительство во Всемирном Совете Мира, а мно-

гие ее иерархи и священники включились в работу Советского комитета защиты мира, его республиканских и областных отделений. Большой вклад был внесен РПЦ в сбор подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении ядерного оружия. В печати появился тезис о единстве взглядов верующих и атеистов, проявляющимся в одобрении политики партии и государства, направленной на борьбу за мир.

Рост внешнеполитического статуса Церкви не сопровождался кардинальным изменением ее внутригосударственного статуса. В лексиконе партийных и государственных документов стали реже применяться термины «антирелигиозная» и «атеистическая» работа. Не прозвучали они и в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии, который в октябре 1952 г. представил делегатам Маленков. Впервые на съезде партии вообще был обойден молчанием вопрос о задачах антирелигиозной пропаганды. Однако как бы ни лавировало государство, «линия партии» по отношению к традиционной вере оставалась неизменной. Священнослужители продолжали чувствовать уязвимость со стороны репрессивного аппарата государства. В 1951 г. арестовывается священник московской церкви Рождества Христова о. Иоанн (Крестьянкин). Его приговорили к 5 годам лагерей с отбыванием наказания в Куйбышевской области [137].

Делопроизводство уполномоченных было перегружено работой с жалобами священников на произвол местных властей. Приведем факты рязанской действительности. Священник Казанской церкви села Ильинского Пронского района жалуется на запрет местных властей производить колокольный звон, разрешенный повсеместно в 1946 г. [138]. В 1952 г. Карпов получает от правления Боголюбской церкви села Зимарово Ново-Деревенского района схожую жалобу на запрет запрещает производить колокольный звон [139]. В селе Лесуново Симеоновского района церковных старост отправляли на полевые работы [140]. На вдову священника Успенского из села Ардабьево Касимовского района были наложены обязательные госпоставки. Любопытно, что аналогичная жалоба подавалась Успенской в 1930 г. [141]. С жалобой на завышение подоходного налога обращается к уполномоченному настоятель церкви села Николо-Кобыльское Больше-Коровинского района Д.Ф. Копытин [142].

Можно привести вопиющие примеры пренебрежительного отношения к Церкви со стороны местных властей Рязанской области, попускающих кощунственным и неуважительным дейст-

виям отдельных безбожников. В июле 1951 г. ведется строительство туалета в 5 метрах от алтаря Казанской церкви города Сасово [143]. В селе Казачий Дюк Шацкого района напротив церкви устанавливают репродуктор [144]. Настоятель церкви Рождества Богородицы в селе Малый Студенец Каверинского района жалуется уполномоченному, что напротив храма построили клуб [145], а в селе Большое Самарино Ряжского района рядом с церковью сооружается волейбольная площадка. Верующие не могли пройти в церковь, не получив удара мячом. Часто мяч подкатывался к дверям храма. Разгоряченные выкрики игроков мешали богослужению. Только после запроса уполномоченного в Ряжский райисполком спортивная площадка была перенесена [146].

Следует отметить, что размещение волейбольной площадки рядом с храмом длительное время являлось весьма распространенным методом провокации со стороны воинствующих атеистов. В некоторых областях подобные провокации достигали своей цели. Так, в селе Новоюрьево Староюрьевского района Тамбовской области прихожане, руководимые иереем Н. Турковским, разгромили волейбольную площадку: отвязали сетку и вытащили столбы. Священник был взят под стражу и был приговорен к 4 годам лишения свободы[147].

Используя ограничение деятельности РПЦ, активизировались сектанты. Их активность была зафиксирована партийными органами в Горловском районе в селе Затворное, среди учителей в Конобеевском и Мервинском районах Рязанской области. В порядке самокритики на заседании бюро Рязанского обкома КПСС отмечалось, что никто, кроме органов МВД, не занимался деятельностью сектантов, а уполномоченный по делам культов Иванов и секретарь облисполкома не успевали. В качестве негативного примера констатировалось, что за 1952 г. перед населением области было прочитано 6526 лекций, зато 5500 проповедей [148].

В 1952 г. уполномоченным Рязанского Совета по делам РПЦ становится Ножкин Сергей Иванович, 1904 года рождения, уроженец Рязанской области. Он вполне сгодился для последовавшей спустя некоторое время эпохи «оттепели», для которой было характерно определенное недоверие к работникам КГБ. По образованию он был педагогом и отличался от всех рязанских уполномоченных уровнем образования. Имел 13 лет стажа педагогической работы, работал директором Ряжского педагогического техникума, а в годы войны — преподавателем общественно-гуманитарных дисциплин в тамбовских военных училищах. В ка-

честве партийного работника курировал учреждения культуры и образования. С 1950 г. — инструктор отдела пропаганды и агитации Рязанского обкома ВКП(б). В 1963 г. уходит с поста уполномоченного по делам РПЦ на должность заместителя начальника управления культуры Рязанского облисполкома. Интересно отметить, что копией Ножкина в плане полученного образования и профессиональной принадлежности был тамбовский уполномоченный П.И. Чаузов, которомуй до своего назначения на пост в 1961 г. пришлось поработать и учителем и начальником областного отдела народного образования [149].

Начало работы уполномоченного Ножкина почти совпадает с началом архипастырского служения нового владыки. В 1951 рязанскую кафедру возглавил 67-летний епископ Николай (А.М. Чуфаровский). Жизненный путь владыки Николая был многими годами связан с Ярославской епархией, уроженцем которой он являлся. В молодости о. Николай служил полковым священником. Последним местом пастырского служения был один из ярославских приходов. В 1943 г. он был призван к епископскому служению и последовательно возглавлял Полтавскую, Волынскую, Тернопольскую, Ижевскую, Орловскую и Ростовскую кафедры [150].

Выражая внешнюю лояльность правящему архиерею, уполномоченный «на всякий случай» собирает «компромат» на него. В его архив аккуратно подшивается информация, обвиняющая владыку Николая в вывозе мебели из места предыдущего служения епископа — Ростовского епархиального управления. В характеристике на архиепископа, предназначенной для Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, рязанский уполномоченный отмечал со стороны владыки «факты двурушничества», «когда тот соглашался с рекомендациями уполномоченного, а делал противоположное» [151].

В конце 40-х — начале 50-х гг. на целом ряде епископских кафедр Московской Патриархии сменились их предстоятели. Архиепископа Луку на Тамбовской кафедре сменил 69-летний епископ Иоасаф (Журманов). Преосвященный Иоасаф в молодости получил хорошее светское образование: окончил реальное училище и коммерческий экономический плановый институт. До пострижения в монашество в 1915 г. работал на должностях страхового инспектора, бухгалтера, делопроизводителя. Служил в Александро-Невской Лавре, Греческой посольской церкви в Ленинграде. В августе 1944 г. хиротонисан во епископа Симферо-

польского и Крымского. В отличие от своего предшественника Святителя Луки, снискавшего всенародную любовь, не был харизматической личностью. Главное внимание в своем служении видел в слаженном функционировании епархиальной структуры в рамках дозволенного уполномоченным и на основе полной лояльности государственному аппарату [153].

В 1952 г. в Рязанской области на 85 действующих храма приходилось 867 зданий недействующих церквей. Их не успевали ломать или переоборудовать для нужд местных колхозов [154]. В апреле 1954 г. 9 приходов Чаплыгинского благочиния переходят в состав новообразуемой Липецкой области[155]. Число приходов снизилось с 85 до 76 [156]. Основную массу верующих составляли сельские жители, главным образом, женщины. К 1945 г. удельный вес мужчин среди трудоспособного населения рязанской деревни упал до 13,5 % [157].

Частичная реабилитация жертв незаконных репрессий, развенчание идеалов сталинизма вызвали у ряда людей тягу к религии. Наблюдался рост религиозного самосознания у части выпущенных политзаключенных. Активизировались и традиционно верующие. Царившую тогда атмосферу и сложившуюся ситуацию отражает информационный доклад Совета по делам РПЦ от 15 апреля 1953 г. в ЦК КПСС о многолюдном праздновании Пасхи в ряде регионов страны [158]. Наблюдательным оценкам этого доклада соответствует содержание записки Ножкина, уполномоченного по делам РПЦ при Совмине по Рязанской области председателю Рязанского облисполкома Сметанину от 14 апреля 1953 г. В докладе отмечается большое стечение народа при праздновании Пасхи. В Рязанском кафедральном соборе на праздничной литургии молилось 7 тысяч человек, из них 2 тысячи — на улице. Одним из иподиаконов в кафедральном соборе в тот период был Владимир Викторович Кедров, в будущем — митрополит Чебоксарский и Чувашский Варнава. В Скорбященской церкви число молящихся на Пасхальной службе 1953 г. достигало 5 тысяч человек.

В сельских приходах на церковной службе присутствовало в среднем от 800 до 2000 человек (годом ранее только 400—1500). В церквях Сасово, Скопина, Чаплыгина, Михайлова, Тумы — до 5 тысяч человек. Особо был отмечен Скопин. Во время Пасхальной службы в Скопинском храме вокруг церкви горело электричество. Служили для торжественности на 5 языках (церковнославянском, греческом, латинском, русском, украинском). Было

вынесено 20 столов для освещения куличей. Настоятель церкви Ковальский прочитал Пасхальное приветствие патриарха Алексия. Порядок организовывался 6 работниками милиции, которые позже проводили настоятеля до квартиры [159].

Несмотря, на дважды данное указание епископа о запрещении священникам устраивать подворные обходы без приглашения верующих, священник Мезенцев из Клепиковского района ходил по домам без приглашения, не пропуская даже домов, где живут коммунисты. За это он был уволен и выслан из Рязанской области. Подобные факты «наглого», по определению уполномоченного, поведения некоторой части духовенства имелись в Ряжском, Трубетчинском, Каверинском и других районах Рязанской области [160].

Сельские храмы стали соперничать по притягательности с клубами. Об этом свидетельствовало письмо в «Комсомольскую правду» учительницы из колхоза «Новая жизнь» села Фирюлевка Михайловского района, размещенное в номере от 8 сентября 1954 г. под заглавием «Там, где бездействует клуб». Причиной подобной ситуации, по ее мнению, была неустроенность досуга в сельской местности. В этих условиях некоторые священники пытались завоевать авторитет у сельской молодежи путем организации их досуга. Так, священник Иоанн Сипратов, служа сначала в Ряжском, а потом в Клепиковском районах, приглашал молодых людей на рыбалку, охоту, играл с ними в футбол, оборудовал волейбольную площадку[161].

Рост посещаемости церкви с 1953 г. уполномоченные пытались объяснить подъемом патриотических чувств по поводу «кончины вождя народов» Сталина. После смерти вождя в храмах звучат молитвы об упокоении Сталина, вождей и полководцев, павших на поле брани. В контексте эпохи понятна телеграмма Патриарха Алексия от 4 марта 1953 г. епархиальным архиереям, с просьбой совершить во всех храмах всех епархий молебны о здравии И.В. Сталина с пояснением, что Церковь «не может забыть благожелательного к ней отношения правительства и лично Сталина…» [162].

В траурные дни похорон Патриарх направил Совету Министров послание, в котором от лица Русской Православной Церкви выражал соболезнование по случаю кончины Сталина и подчеркивал, что Церковь «никогда не забудет благожелательного отношения Сталина к нуждам церковным». Во все епархии следует указание помолиться об упокоении Сталина. 10 марта 1953 г. ря-

занский владыка Николай направляет письмо под № 920 настоятелю Борисо-Глебского собора по поводу смерти Сталина, в котором, в частности, говорится: «…Наша православная церковь никогда себя не отделяла от народа: она живет теми же чувствами и так же скорбит об утрате Великого Сталина, своими мероприятиями много сделавшего для блага и славы нашей Церкви. Наш долг помолиться об упокоении и вечной памяти дорогого Вождя». В письме предлагалось записать имя Сталина в Синодик для поминовения по следующей формуле: «Еще молимся о упокоении Верховного вождя Советского Союза, новопреставленного Иосифа» [163]. Обычное словосочетание «раб Божий» применять не стали: возможно, сочли неподходящим к такой фигуре как Сталин.

Предельное перенапряжение общества в предыдущие десятилетия сопровождалось колоссальным выбросом энергии, за которым неизбежно следовали более или менее расслабленное состояние общества, спад остроты ощущения страха. Слабеет и становится все более размытым образ внутреннего врага. В то же время смерть Сталина, воспринимаемая советским обществом как эсхатологическая катастрофа, своеобразный конец привычного мира, была одним из факторов всплеска религиозности.

Критика культа личности не означала полного отмежевания от Сталина и его политики. Тем более, что за короткий исторический срок не могли исчезнуть состояние перманентной уязвимости от карательной политики государства, а потому осторожности и внутренней перестраховки. Это обстоятельство объясняет поведение правящих архиереев тех лет. В 1951 г. священник кладбищенской церкви города Скопина Рязанской области Владимир (Никандров) на проповеди предложил верующим создать общество трезвости, по примеру подобных обществ, существовавших в досоветский период. Правящий епископ Филарет нашел в этом нарушение конституционных норм и отстранил священника от служения. Тот написал жалобы в Совет по делам религий и Министерство юстиции [164]. Аналогичным образом за несанкционированное проявление инициативы владыкой Филаретом наказывается священник Михайловского благочиния Соколов за хождение по селам с почитаемой иконой «Отрада и утешение» в селах Пушкари и Новопанское [165]. Парадоксом было то, что священника под защиту взял уполномоченный Денисов.

Осенью 1953 г. в действиях местных властей начинает проглядываться атеистический зуд. В ноябре 1953 г. бюро Тамбов-

ского обкома партии обсуждало вопрос «Об улучшении антирелигиозной пропаганды среди населения Лысогорского района». В качестве помощи районным партработникам из областного центра на 10 дней была направлена лекторская группа [166].

В первой половине 50-х гг. на фоне общего увеличения церковных доходов начинает расти благосостояние духовенства. Исчезает отпечаток былой социальной маргинальности священства. У правящих епископов появляются легковые машины. Покупка домов, ссуды на их строительство, разрешенные властью, стали обычной нормой. В 1945—1950 гг. тамбовские священники приобрели 6 домов, в последующие 3 года еще 13 домов. Средний доход священника составлял тогда 1,5 тысячи рублей, в крупных приходах мог доходить до 3 тысяч рублей [167]. Причину этого уполномоченный видел в занижении сумм ежегодного дохода священников, который определялся лишь со слов духовенства. В то же время активизировались незаконные действия фискальных органов, которые вызывали массу жалоб. В 1951 г. уполномоченный разбирается с незаконной конфискацией в счет заготовок 1,5 тысячи яиц, которые верующие принесли священнику села Путятино Колыбельского района Рязанской области в счет платы за свечи, просфоры и требы. Денисов просит уполномоченного Министерства заготовок СССР по Рязанской области В.П. Зенина вернуть изъятое [168].

К середине 50-х гг. нарастает конфликтность внутри приходов между верующими, «двадцатками» с одной стороны и исполнительными органами с другой. Эти конфликты прорываются в прессу. Жительница города Скопина Рязанской области К.В. Орехова направляет в «Приокскую правду» письмо с характерным названием: «Поступают ли жертвы верующих по их назначению». По информации автора письма новый настоятель Скопинской церкви купил себе машину «Победа» за 30 тысяч рублей, предыдущий построил и продал дом при переезде на новое место служения в городе Спасск. Автор озвучивает тему ежегодных отчислений приходов епархии и лично архиерею [169].

7 июля 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», которое вызвало серьезные осложнения в отношениях властей и верующих [170]. В соответствии с этим постановлением на заседании бюро Рязанского обкома КПСС 7 августа 1954 г. был рассмотрен вопрос «О крупных недостатках в науч-

но-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Отдельные фрагменты принятого постановления приведем почти дословно.

«…Наблюдается значительное оживление деятельности церкви, укрепление ее кадров, а научно-атеистическая пропаганда находится в запущенном состоянии, особо среди сельского населения. Увеличивается количество обрядов, оживляется паломничество к так называемым «святым местам». В богослужении используются хор и оркестры, снижены цены на требы, используется печать. Всеми этими средствами церковь стремится расширить и укрепить свое влияние на население... Празднование религиозных праздников, нередко сопровождающееся многодневным пьянством, массовым убоем скота, наносит большой ущерб народному хозяйству, отвлекает тысячи людей от работы, подрывает трудовую дисциплину…

Среди некоторых партийно-советских работников утвердилось ошибочное мнение, что с ликвидацией в нашей стране классовой базы церкви и пресечением ее контрреволюционной деятельности отпала необходимость в активной атеистической пропаганде, что в ходе коммун. строительства религиозная идеология стихийно, самостоятельно изживает себя…». Сельские советы, например, Тамбовской области без особых препон выдавали руководителям приходов справки, разрешающие заниматься изготовлением киотов, обряжением икон и т.п. [171].

12 августа 1954 г. Рязанский обком КПСС провел областное совещание по вопросу об улучшении политико-массовой и культурно-просветительской работы. Особое внимание было уделено борьбе с такими «пережитками капитализма» как религиозные предрассудки. Была дана критическая оценка руководству тех районов, где наблюдалось терпимое отношение к религиозным обрядам и «проявлениям суеверий». В качестве примеров приводились Конобеевский район, где совершались молебны о дожде, Солотчинский и Горловский районы, в которых «церковники дурачат доверчивых людей «святыми» источниками» [172]. 8 сентября 1954 г. материалы совещания были прокомментированы в печатном органе Рязанского обкома ВЛКСМ газете «Сталинец». В статье «За улучшение идеологической работы» в качестве негативных примеров атеистической работы на местах была отмечена неудовлетворительная работа сельских клубов в деревне Фирюлевка Михайловского и селе Гребнево Букринского районов Рязанской области. Любопытно совпадение в упоминании ситуации в населенном пункте Фирюлевка в данной газетной заметке с

публикацией в «Комсомольской правде» письма учительницы из этого же села, о которой говорилось ранее. Это свидетельствовало о координации идеологического наступления в комсомольской прессе с партийными инстанциями.

По схожему сценарию на постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. с разной степенью оперативности реагировали обкомы всех других регионов страны. Уже 8 июля 1954 г. «Тамбовская правда» — «Об антирелигиозной пропаганде в Бондарском районе», а 9 августа того же года принимается постановление бюро обкома с названием, созвучным постановлению ЦК. В сентябре—октябре 1954 г. на страницах «Тамбовской правды» были размещено около 10 статей на тему атеистического воспитания [173].

В сентябре 1954 г. в СССР с очередным визитом прибыл митрополит Илия (Карам), с которым обсуждались пути привлечения на сторону Московской Патриархии других православных иерархов. Чтобы разрядить напряженную ситуацию в отношении церкви, в ноябре 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», противоположное по духу июньскому постановлению [174].

Недостатки, указанные в постановлении ЦК КПСС, имели место и в Рязанской области. 17 ноября 1954 г. бюро Рязанского обкома КПСС принимает постановление, соответствующее указаниям ЦК. Его содержание самокритично. Констатировалось, что в пропаганде допускались оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды. Имелись случаи, когда некоторые служители религиозных культов и верующие без основания изображались людьми, не заслуживающими политического доверия. Допускались случаи администрирования в отношении к религиозным объединениям и духовенству. К выступлениям с лекциями и докладами допускались люди, не подготовленные в вопросах атеистической пропаганды. Дело доходило до того, что рязанская областная молодежная газета «Сталинец» и некоторые районные газеты публиковали атеистические материалы, носящие характер анекдотов и басен.

Бюро обкома рекомендовало отделу пропаганды и агитации провести трехдневный семинар лекторов-пропагандистов, а Рязанскому ГК КПСС — провести собрание преподавателей институтов с вопросом о проведении научно-атеистической пропаганды в свете Постановления ЦК КПСС [175].

Таким образом, «драконовское» партийное решение к реализации принято не было. Обещанного летним 1954 г. постановлением ЦК КПСС выхода журнала «Наука и религия» не произошло, его выпуск отодвинулся до 1958 г. Атеистическая пропаганда стала сводиться к естественно-научным темам, в которых вскрывалась несостоятельность религиозных взглядов на происхождение Вселенной.

Постановления 1954 г. только подогрели интерес населения к церковной теме. Некоторые из местных руководителей махнули на все рукой и перестали придавать большое значение борьбе с религиозными предрассудками. Примером может служить случай, имевший место в Шиловском районе. Художник-самоучка и член церковного совета храма села Санское А. Бочков был поставлен правлением колхоза директором клуба. Вместо возлагавшегося на него ремонта клуба, Бочков занимался ремонтом Лунинской и Срезневской церквей, расположенных в соседнем Шелуховском районе. При этом в бухгалтерии колхоза на его лицевой счет аккуратно заносилось по 30 трудодней в месяц Тамбовский уполномоченный отмечал, что 70 % детей, не без ведома родителей и учителей, посещали Моршанский храм, а встретившегося на улице священника приветствовали более уважительно, чем педагогов [176].

Вышедшее по итогам XX съезда постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» было воспринято верующими как отмена всяких ограничений. Пасхальное богослужение 1956 г. в Покровском соборе Тамбова собрало до 12 тысяч человек [177]. В своем ходатайстве об открытии церкви в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова верующие села Березово Чапаевского района Рязанской области написали: «Теперь нет культа личности, и мы разогнули спину». Увеличивается поток писем и обращений от верующих в адрес уполномоченного: с 34 обращений в 1955 г., до 90 обращений в 1956 г., при этом отклонено было 16 ходатайств [178].

В 1954 г. православные праздники и обстановка вокруг них оказались под пристальным вниманием органов внутренних дел. Как сообщалось в докладной записке Министерства внутренних дел СССР в адрес ЦК КПСС от 4 ноября 1954 г., «за последнее время отмечается большое количество уголовных преступлений, совершаемых в дни религиозных праздников». По информации МВД в ряде центральных областей на эти дни приходилось от 40

до 66 % убийств, совершенных за период января—сентября 1954 г. [179]. К тяжелым последствиям приводили драки, возникавшие на почве пьянства. Случаи правонарушений были отмечены и в Рязанской области. Хулиганы села Прудская Слобода Михайловского района в 1956 г. на Пасху пытались помешать крестному ходу. В Пронском районе в селе Архангельская слобода во время крестного хода группа бандитов пыталась ограбить церковный ящик [180].

Подобным фактам имеется следующее объяснение. Во-первых, следует учитывать всплеск преступности в рассматриваемый период, которая была следствием массовой амнистии осужденных по ряду уголовных статей в связи со смертью Сталина. Массовое скопление людей во время праздников привлекало уголовников, хулиганов, пьяных. Во-вторых, поствоенный синдром, а также первые шаги по смягчению политического режима вызывали всплеск психологической разрядки: находили выход агрессивность и усталость. И все же следует отметить, что духовенство и верующие, как правило, контролировали ситуацию и блокировали конфликтные вспышки. Поэтому, внимание МВД к теме православных праздников больше объясняется тем, что участие в православных праздниках в «безбожном» советском государстве было, если не формой политического протеста, то, по крайней мере, демонстрацией нонконформистских настроений. А это вполне адекватно воспринималось властями.

С приходом «оттепели» разрушение церковных зданий на местах не закончилось. Порой уполномоченный был разумнее и лояльнее местных руководителей, которые не могли нащупать оптимальные варианты решений проблем в коридоре между требованиями вышестоящей власти и интересами земляков. В июне 1957 г. Ножкин рекомендует заместителю председателя Сараевского райисполкома не ломать монастырское здание в селе Сысои Сараевского района, чтобы «ликвидировать ненужную активность верующих их жалобы и заявления» [181]. Столь же категоричной была критика уполномоченного в адрес правления колхоза села Гавриловское Спасского района, разобравшего фундамент церкви на кирпич [182]. В письме руководству торфпредприятия «Ненашкино», составившего административный акт на священника за совершение требы на дому, уполномоченный констатирует со стороны директора нарушение конституционных прав граждан [183].

При оценке действий местных хозяйственных руководителей следует осознавать состояние дезориентации с их стороны под воздействием развернувшейся в стране громкой кампании строительства МТС, сельских клубов, лесозащитных станций. Эта кампания, не подкрепленная соответствующим ресурсным обеспечением, толкала власть на противоправные действия по слому и переоборудованию недействующих храмов.

В 1957 г. было принято «Положение о пенсиях и единовременных пособиях священноцерковнослужителям РПЦ». Ужесточился финансовый контроль государства. Например, священник Степанов в деревне Затишье Реткинского сельсовета по состоянию на 1 января 1957 г. допустил недоимку по подоходному налогу, не представил декларации за 1956 г. Это было расценено как антигосударственный путь, выраженный в укрытии источника своих доходов. Заведующий райфинотдела Рязанского района сделал священнику предупреждение, что в случае неуплаты дело будет передано в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности. После жалобы уполномоченному Степанов добивается отсрочки платежа [184].

Было бы неправомерным представлять уполномоченного Ножкина человеком, симпатизирующим Церкви, а рационализм, политический расчет и просто разумный смысл с его стороны считать проявлением дружественного отношения к верующим и священству. В 1955—1956 гг. он трижды отказывал в регистрации религиозному обществу с. Березова Чапаевского района, угрожая запустить в храм свиней. Жалоба на рязанского уполномоченного, поданная в Президиум Верховного Совета СССР религиозной общиной содержит ряд интересных высказываний. «Годы революционных экспериментов миновали», — писали верующие. Своим поведением, по их мнению, Ножкин «игнорирует общегосударственные интересы» [185]. Иллюстративно письмо уполномоченному от верующих села Борисково, содержащее просьбу обеспечить священника лошадью, заканчивается предупреждением, что отказ уполномоченного будет означать ущемление их законных прав [186].

Восстановление демократических норм в партии и государстве после смерти Сталина, критическая оценка прошлого исторического опыта сказались на обстановке не только в обществе, но и Церкви. Приходские священники все больше ощущали на себе возрастающую требовательность прихожан и непокорность своих подчиненных, псаломщиков, пономарей, певчих. Со сторо-

ны отдельных церковных служащих предпринимаются попытки обозначить тему внутрицерковной демократии. В 1955 г. певчие Скорбященской церкви города Рязани направляют Председателю Совета по делам РПЦ Г. Карпову жалобу на руководство своей церковной общины, заявляя протест против снижения оплаты их труда и требуя восстановления ее в прежнем объеме [187].

Более показателен в этой связи конфликт членов приходской общины («двадцатки») Борисо-Глебского кафедрального собора, лидером которых стал И.В.Андрианов с настоятелем собора протоиереем Борисом (Скворцовым) и поддерживающим его епископом Николаем. В мае 1955 г. члены «двадцатки» потребовали созыва общего собрания, чтобы заслушать отчет исполнительного органа и ревизионной комиссии о своей деятельности, поскольку они работали без переизбрания с 1948 г.

В феврале 1956 г. настоятель Собора в присутствии правящего архиерея сделал перед верующими краткий отчет с амвона церкви. Андрианов от членов «двадцатки» пишет жалобу Председателю Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпову, а копии — в адрес Святейшего Патриарха и правящего епископа. В тексте наряду с мотивированными претензиями о том, что членов «двадцатки» не предупредили о предстоящем отчете, содержались эмоциональные утверждения, типа: «Мы — хозяева церкви!», «у нас церковь не для верующих, а для духовенства, а верующие есть пчелы, приносящие мед в улей — церковь». По мнению автора, церковь должна быть демократичной, приходская община и служители должны составлять одну семью. По информации автора приходная часть баланса Борисо-Глебского собора составляла в 1956 г. 2 млн 300 тыс. руб. (при декларировании годового дохода в сумме 180 тыс. руб.) и, потому, понятно было желание «двадцатки» знать детали расходных статей [188].

В действительности исполнительный орган вкладывал много средств на реставрацию открытого после войны кафедрального собора, на внутренне убранство и роспись стен и иконостаса. За 2 года на живопись и позолоту икон было истрачено 1,5 млн. руб. Своды и стены храма были заново расписаны по лучшим иконописным образцам XVI—XVII вв. художниками из Палеха братьями Блохиными. На церковном дворе был построен крестильный храм во имя праведных Иокима и Анны и устроен новый памятник на могиле Святителя Василия. Иконостасы главного алтаря и правого придела, а также многочисленные киоты у стен и колонн были выполнены скульптором В.П. Гавриловым.

У левого придела храма был установлен фаянсовый иконостас работы XIX в. из храма села Ижевское Спасского района, спасеный прихожанами во время разорения Ижевской церкви. Накануне Пасхи 1956 г. был установлен колокол весом 16 пудов, отлитый в селе Горки Владимирской области, стоимостью 6 тыс. руб. [189]. В день праздника Успения Пресвятой Богородицы в 1956 г. после праздничной литургии кафедральный собор посетила семья сотрудника английского посольства Пэррот: супруги и их трое детей. Англичане приехали из Москвы на легковой машине. Протоиерей Собора о. Александр (Рождествин) показал англичанам иконостас, ознакомил их с соборной живописью, провел в главный алтарь и позволил приложиться к иконам. Внутренне убранство кафедрального Собора потрясло воображение англичан, вызвало неподдельное восхищение и слова благодарности за предоставленную возможность насладиться увиденным [190]. Так совпало, что визит англичан в Рязань состоялся после проведенной летом в июне 1956 г. в Москве встрече представителей Русской Православной Церкви и англиканских Церквей, на которой был выработан план будущей богословской дискуссии [191].

В конфликте между «двадцаткой» и исполнительным органом Рязанского кафедрального собора Совет по делам религий отказался вмешиваться во внутрицерковные дела «в силу закона отделения церкви от государства» [192], а Московская Патриархия доводы Андрианова отклонила. Резолюцию Его Святейшества донес до авторов жалобы управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Н. Колчицкий. Подобный финал этого конфликта не гарантировал окончательного разрешения проблемы взаимоотношений «двадцатки» с исполнительным органом и притчем. На предельную самостоятельность Церковного Совета от настоятеля и правящего архиерея после реализации реформы приходского управления 1961 г. жаловался в одном из своих писем в 60-е гг. на имя Святейшего Патриарха епископ Борис [193].

Думается, подобные ответы не устроили заявителей. По крайней мере, анонимные письма с критикой епископа Николая, его епархиального секретаря о. Симеона (Грацианского) за подписью «Голос из народа» поступали на стол уполномоченного более или менее регулярно [194].

Информация о внутрицерковных конфликтах время от времени прорывалась в периодическую печать. Так, газета «Приокская правда» 2 октября 1956 г. опубликовала статью «Дела духовные» о злоупотреблениях старосты Никольской церкви города

Касимова. Основу конфликта составляла, как правило, финансовая сторона дела. Уполномоченные в силу своих должностных инструкций старались избегать какого-либо арбитража, не забывая при этом направлять информационно-пропагандистскую работу средств массовой информации против Церкви.

Факты внутрицерковных конфликтов и их нарастания в 50-е гг. наталкивают на предположение, что дорога к будущей реформе приходского управления столбилась задолго до 1961 г. Идея демократизации приходской жизни, прозрачности экономики и финансов Церкви витала в настроениях церковных служащих уже в середине 50-х гг. Она была официально озвучена и запущена в работу на старте хрущевской антирелигиозной кампании 1958 г. Церковь, в силу ряда обстоятельств, не смогла нейтрализовать эти настроения.

Будучи легализованной Сталиным и инкорпорированной им в политическую систему в годы войны, Церковь, по иронии судьбы, стала восприниматься как институт, порожденный в годы сталинских деформаций («православный сталинизм»), с присущим сталинскому режиму отходом от демократических норм жизни («казарменный социализм»). Второй раз за сорокалетнюю историю XX века Церковь отождествлялась с ликвидированной политической системой, и дважды ей приходилось демонстрировать свою лояльность новой власти.

Немаловажным внешним фактором этой метаморфозы было изменение состава православного духовенства. На эту особенность жизни послевоенной Церкви обращает внимание церковный историк протоиерей В. Цыпин. Начиная с 1950 г. сокращается численность духовенства вследствие естественной убыли из-за пожилого возраста, но необходимое количество священнослужителей не восполнялось в должной мере рукоположениями [195]. Вначале по амнистии, а потом и через реабилитацию вернулись к служению священники, угодившие в лагеря еще с довоенных лет — люди духовные, претерпевшие за веру. В то же время массовое открытие приходов в конце войны и первые послевоенные годы вынуждало пастырей рукополагать людей, не имеющих духовного образования и порой, не имевших призвания к пастырству. По воспоминаниям игумена Никона (Воробьева), за основу подготовки был взят внешний строй старой духовной школы без его достоинств, опытных и образцовых преподавателей. В 1956 г. число желающих поступить в духовные семинарии и академии по сравнению с 1952 г. увеличилось в 2 раза. 8 духовных семинарий

и 2 академии с 1947 по 1956 гг. подготовили свыше 1 тысячи священников. В ряде епархий даже появилось такое явление, как текучесть церковных кадров. В Тамбовской епархии, например, в 1951 г. рукоположили 12 человек, а 11 человек до этого из состава клира выбыли [196]. В 1954 г. доля священников в возрасте до 40 лет составила 11,2 % [197].

Подвижников, изучавших Закон Божий в дореволюционной школе и семинарии и для которых он стоял выше «закона человеческого», оставалось с годами меньше. Они уходили из жизни, а на смену им стали приходить молодые священники, сформированные на ускоренных пасторских курсах. Они приносили в Церковь многие черты советского образа жизни. К представителям этой генерации служителей церкви были снижены требования, характерные для духовных учебных заведений до 1917 г. Главной в деятельности нового поколения священников была энергичная административно-хозяйственная работа. К своему пастырскому долгу они относились по-разному. Одни пользовались авторитетом среди прихожан, другие становились священниками в силу обстоятельств и безвыходности положения. Не улучшило религиозно-нравственного состояния духовенства воссоединение с обновленцами.

Еже в декабре 1946 г. Карпов готовил для Сталина предложение Совета приравнять священников к служащим, но оно не было реализовано [198]. Твердые оклады были введены для священников только в 1962 г. Поэтому материальное положение приходского духовенства считалось практически производным от благосостояния крестьянства. Если условия быта священников были намного лучше, то они заставляли крестьян сравнивать их со своим житьем, что порой вносило элементы отчуждения во взаимоотношения. Ведь часто люди шли не просто в храм, а к священнику, которому желали искренне исповедаться.

Как уже упоминалось, с 1949 г. размер дохода священника, подлежащего налогообложению, определялся по его заявлению. Возможность иметь неучтенный доход способствовал росту благосостояния части духовенства. Материальная обеспеченность давала возможность в будничной жизни позволить себе некоторую роскошь, ранее не позволительную: купить, например, дом. Примеры материального благополучия со стороны отдельных священников на фоне послевоенной разрухи вступали в диссонанс с уравнительной психологией населения. Этим умело пользовалась власть, нередко использующая трафареты антирелиги-

озной пропаганды 20—30-х гг., которая вдалбливала в народное сознание неприглядный образ «попа-обманщика».

В эти годы в стране и в области особо неблагополучно складывалась ситуация в сельскохозяйственным производством. Послевоенный голод был реальностью для многих территорий. В течение 1948 г. ЦК ВКП (б) дважды заслушал отчет Рязанского обкома партии по руководству сельским хозяйством и вскоре сменил областное партийное руководство. Пост первого секретаря обкома КПСС занял А.Н. Ларионов [199].

Можно согласиться с посылкой о том, что одной из основных причин антипатии к священнику была открытая реализация предоставленной властью возможности официально улучшить свой жизненный уровень. В то же время нельзя не считаться с тем обстоятельством, что все легальное священство находилось под полным контролем финансовых органов, фискальные действия которых не оставляли шансов на нормальное существование. Налогообложение осуществлялось в соответствии со ст. 19 Указа Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г., по которому священники приравнивались к кустарям-одиночкам. При этом сумма налога могла доходить до 81 % от полученного дохода[200]. Часто, в нарушение существовавших правил, местные власти заставляли священников выполнять обязательные поставки мяса, молока, яиц, не взирая на то, что те не имели приусадебных участков и скота.

Церковь в послевоенное время материально окрепла, быстро и значительно. Ситуация с падением доходов вследствие денежной реформы 1947 г. была преодолена сравнительно быстро. В этой ситуации отдельные священнослужители не выдерживали испытания достатком и не всегда соответствовали высоким требованиям, предъявляемым к служению на духовной ниве. Об этом свидетельствует внутренняя епархиальная переписка. В 1955 г. епархиальный ревизор протоиерей В. Шиповальников в одном из рапортов правящему архиерею сообщает о фактах недостойного поведения священника Богородицкой церкви села Лунино Шелуховского района, который часто отсутствовал на службе, опаздывал на требы, а деньги, полученные за них, брал себе [201].

Церковь в тот исторический период остро нуждалась в пастырях-подвижниках, готовых примером своей жизни, своим словом, духовным опытом организовать приходскую жизнь, повести за собой народ, напоминая ему о вечных истинах и ориентируя на

исправление жизни. Образцы подобного служения можно найти в отчетах уполномоченного. Так, в отчете уполномоченного «Об активизации церковников в Рязанской области» упоминается тридцатилетний настоятель церкви села Маково Михайловского района Николай Урывков, который в 1957 г. произнес 75 проповедей [202].

Для сельского населения присутствие священника в особенные моменты жизни было совершено естественным и даже необходимым явлением. В попытке дискредитировать Церковь в глазах общества, минимизировать влияние на него, власть, спекулируя на идее построения коммунизма, призванного теоретически удовлетворить все потребности людей, рисовала Церковь архаичным препятствием на пути к светлому будущему. Поддержку этим настроениям, пришедший к управлению Хрущев, искал в поколении детей военной поры, прошедшего воспитание в трудовых коллективах и буднях, фактически без отцов, семьи и внутрисемейного воспроизводства православной традиции, а потому отчужденного от веры. Готовилось решительное наступление на Церковь. Смерть главного гаранта относительной стабильности государственно-церковных отношений открывала дорогу этому наступлению. Оставалось лишь укрепиться в партийном руководстве, низвергнув в борьбе за власть политиков из старого сталинского окружения.

§ 3. Борьба власти с паломничеством к святым местам

После легализации Церкви в годы войны власть повела наступление на внехрамовую религиозную жизнь. Паломничества к источникам, крестные ходы, моления около них были самыми древними, массовыми, живыми, а не формальными проявлениями веры, наиболее ярко демонстрируя народный характер православия в России. Властью они рассматривались не просто как путешествия к местам, связанным с событиями «Святого писания», историей икон, деяниями святых и различными чудотворениями в надежде получить «сверхъестественную помощь», т.е. как религиозные предрассудки и суеверия [203]. Власть видела в паломничестве к святым местам проявление религиозного фанатизма и нарушение общественного порядка.

28 ноября 1958 г. ЦК принял секретное постановление «О мерах по прекращению паломничества к «святым местам»,

каковых в СССР насчитывалось около 700, в том числе в РСФСР более 60. К середине 1959 г. местные партийные органы должны были отчитаться по результатам его выполнения [204]. В соответствии с указаниями ЦК КПСС секретарь Рязанского обкома партии С.Г. Якимов дал задание заведующему отделом пропаганды А.С. Кожевникову поставить на контроль, что делается райкомами партии по реализации решения ЦК о прекращении паломничества и отчитаться к 15 мая 1959 г. [205]. Тема борьбы с паломничеством к святым местам вошла в тематику районных семинаров по атеизму [206].

Попытки прекратить паломничество верующих к святым местам для них местам предпринимались Советской властью многократно. В конце 50-х годов это была третья волна гонений на «святые места», коими были в первую очередь святые источники. При этом использовался мощный арсенал пропагандистских средств и административных мер. Истории борьбы Советской власти с паломничеством к святым местам посвящены издания ряда авторов [207].

В первые годы Советской власти власть довольствовалась тем, что разрушала храмы и часовни с купальнями. Святым источникам тогда в отличие от мощей святых и икон повезло немногим больше — реквизировать их, продать за границу, поместить в музей было невозможно, а уничтожение требовало усилий и затрат. В ходе коллективизации основной удар властями наносился по сельским храмам. До святых источников порой не всегда доходили руки. Поэтому, как явствует из сводок «Союза воинствующих безбожников», в ряде мест (например, село Дубово Ранненбургского района Московской области) после закрытия церквей святые колодцы становились местами массового моления верующих [208]. Газета «Безбожник» от 10 июля 1933 г. зафиксировала крестный ход к святому источнику села Кошибеево Сасовского уезда Рязанского округа.

В августе 1948 г. под давлением Совета по делам РПЦ Священный Синод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село и всяких молебствий на полях. Не добившись желаемого успеха в административном воздействии, Совет по делам РПЦ в декабре того же года рекомендует уполномоченным на местах не чинить препятствия к проведению крестных ходов на воду, молебственных Крещенских водосвятий [209]. Так, накануне праздника Крещения в 1949 г. настоятелю Вознесенской церкви города Спасска Рязанской области А. Правдолю-

бову Спасский райисполком в соответствии с инструкцией Совета по делам РПЦ от 6 декабря 1948 г. разрешает крестный ход на Спасское озеро [210].

19 февраля 1949 г. в газете «Правда» была опубликован фельетон И. Рябова «Саратовская купель», высмеивающий как «дикий обряд» массовое участие жителей Саратова в водосвятном молебне. Из 30 тысяч присутствующих на молебне примерно 300—500 купались в проруби. Купание на праздник Крещения Господня было разрешено Волжским райисполкомом города Саратова при содействии районного ОСВОДа [211]. Публикация стала поводом для нагнетания антицерковных настроений и административных мер воздействия в отношении верующих и духовенства. Она стала предметом обсуждения специального заседания Секретариата ЦК ВКП(б). В «Журнале Московской Патриархии» в марте 1949 г. было напечатано постановление священного Синода, признавшего епископа Саратовского Бориса виновным в серьезном недосмотре, который повлек нарушение общественного приличия, выразившегося в массовом обнажении. Это, в свою очередь, вызвало со стороны печати незаслуженное обвинение церкви в «мракобесии», «язычестве» и «послужило, таким образом, во вред Матери-Церкви» [212]. Вводились запреты на водосвятие на реках и других водоемах, ограничивалось совершение треб вне храма.

Можно предполагать, что эта история не прошла мимо внимания И.В. Сталина. 24 февраля в Кремль на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) приглашался председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов [213].

Тяготы войны и первых послевоенных лет, незабываемая память о родных и близких, погибших за Родину, неутихающая боль об утратах накладывали свой отпечаток на некоторую часть населения, и побуждали их искать утешения в церкви. Фактически не было такого деревенского дома, в котором на божнице не стояла бы икона преподобного Серафима Саровского [214].

Безусловно, усиление веры в годы войны и первый послевоенный период, в конце 50-х начале 60-х гг. сменилось некоторым охлаждением религиозности. Но общегосударственные праздники так и не смогли вытеснить религиозные. Несмотря на начавшееся динамичное вымывание молодежи из деревни в хрущевский период, связь поколений еще не была прервана, и общественное сознание каждого крестьянского сообщества хранило в своей коллективной памяти те культурно-бытовые модели пове-

дения, что были приняты всеми жившими ранее поколениями. Поэтому если на одном полюсе были колхозные и партийные собрания, то на другом — моления у домашних икон, святых источников, родников, озер. Православные нормы жизни, на которых традиционно строилась жизнь крестьянского сообщества, оказались загнанными внутрь, но, не смотря на гонения, утрачены не были.

В годы Советской власти, когда подавляющее большинство церквей было закрыто, публично отмечать православные праздники запретили, а паломничество (хождение) ко многим русским святыням (прославленным монастырям, чудотворным иконам) стало затруднительным и даже невозможным, святые источники становились единственно доступным местом для выражения религиозных чувств. Обычно на источники верующие ходили под руководством присматривающих за святыми колодцами и родниками монашествующих мирян. Эти «монахи» или «монашки» («чернички») обеспечивали непрерывность православной традиции. Подобные женские крестные ходы, которые крестьянки устраивали «от себя», наблюдались в Рязанской губернии еще в конце XIX века. Служба на источнике даже без священника хотя бы отчасти восполняла отсутствие церкви. С закрытием церквей святые источники стали единственным местом, где можно было взять святую воду, вера в целительную силу которой, прочно сохранялась в народе, и, конечно же, совершить омовение, помолиться о здравии или скором дожде. Кроме того, послевоенное внедрение властью вглубь массового сознания комплекса ожидания перемен легло на уже подготовленную почву (подобные настроения имелись) и способствовало обострению веры в разные знамения и чудеса, что, в свою очередь, нашло выражение в активизации паломничества к святым местам.

Борьба с паломничеством к святым местам представлялась делом непростым, поскольку омовению в святом источнике, особенно во время православных праздников, придавалось важное целительное, охранное и очищающее значение. Бытовало мнение, что святая вода изгоняет бесов. В Рязанском крае с годами сложилась устойчивая репутация отдельных источников. От глазных болезней рекомендовали совершать омовение в Иоанно-Богословском источнике в селе Пощупово Рыбновского района или в роднике около села Собчаково Спасского района. Больным детям рекомендовались источники в селах Ижеславль Михайловского района и Большой Мутор Касимовского района. Мужчинам осо-

бенно полезной была вода из «Мужичьего колодца» в селе Гавердово Рязанского района. От «порчи и сглаза» помогала вода из источника, расположенного рядом с городе Сасово [215]. Поэтому веками люди шли к святому источнику с надеждой на избавление от духовных недугов и телесной хвори.

Существовал определенный ритуал целительного омовения, который с годами сформировался в традицию. Вот, как, например, ежегодно проходил крестный ход к Святому колодезю в праздник Тихвинской иконы Божией Матери в селе Кирицы Спасского уезда (района). В этом крестном ходе участвовали не только прихожане сел Кирицы и Сушки, но и жители других окольных селений. Утром 26 июня по окончании Божественной Литургии, богомольцы шли к Святому колодезю, «где, по совершению обряда водоосвящения,… устремляются к источнику, испивают священной волы, умывают свои лица, обмакивают полотенца и вешают на ветвях дерев принесенные из их домов белье» или полоски ткани с надеждой и верой в исчезновение болезни [216].

Многочисленные крестные ходы и паломничества к водным источникам практиковались не только в праздник Крещения, а круглогодично. Сначала это происходило в праздник Преполовения, приходящегося на середину времени от Пасхи до Троицы, затем на Духов день. Считалось, что вода от Духова дня обладает особенными обережными качествами и помогает от нечистых духов. В августе купались на Спас. Первый Спас в селе Савватьма Ермишинского района, называли «Мокрым Спасом», что означало обряд купания в святом источнике [217]. На Медовый Спас и, особенно, в день Флора и Лавра (31 августа) купали в святых озерах и кропили водой из святых источников лошадей. К концу лета, на Ильин день целебными почитались Ильинские «громовые» ключи. В словаре В. Даля как рязанское явление отмечена лексема «громовой колодец». Так называли ключ из-под камня, который образовался, по народному поверью, от удара грозы. Над ним ставилась часовенка [218].

По данным рязанского уполномоченного святые источники были расположены в нескольких местах: село Тюшевка Трубетчинского района, село Дубовое Колыбельского района, село Кошибеево Сасовского района, село Пощупово Рыбновского района, село Дегтяное Ряжского района, село Затворное Горловского района, деревня Полково Солотчинского района, село Ибердь в Ряжском районе, село Дмитриево в Скопинском районе, село Кирицы Спасского района, село Большой Мутор и село Ардабьево

Касимовского района, село Можары Сараевского района в других местах (см. Табл. 1). Первые четыре источника упоминались в приложении к Постановлению ЦК КПСС от 16 октября 1958 г. и в секретной записке Совета по делам РПЦ №487/с от 24 сентября 1958 г. в ЦК КПСС «О паломничестве верующих к так называемым «святым местам» [219].

О большом размахе почитания святых источников свидетельствует их реальное количество, нередко превышающее официальную статистику. В конце XX века рязанским краеведом С.А. Иниковой был собран материал более, чем по 50 святым источникам и двум озерам Рязанского края. Были систематизированы предания и легенды о причинах их почитания. В 21 случаях они, так или иначе, связаны с чудотворными иконами, в 14 — со святыми или с именами местных подвижников благочестия, в 7 — с церквями, в 3-х — с необычными природными явлениями, в 2-х — с невинно пролитой кровью и в одном случае — с легендой с дохристианских времен [220]. Живы предания о святых озерах с ушедшими в их глубины церквями («градом Китеж»). Озерный гидроним Святое широко представлен в Поочье, в том числе в Рязанской области [221].

Необходимо уточнить, что контроль за ситуацией у святых источников осуществлялся уполномоченными задолго до 1958 г. Тамбовский уполномоченный изучал святые источники на территории области с 1948 г. и выявил более 10 источников, возле которых собирались паломники числом от 100 до 6 тысяч человек. Во время засухи 1948 г. верующие завалили уполномоченного просьбами разрешить молебны у источников с участием священников. Если в период засухи 1946 г. участие в таких молебнах сходило священникам с рук, и дело ограничивалось только предупреждением, то теперь могли быть сняты уполномоченным с регистрации и запрещены епископом в служении. Поэтому в ряде случаев священники вынуждены были выступать противниками молебнов у источников. Так, в сентябре 1948 г. священник И. Кондиев, явившись вместе с диаконом на подобный молебен около села Верхние Пупки Дегтянского района Тамбовской области, побил посуду с водой и разогнал собравшихся [222].

Тема борьбы с паломничеством к святым источникам в Рязанской области находилась в поле зрения партийных органов несколько лет. 7 августа 1954 г., ровно через месяц после принятия Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», заседание бю-

ро Рязанского обкома партии, обсудив ситуацию в сфере борьбы с религиозными предрассудками, констатировало оживление паломничества к пяти «святым колодцам». Бюро обкома обязало отдел пропаганды и агитации, а также Сасовский, Горловский, Ряжский, Рыбновский и Солотчинский райкомы партии в декадный срок выработать мероприятия по широкому развертыванию научно-атеистической пропаганды в местах, где имеются святые колодцы, источники и т.д. и внести их на рассмотрение бюро обкома КПСС. Рекомендовалось также формировать навыки преподавания предметов атеистического содержания в школах и вузах [223]. 13 августа 1954 г. статья «Забытый участок идеологической работы», размещенная в областной газете «Сталинское знамя», обличала церковников, «дурачащих доверчивых людей святыми источниками». В публикации упоминались источники, расположенные в Солотчинском и Горловском районах.

По причинам внешнеполитическим в 1954 г. атака на народную традицию паломничества к святым местам не состоялась [224]. Она отодвинулась до официального старта антицерковной политики в 1958 г.

Первые информационные сообщения о ситуации вокруг святых источников стали направляться в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР и Рязанский обком КПСС в 1955 г. Весной 1957 г. в газете «Советская Россия» была размещена информация о том, что в Сасовском районе Рязанской области не ведется антирелигиозная пропаганда, что, в свою очередь, порождает мракобесие и веру людей в чудеса Божии. Автор заметки — работник Сасовского летного училища гражданской авиации, все свои доводы «подкреплял» фактами, которые он увидел на Кошибеевском роднике Параскевы Пятницы. Источник посещали верующие не только близлежащих районов, но и областей. Публикация в московской газете вызвала переполох в обкоме и райкоме партии. Для разгона паломников в Кошибеево прибыла из Сасово конная милиция [225].

Совет по делам РПЦ направлял в адрес уполномоченных ряд секретных инструктивных писем, посвященных теме «паломничества к святым местам». В связи с тем, что ЦК КПСС поставил задачу перед государственными органами и учреждениями, общественными организациями путем проведения широкой воспитательной работы среди населения, на основе методов убеждения добиться прекращения паломничества и закрытия «так называемых «святых мест», Совет предлагал своим уполномоченным

оказывать им в этом всякое содействие и помощь. Кроме того, весной каждого года Совет созывал уполномоченных на совещания, на которых анализировалась работа по прекращению паломничества к святым местам и давались конкретные поручения на текущий год.

Уполномоченным необходимо было, с учетом местных условий и совместно с руководящими органами региона, разработать такие мероприятия, осуществление которых исключало бы возможность посещения «святых мест» паломниками. Предлагалось занять территории разными постройками; использовать подобные места под культурно-просветительские учреждения, пионерские лагеря и дома отдыха, лесопитомники, плантации опытных посевов, пасеки, пастбища для скота, фермы водоплавающей дичи и т.д., что потребовало бы ограждения территории и ограничения доступа к источникам людей. Рядом с некоторыми источниками поначалу планировали устраивать летние пастбища для свиней, но Совет по делам РПЦ рекомендовал воздерживаться от подобного циничного оскорбления чувств верующих.

Совет по делам РПЦ обязал уполномоченных провести с управляющими епархий разъяснительную работу и добиться от них того, чтобы зарегистрированное духовенство не только не участвовало в паломничествах к «официально непризнанным» водным источникам, но и вело борьбу с их организаторами как шарлатанами, самосвятами или язычниками. При этом предписывалось предупреждать организаторов молений, которых в официальных документах называли «бродячим духовенством и монашествующими», об ответственности в соответствии со ст. 124 УК РСФСР «за распространение суеверий в целях извлечения материальной выгоды». В поле зрения правоохранительных органов Рязанской области попали, например, бывший послушник Троице-Сергиевой Лавры, псаломщик церкви села Занины-Починки Ерахтурского района Г.И. Лузихин, некий «святой отец» Григорий из села Ласково Солотчинского района и жительницы села Кошибеево Василиса и Елена Ильевы, Вера Горынина. Все они были отмечены как лица, проводившие богослужения при святых источниках [226]. В докладной записке Председателю Совета по делам РПЦ Г. Карпову рязанский уполномоченный С. Ножкин сообщает, что по его «рекомендации» архиепископ Николай вызвал к себе благочинных и потребовал от них вести разъяснительную работу среди верующих о нежелательности посещения «святых мест» [227].

Властями давалась установка разоблачать в печати и на радио антиобщественный, «корыстный» характер деятельности лиц, организующих паломничества к «святым местам», организовать печатные отклики медицинских работников об опасности распространения всяких инфекционных заболеваний и эпидемий. Власти рекомендовали проводить в селах собрания рабочих и колхозников, на которых вынести решения о ходатайстве перед районными Советами о запрещении паломничеств, т.к. они могут привести к эпидемиям и пожару, вытаптыванию урожаев и луговых угодий и т.п. Принимаемые райисполкомами решения предполагали штрафы за их нарушение. На дорогах, на подступах к святым источникам выставлялись пикеты из комсомольцев. Ограничивались автобусные сообщения, усиливался инспекторский контроль автомашин. Вводился негласный запрет на размещение паломников на постой. Для этого запрещалось использовать церковные сторожки для ночлега паломников.

Источники стали заваливать камнями и мусором, разрушать сохранившиеся при них с довоенной поры деревянные часовенки. В Рязани был забит цементом святой источник во имя Святителя Василия Рязанского, расположенный у реки Трубеж, под склоном набережной, созданной на территории Рязанского кремля. Власти несколько раз пытались засыпать бульдозером Ильинский источник около села Дегтяное. Однако каждый раз насыпь расползалась, и источник пробивался. По рассказам старожилов, те, кто непосредственно исполнял эту акцию, гибли не своей смертью. В селе Затворном председатель сельсовета хотел перегородить небольшую речушку, протекавшую рядом со святым родником во имя иконы «Казанской» Божией Матери, чтобы затопить его. Никто из рабочих не взялся за это дело. Безуспешно заваливали Никольский источник, а также колодец, прозванный в народе колодцем святой Магдалины [228].

На территории наиболее посещаемого источника у села Кошибеево Сасовского района (от 3 до 6 тысяч человек, на 9-ю после Пасхи пятницу) выстроили птицеферму, огородили высоким забором и выставили охрану. Деревянную часовню, поставленную вопреки запрету в 1954 г., снесли. Но при первой же грозе помещение птичника загорелось от удара молнии и сгорело дотла. Люди заговорили о каре Божией на местные власти и безбожников. Решено было завалить источник навозом и разным храмом и закопать, а кустарник вокруг него вырубить [229].

Окончательно уничтожить источник не удалось. Верующие писали жалобы в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР, начинали сбор денег для постройки молитвенного дома возле источника и еще долго посещали Кошибеевский родник с верой и надеждой на помощь и исцеление. В публикации «Заботы атеистов» в газете «Правда» 6 июля 1969 г. ликвидация Кошибеевского родника представлялась как серьезная победа атеистов Рязанской области. Спустя много лет, после того, как облегчение испытал кто-то из близких родственников начальника Сасовского летного училища В.Г. Наприенко, тот с помощью личного состава училища навел на роднике чистоту и порядок. Источник был обрамлен бетоном, из которого была выведена отводная труба, а на одном из валунов были написаны стихотворные строчки о пользе и целебности святой родниковой воды [230].

Поскольку хозяйственные постройки на месте источников по техническим причинам возвести было невозможно, а «административно-силовая» работа в большинстве случаев велась вяло и безынициативно, оставался единственный путь — длительная массово-политическая работа среди населения. Святую силу источников стали предавать всяческой хуле. Примером может служить опубликование статьи врача В. Бермана о святом источнике в Солотчинском районе. В ней делались попытки всячески оспорить его целительную силу и объявить целебный ключ «ямой с грязной стоячей водой» и «рассадником антисанитарии и заразных болезней». С осуждением суеверных людей, рискующих заразиться от употребления воды Солотчинского источника, выступил в своей книге кандидат химических наук из пединститута Н. Преображенский [231].

В школах читались лекции «О происхождении так называемых «святых источников». Так школьники из клуба юных атеистов Можарской средней школы Сараевского района выступили перед жителями села с рассказом о том, как образуются подземные источники [232]. Преподаватели педагогического и медицинского институтов выезжали в районы для организации вечеров вопросов и ответов с иллюстрацией опытов по химии, лекциями «О чудесах», «О святой воде», «Об обновлении икон» [233].

Интересна борьба властей соседней Тамбовской области с паломничеством к святым источникам и особенно к почитаемому в народе святым Мамонтовскому озеру, расположенному в Со-

сновском районе, который до войны входил в состав Рязанской области. Это святое озеро и святые источники «Дубовое» (на границе Первомайского района Тамбовской и Чаплыгинского района Липецкой области), «Три дуба» (в районе села Горелое Тамбовского района) долгое время служили местами религиозного общения ИПХ. Всего в Центрально-Черноземной полосе насчитывалось 80 святых источников, посещаемых «истинно-православными христианами». О размахе паломничества к святым источникам Тамбовской области свидетельствует информация Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС. В 1958 г. до 6000 тысяч человек приняли участие в массовом молебне у родника в селе Б. Ломовис Пичаевского района, до 4000 человек в день Святителя Николая посетили святой колодец около села Свищевское Кирсановского района [234].

К Мамонтовскому озеру стекались паломники из всех прилегающих областей. На Николин день (праздник святителя Николая чудотворца) 1958 г. у озера собралось до 4000 паломников. Особым почитанием среди паломников пользовался некий Ваня. Как сообщал секретарю обкома Г.Д. Лапчинскому уполномоченный, по причине праздничного паломничества к источнику на работу в трех близлежащих колхозах не вышли в общей сложности 2000 чел. Реакция властей была оперативной.

В июне 1958 г. состоялся пленум Тамбовского обкома КПСС, обсудивший вопрос «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в областной партийной организации», сразу после которого состоялось совещание секретарей райкомов партии, на котором секретарь обкома Лапчинский поставил задачу ликвидировать паломничество ко всем, выявленным властями святым источникам (см. Табл. 2). 9 января 1959 г. бюро обкома рассмотрело вопросы «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и о мерах по усилению пропаганды научно-естественных знаний среди населения», а также «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам». Райкомы партии поспешили выполнять распоряжения обкома КПСС. Для пресечения паломничества к озеру был определен штраф в 100 рублей за его посещение в дни православных праздников, организованы обращения и отклики в печати, введен медицинский карантин в местности. Дополнительно к этому в район отправлены сроком на 10 дней лекторские группы, передвижная выставка «Наука и религия» и автомобиль с телескопом.

Началось проектирование строительства фермы водоплавающей дичи. По причине большой площади водной глади, загородить доступ к воде сеткой-рабицей по всей окружности озера не получилось [235].

В целом к 1960 г. совместными усилиями партийных и советских органов, уполномоченных по делам религий, удалось практически прекратить паломничество к наиболее посещаемым источникам. Но как только давление со стороны центра ослабевало, и местные органы переставали обращать на паломников внимание, паломничество восстанавливалось, если не по числу участников, то хотя бы по частоте посещений в дни церковных праздников. Чудеса исцелений на святых источниках продолжали совершаться. Поэтому они вновь притягивали людей. Их закладывали плитами, засыпали мусором, но источник веры в сердцах людей убить не могли. Она, пробиваясь сквозь препятствия, находила свой путь наверх. Масштабная война, объявленная властью святым источникам, была проиграна.

Святые источники Рязанской области

п/н	*Наименование района*	*Название населенного пункта*	*Название источника*	*Дата паломничества (ст/нов)*
1.	Сасовский	с. Кошибеево	Параскевы Мученицы	9-я пятница после Пасхи
2.	Ряжский	с. Дегтяное	Пророка Илии	2 августа
3.	Рыбновский	с. Пощупово	Иоанна Богослова	21 мая
4.	Горловский	с. Затворное	Казанской Божией Матери	21 июля
5.	Сараевский	с. Сысои	Петра и Павла	12 июля
6.	Елатомский	с. Сабурово	Паника	7 июля, 29 августа
7.	Шиловский	с. Занины-Починки	Параскевы Пятницы	9-я пятница после Пасхи
8.	Спасский	с. Кирицы	Тихвинской Божией Матери	26 июня (9 июля)
9.	Сасовский	с. Верхнее Мальцево	Параскевы Пятницы	9-я пятница после Пасхи
10.	Солотчинский	с. Полково	Громовой	2 августа

Сост. по: ГАРО. — Ф. Р-5629. — Оп. 1. — Д. 52. — Л. 66—67; Д. 61. — Л. 94—95.

Святые источники Тамбовской области

п/н	*Наименование района*	*Название населенного пункта*	*Название источника*	*Дата паломничества*
1.	Пичаевский	Б. Ломовис	Тихоновский	29 мая (11 июня)
2.	Кирсановский	Свищевское	Никольский	22 мая
3.	Алгасовский	Рыбное	Св. Троицы	29 мая
4	Ракшинский	Александровка	Иоанна Предтечи	7июля
5.	Мордовский	Павловка	Св. Троицы	Троица
6.	Уметский	Оржевка	Вмц. Варвары	17 декабря
7.	Рассказовский	Неразлучное	Вмч. Георгия Победоносца	6 мая
8.	Бондарский	Вердеревщино	Тихвинской Божией Матери	26 июня (9 июля)
9.	Бондарский	Митрополье	Петра и Павла	29 июня (12 июля)
10.	Сосновский	Мамонтово	Никольский	22 мая
11.	Гавриловский	Липяги	Николая Чудотворца	22 мая и на Троицу
12.	Первомайский	Лычное	нет данных	Июнь
13.	Мордовский	Мордово	Св. Троицы	29 мая
14.	Жердевский	Вязовое	Св. Троицы	29 мая
15.	Никифоровский	Екатериновка	Св. Троицы	29 мая

Сост. по: ГАТО. — Ф. Р-5220. — Оп. 2. — Д. 42, Л. 225; Д. 41. — Л. 55—56.

§ 4. Ходатайства верующих об открытии храмов как средство борьбы за сохранение сельских приходов и очагов религиозности в провинции

Заявления, ходатайства, жалобы и протесты были основным, а порой и единственным средством взаимоотношений граждан с центральной и местной властью в сфере религиозной политики. Нередко они являлись единственным способом противодействия наступлению властей на конституционное право граждан на свободу совести.

Первые прецеденты ходатайств об открытии храмов относятся к середине 30-х гг., когда колхозы стали использовать сель-

ские храмы под засыпку зерна. Так, в мае 1937 г. церковный староста Богоявленского храма села Чурики Скопинского района Н.И. Козлова (недавно канонизированная как Святая мученица Наталия Скопинская) вместе с членом церковного Совета В.М. Абрамкиным отвезли в приемную М.И. Калинина ходатайство, подписанное 400 односельчанами, о возвращении изъятой половины храма верующим [236].

Массовая практика подачи ходатайств верующих об открытии храмов ведет отсчет с 1943 г. За 1944—47 гг. в Совет по делам РПЦ и его рязанскому представителю поступило 2490 ходатайств об открытии храмов, что составляло 12 % от общесоюзной цифры [237]. Рязанский уполномоченный по делам РПЦ за указанный период принял 10754 посетителя [238]. По числу поданных прошений об открытии храмов Рязанская область с 1944 г. до начала 50-х гг. занимала первое место в РСФСР [239]. В период до 1948 г. было открыто 57 церквей, общее количество которых составило 71 [240].

Просьбы об открытии храмов мотивировались необходимостью поминовения павших в годы войны. Потерявшие родных и близких искали утешения в церкви. И церковь по мере сил пыталась врачевать душевные раны.

Растущую тягу населения к вере отражает число ходатайств об открытии храмов, подаваемых в Совет по делам РПЦ и его региональным представителям. Их количество по РСФСР за период 1944 — 1947 гг. составило 19772 (95,6 % от СССР), в том числе по Рязанской области — 2490, Московской — 1819, Тамбовской — 615,. Владимирской — 506, Тульской — 455 и т.д.[241]. За этот же период рязанским уполномоченным было принято 10754 посетителей[242]. В секретном докладе об итогах работы Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР за 1946 год в ЦК ВКП(б), датированном 14 февраля 1947 г., указывалось, что «нет таких районов в Ивановской, Московской и Рязанской областях, из которых не поступали бы ходатайства верующих об открытии церквей, причем, по некоторым районам в отношении 10 и более церквей.

В Тамбовской области пик ходатайств (177) в облисполком приходится на 1945 г. и 3-й квартал 1946 г., когда сельское хозяйство столкнулось с жесточайшей засухой. Ходатайства об открытии храмов подавались параллельно с ходатайствами разрешить молебен о ниспослании дождя. В эти годы также были отмечены случаи махинаций вокруг ситуации с подачей ходатайств. В де-

ревнях появлялись люди, представляющиеся «уполномоченными», собирали с доверчивых селян деньги и исчезали [243].

Заявители столкнулись с инерцией мышления местных властей, пребывающих в плену догм времен деятельности «Союза воинствующих безбожников» и воспринимающих поворот в церковной политике Москвы, как временную уступку. Нередко центральным органам власти приходилось напрямую вмешиваться и отменять неправомерные отклонения ходатайств. Переписка верующими и Советом тянулась годами. Правительство при этом не стремилось форсировать процесс возобновления церковной жизни. Так, в 1948 г. утвержденное Советом Министров решение об открытии 28 новых храмов было отменено под предлогом того, что было подписано не председателем Совмина И.В. Сталиным, а его заместителем К.Е. Ворошиловым. В списке 28 храмов присутствовали два тамбовских: Троицкий в селе Вторая Иноковка Кирсановского района и Богоявленский в селеПахотный Угол Бондарского района за открытие которых верующие вели борьбу несколько лет. В результате подобной политики правительства из 3293 заявлений об открытии 390 церквей, поданных за период 1944—1950 гг., служба была разрешена только в 67. Более 80 % заявлений составляли повторные ходатайства [244].

К 1948 г. от верующих Рязанской области поступило 2906 заявлений об открытии церквей[245]. В последующие три года от верующих поступило еще 1347 письменных заявлений. В результате по числу поданных ходатайств Рязанская область в 1944—1950 гг. занимала первое место в РСФСР[246]. Совет по делам РПЦ, стремясь сдержать рост количества открываемых храмов, удовлетворял лишь незначительную часть обращений. Из 3293 заявлений верующих Рязанской области об открытии 390 церквей, служба была разрешена лишь в 67 [247]. Власть удовлетворяла лишь около 20 % ходатайств об открытии храмов, тем не менее, ходатаи, особенно, из Данковского, Ермишинского, Касимовского, Спасского районов повторяли их неоднократно [248]. В 1948 г. при наличии 1010 сохранившихся церковных зданий в Рязанской епархии богослужение было разрешено только в 85—87 храмах. В Тамбовской епархии из 380 церковных зданий 132 были заняты под зерно, 70 — под клубы. 28 — под разного рода мастерские [249].

В первые послевоенные годы вернуться к легальному богослужению пытались, прежде всего, незарегистрированные религиозные общества (66,4 % от их общего числа подали ходатайства)), поскольку к началу войны легальные структуры практически

не существовали [250]. Представители подпольных общин, задавая тон в составлении ходатайств об открытии храмов, изначально оказали влияние на практику подачи ходатайств: формировались решительные настроения и традиция стоицизма в отстаивании прошений, несмотря на периодические отказы. Усилия представителей церковного подполья были умножены энергией большой массы матерей и вдов, потерявших сыновей и мужей в годы войны и искавших утешения в церкви. В списке ходатаев и их инициативных групп можно было видеть несовершеннолетних детей. Этот факт свидетельствовал о положительном отношении крестьянского мира к факту подачи ходатайства.

Настойчивыми в поддерживании ходатайств были священники — бывшие фронтовики. Таким был Т.М. Хомутов, бывший учитель истории и фронтовик, добившийся в 1946 г. открытия Троицкой церкви в Туме Рязанской области [251].

Неоднократные настойчивые ходатайства верующих возобновить церковную жизнь в рязанских монастырских селах Пощупово (Свято-Иоанно-Богословский монастырь) и Солотча (монастырь Рождества Богородицы) шли во все ответственные инстанции, начиная с 1943 г. Казанская церковь поселка Солотча была занята частью под склад, в одном из приделов размещалась колхозная электростанция. Чтобы нейтрализовать ходатаев, властями по согласованию с уполномоченным было найдено необычное решение проблемы. К зданию церкви пристроили бревенчатое двухэтажное здание для местной школы. Строительным материалом послужили бревна от слома церкви в соседнем селе Заборье. Так в строительном проекте власть воссоединила церковь и школу, но ни одна из 2-х церквей верующим предоставлена не была [252].

Верующие села Пощупово Рыбновского района, начиная с 1943 г., пишут ходатайства в адрес СНК СССР в том числе председателя Совета Министров Г.М. Маленкова и Святейшего Патриарха Алексия I с просьбой открыть хотя бы часовню на территории бывшего монастыря, т.к. моления они вынуждены были совершать у святого источника. Ходатаи просили удовлетворить чувство веры в народе, поскольку, по их мнению, наблюдалось падение нравственности в народе. В случае волокиты верующие выражали готовность приехать в Москву в составе делегации. Особым аргументом в обращении выступала историко-архитектурная значимость строений древнего монастыря. Однако этот аргумент был с легкостью сметен уполномоченным ссылкой на отсутствие данного объекта в реестре памятников архитектуры [253].

Показательным является петиционная борьба верующих поселка Елатьма Елатомского района, которые в период с 1944 по 1953 гг. подали 20 ходатайств об открытии храма. К ходатайству прилагались 7 тетрадей с 1032 подписями. Летом у закрытой церкви собиралось до 1 тысячи человек народа для участия в молебне о скором дожде. Были даже собраны деньги в сумме 2 тысяч руб. для подношения уполномоченному по делам РПЦ в Рязани [254].

В 1949—1952 гг. наблюдалась стабилизация числа ходатайств об открытии храмов, что объясняется рядом причин. Во-первых, общины верующих столкнулись с материальными трудностями, связанными с ремонтом церквей. Во-вторых, ходатайства, рассматриваемые годами, становились делом хлопотным, требующим денег, поскольку ходатаи брали деньги, а результата добивались не сразу.

Заявители старались учитывать в тональности своих требований изменения политической конъюктуры в стране. В письмах граждан в Совет по делам РПЦ и местным уполномоченным, как правило, присутствовала констатация наступивших перемен [255].

Обращениям граждан об открытии церквей присущ открытый, порой наступательный характер. В прошении церковной общины села Березово в Президиум Верховного Совета СССР в оскорблении религиозных чувств «верующих — патриотов Родины, основывающих свой патриотический долг на учении Православной Церкви» обвинялся рязанский уполномоченный С. Ножкин, публично заявивший, что «лучше напустит в храм свиней». Антирелигиозность Ножкина объявлялась «нарушением общегосударственного законодательства». В июне 1956 г. канцелярия Ножкина получает анонимное письмо, подписанное издевательски «дед Мазай», в котором уполномоченный обвиняется в антиконституционных действиях, «возбуждающих в народе ропот против партии и Советского государства» [256].

Характер наступивших перемен побуждал заявителей к активной самоорганизации церковной жизни. В начальный период хрущевской «оттепели» в Рязанской области имел место случай самовольного, незарегистрированного открытия храма. В селе Курша Ветчанского сельсовета Тумского района в конце 40-х гг. сгорела деревянная церковь. Пожары были бичом для многих деревянных сельских храмов того времени. Прихожане написали ряд ходатайств К.Е. Ворошилову с просьбой дать разрешение по-

строить новую церковью Не дожидаясь положительного ответа из центра, члены «двадцатки» на основании разрешения Тумского райисполкома в 1957 г. построили в селе Сергиевка, расположенном неподалеку от села Курши, молитвенный дом вместимостью до 200 человек. В епархии этот молитвенный дом стали официально именовать «Култуковской церковью» (по названию самого крупного из населенных пунктов округи). Один из псаломщиков стал отправлять регулярную службу. Церковный исполнительный орган осуществлял регулярные налоговые и страховые взносы в райфинотдел. Лишь начало периода хрущевских гонений на Церковь побудило власти к решительным действиям. В ночь на 9 октября 1958 г. незарегистрированная церковь была с помощью тракторов растащена на бревна [257].

История с Ветчанской церковью интересна в том плане, что бастион сопротивления антирелигиозной политике власти формировался в данной местности на протяжении десятилетий. Весной 1922 г., как явствует из Отчета Рязанского губисполкома в особую комиссию КССХ при ВЦИК СССР о кампании по изъятию церковных ценностей от 16 марта 1925 г., в селах Малаховском и Бусаевском Ветчанской волости верующие наотрез отказали уполномоченному лицу изъять ценности из храмов[2 58]. Открытый протест против антицерковных действий власти проявился и в годы коллективизации. В феврале 1930 г. после ареста бригадой по раскулачиванию священника во время церковной службы, в селе Ветчаны была организована демонстрация верующих в количестве 100 человек [259].

В 1958—1959 гг. верующие Ветчанского сельсовета пишут жалобы в адрес Н.С. Хрущева и Генерального прокурора СССР, в которых обвиняют в происшедшем местную власть: председателя райисполкома, начальника районной милиции, прокурора и директора МТС, которые, подпоив исполнителей, разрушили церковь и нанесли религиозному обществу ущерб на общую сумму 4,5 тыс. рублей [260]. Совет по делам РПЦ поручил Рязанскому уполномоченному самому выходить из сложившейся ситуации. Выход был найден в стандартной отписке. В ответе заявителям от 3 ноября 1958 г., подписанном секретарем исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся, говорилось, что незаконно построенный дом был разобран по решению районных органов, т.к. был сложен из гнилых бревен, а потому помещение

находилось в аварийном состоянии, грозило обвалом и не годилось для молитвенных целей [261].

Кампания по закрытию храмов стартовала не во всех регионах. Например, в 1959—1960 гг., когда по стране шло активное закрытие храмов, в Ивановской епархии церкви оставались действующими. В 1962—1864 гг. были закрыты 5 храмов. В период 1960—1964 гг. во Владимирской области были закрыты 12 храмов, в Тамбовской — 5 [262].

На протяжении длительного периода послевоенной истории при написании ходатайств верующие использовали возможность акцентировать тему войны и антивоенной политики СССР. В качестве движущего мотива для открытия храмовой жизни практически во всех письмах присутствовало обращение к теме необходимости поминания павших в годы Великой Отечественной войны родных и близких, что, по мнению просителей, помогает облегчить боль о потерях и излить горечь утрат. В условиях развернувшейся «холодной войны» делались попытки дать критику милитаристской позиции стран Запада и подчеркнуть необходимость использования Церкви в антивоенной деятельности. Вот что написали верующие села Строевское Путятинского района Рязанской области в своей просьбе об открытии церкви: «Ватикан поддерживает поджигателей войны. Нам же нужно молиться за мир во всем мире» [263].

С началом активизации контактов государства с международной антивоенной общественностью, проведением VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, верующие в своих ходатайствах еще задолго до инициативы церковных диссидентов 60-х гг. стали прозрачно намекать на возможность донесения до Запада всей полноты информации о бедственном положении церкви в СССР. Так, Е. Бобырева, медсестра из районной больницы города Ряжска Рязанской области, собравшая под ходатайством об открытии Успенского собора 1150 подписей, предупредила уполномоченного, что постарается встретиться с иностранными делегациями, чтобы рассказать им о положении со свободой совести. Усилия верующих увенчались успехом. Религиозное общество получило разрешение на реставрацию собора. Был привезен иконостас из села Прудки Клепиковского района. А уже в 70-е гг. удалось восстановить колокольню [264].

Жесткие ограничения на открытие церквей верующие безуспешно пытались преодолеть жалобами на тесноту, давку, от-

сутствие противопожарной безопасности. Поскольку возможности для реализации ходатайств нередко ограничивались ветхим, аварийным состоянием церквей, верующие порой ссылались на значимость здания храма как памятника архитектуры. В качестве дополнительного довода в пользу права православных христиан на осуществление храмовой жизни приводились факты функционирования молитвенных домов представителей других конфессий. Для того, чтобы подчеркнуть факт конституционных оснований обращения с ходатайством в органы власти делалась попытка показать преимущество религиозной политики советского государства по сравнению с ситуацией в странах Запада. «Разве мы в Америке, как в газетах пишут, что негритянские церкви взрывают, и их (негров) убивают»- писали верующие села Малинки Михайловского района, жалуясь на угрозы председателя сельсовета снести храм [265].

Закрытие храма верующие ни в коем случае не связывали с распадом общины. Невыигрышный в глазах властей факт распада «двадцатки» пытались восполнить сбором большого количества подписей под ходатайством. Подобная демонстрация многочисленности церковной общины представлялась важным аргументом. Она служила дополнительной возможностью подчеркнуть материальный ресурс церковной общины. Практиковалась массовая заброска писем во все инстанции, причастные к решению или действиям по закрытию церкви. Для большей убедительности просители заявляли о решимости прибыть в Москву лично в составе делегации.

Письмам пожилых людей, как правило, женщин был присущ эмоциональный характер, далекий от официального языка и регламентированного порядка изложения существа дела. Местная партийно-советская власть обвинялась в игнорировании общегосударственного государства, возбуждении общественного недовольства.

Выражая недовольство незаконными действиями местной власти, верующие нередко убаюкивали центральную власть заверениями, что религия сама скоро отомрет вместе с ними, а потому, дескать, форсировать наступление на верующих не надо. Можно рассматривать это как попытку уйти от конфликта.

Показательно, что в ряде случаев авторы ходатайств полагали необходимым доказать свою политическую лояльность политической системе. Для этого описывались нелегкий жизненный

путь, акцентировался социальный статус, подчеркивалась безупречная трудовая биография, большой трудовой стаж работы в колхозе.

Поскольку возможности для реализации инициативы нередко ограничивались ветхим, аварийным состоянием церквей, верующие порой ссылались на значимость здания храма как памятника архитектуры. В качестве убедительного довода ограничения прав православных христиан на реализацию храмовой жизни в некоторых письмах приводились примеры функционирующих молитвенных домов баптистов.

В качестве основной причины обращения верующие указывали потребность в посещении литургии, в предсмертном покаянии и принятии церковных таинств. Особо акцентировался мотив поминания погибших в годы Великой Отечественной войны, что, по мнению просителей, помогает забыть боль и излить горечь об утратах. Характерны ссылки на отсутствие близлежащих храмов. Поэтому трата времени на поездку в отдаленную церковь в ущерб общественно-полезному труду также выступала доводом в пользу просителей. Указанный в рассматриваемом письме аргумент многочисленности церковной общины тоже был немаловажным. Закрытие храма верующие ни в коем случае не связывают с распадом общины.

В написании ходатайств и продвижении их по инстанциям активную роль играли односельчане, проживающие основную часть года в Москве, но регулярно навещающие родные места летом. В 1956 г. ходатайства верующих села Желудево Шиловского района в адрес Совета по делам РПЦ писались односельчанкой, работающей уборщицей в Кремле [266]. В 1953 г. студент Московского юридического института Н.И. Богданов направляет в редакцию газеты «Известия» жалобу на незаконную разборку церкви села Белое Кадомского района для того, чтобы использовать полученный в результате слома строительный материал для строительства клуба [267].

Православные общины сел Ижеславль и Печерниковские Выселки Михайловского района имели опыт отстаивания своих интересов через юриста Б. Якунина [268]. В его переписке с Советом по делам РПЦ и уполномоченным рассматривались политико-правовые акценты свободы совести, ссылки на конституционные права граждан, которые трактовались конкретно и квалифицированно.

История конфликта верующих села Печерниковские Выселки и местной власти следующая. В 1959 г. приход церкви имел доход 86 тыс. руб. [269], тем не менее, уполномоченный отнес его к группе «затухающих» и поставил перед центром вопрос об отмене регистрации местного религиозного общества. В результате стал назревать мощный протест верующих, во главе которого стояли церковный староста В.Н. Тюркин и его помощник Н.Д. Полякова [270]. 14 марта 1960 г. Совет по делам РПЦ отклонил с рассмотрения вопрос об отмене регистрации религиозного общества в этом селе, не найдя оснований к отмене [271]. Под предлогом того, что богослужения не проводилось, в 1961 г. облисполком решил присоединить церковь села Печерниковские Выселки к церкви к соседнему селу Прудская Слобода [272].

Необходимо отметить, что подача прошений в годы хрущевского наступления на Церковь требовала от заявителей настойчивости и мужества. Необходимо было компенсировать все материальные путевые затраты ходатаев, чья деятельность растягивалась на многие годы. Инициаторов ходатайств подвергали всяческому административному прессу и политическому давлению. В 1959 г. в приемную рязанского уполномоченного поступает всего 16 ходатайств об открытии храмов, тогда как ранее поступало от 50 до 150 заявлений с подобной просьбой. 1954 и 1957 годы были пиковыми в деле подачи массовых ходатайств. Очевидна привязка к рубежным годам (1953, 1956 гг.) десталинизации советского общества (см. табл. 1, 2). В последующем, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» решения о закрытии храмов и снятии с регистрации религиозных объединений впредь должны были приниматься не на центральном, а на местном уровне и только по согласованию с Москвой.

В ряде случаев ходатаи оказывали психологическое давление на уполномоченного, пытаясь, как говориться, «взять его измором». В подобной ситуации нередки были срывы уполномоченных, грубое отношение к ходокам. Те в ответ, не откладывая времени, спешили обжаловать грубость уполномоченного в Москве. Однажды канцелярию уполномоченного С. Ножкина посетила делегация верующих из сел Молвина Слобода и Затишье Кораблинского района во главе с церковным старостой В. Вахниной. Столкнувшись с неприветливым приемом, ходоки обжаловали действия уполномоченного в Москве [273].

Уполномоченные тщательно проверяли каждое ходатайство с тем, чтобы выяснить его причину и инициаторов. Если с ходатайством обращались лица, «корыстно заинтересованные» (при желании таковых отыскать было нетрудно), таковым объяснялось, что ходатайство не будет поставлено на рассмотрение, а о поведении «заинтересованных лиц» будет поставлена в известность общественность. Если выяснялось, что к подаче ходатайств «подстрекают» священники, то их вначале предупреждали о незаконности действий, а в случае появления повторного ходатайства снимали с регистрации. Допускалась ситуация подачи ходатайств от значительных групп верующих. В этой ситуации уполномоченный должен был срочно информировать местные власти о принятии мер по усилению массово-политической и культурно-просветительской работы среди населения, с тем, чтобы нейтрализовать резонанс вокруг ходатайств и добиться прекращения их подачи.

Типичными вариантами отклонений ходатайств о возобновлении регистрации храмов были: подача ходатайств лицами, ранее репрессированными Советской властью, распад религиозного общества и его исполнительного органа, аварийное состояние церкви, отсутствие потенциальных средств у религиозной общины на ее капитальный ремонт, близость храма в соседнем селе. В отношении тех населенных пунктов и районов, откуда поступали настойчивые ходатайства об открытии храмов, активизировалась пропагандистская атеистическая работа с привлечением лекторов из областного центра, расширялась подготовка собственных лекторских кадров.

Для противодействия религиозной обрядовости, вытеснения ее новыми советскими обрядами и контролю за законодательством о культах государство активно использовало местные Советы депутатов трудящихся. Они поддерживали тесную связь с партийными организациями и педколлективами школ. Одним из направлений их работы была нейтрализация жалоб, попытки разваливать «двадцатки». Действуя в контакте с уполномоченным, местные Советы брали под свой контроль проведение выборов в исполнительные органы религиозных общин. В сельской местности приходская община не выдерживала налогового пресса, и тогда «двадцатка», сформированная властями, объявляла о самороспуске. Подконтрольные «двадцатки» не могли защитить храмы от закрытия, а приходы от самороспуска. Подобная тактика

была применена к религиозному обществу в селе Пушкари Михайловского района, члены которого отправили в общей сложности 50 жалоб в Рязань и Москву на действия местной власти, которая пыталась передать задние церкви совхозу «Михайловский» под детский сад и ясли, подчеркивая при этом социальную значимость проекта [274].

В ряде сельских приходов в среде верующих сформировались опыт и традиция отстаивания конституционного права на свободу совести через письменные обращения и ходатайства. На этом пути встречались различные трудности и опасности. Однако верующие, спаянные приходской солидарностью, не только уповали на то, чтобы, согласно бердяевской характеристике православной ментальности, «укрыться в складках одежды Богородицы» [275]. Они шли навстречу возможному риску преследования со стороны власти за открытое исповедание веры.

В 1957 г. в Тамбовской области широкий резонанс получил факт самоотверженной защиты храма в селе Новоархангельское Первомайского района от разрушения. На протяжении 15 лет верующие ходатайствовали об открытии закрытого в 1935 г. храма. Они и ночевали в нем и дежурили вокруг храма, спасая его от разборки. Стройматериал местная власть планировала использовать под объекты соцкультбыта. Верующие выражали готовность отремонтировать церковь своими силами. Уполномоченный обратился в облисполком об отмене решения о сносе здания. Однако власть решила действовать силовым путем. Вопрос обсуждало бюро обкома 7 декабря 1957 г., которое решило оставить прежнее решение облисполкома о сломе церкви в силе. Два активиста из числа верующих за сопротивление органам власти были приговорены районным судом к лишению свободы сроком на 2—3 года [276]. К данной ситуации применимо следующее суждение известного русского религиозного философа И.А. Ильина: «Взявший меч» должен заранее примириться с тем, что он «мечом и погибнет», но отказаться от меча духовно не может» [277]. Верующие соизмеряли свои действия с евангельской истиной: «Претерпевший же до конца спасется» (Мтф. 10, 22).

Исследование заявлений и ходатайств от верующих об открытии храмов позволяет говорить о том, что, благодаря петициям в первый послевоенный период, вплоть до старта хрущевской антицерковной кампании в 1958 году, значительно расширилась епархиальная структура и потенциал Русской Православной

Церкви. В период хрущевского наступления на Церковь такая народная форма защиты церковных приходов как письменные жалобы и протесты приобретала в глазах власти характер открытого противоборства с политическим режимом и, поэтому, особо ограничивалась. Партийные начальники готовы были допустить, что реальная жизнь абсолютно подконтрольна их приказам и решениям, что политическое пространство их произвольных действий чуть ли не совпадает со стихией повседневной жизни народа, готового смириться со всем, что навязывает ему власть. Христианское смирение церковных иерархов, порой демонстрирующих готовность пожертвовать многим ради компромисса с властью, только вдохновляла власть на новые антицерковные акции. Наступление на права верующих тормозилось стихийной подачей ходатайств и жалоб. Верующим через непрерывную подачу заявлений удавалось, по возможности, смягчать удары по церковной организации, сдерживать негативные тенденции сокращения приходов и доходов Церкви. Поскольку с помощью ходатайств верующие нередко стремились просто отстоять церкви от закрытия или разрушения, петиционные демарши были сдерживающим фактором на пути массового закрытия церквей и помогали Церкви сохранять очаги религиозности в провинциальных приходах.

Таблица 1

Динамика подачи ходатайств верующими Рязанской области

Год	*Число ходатайств*
1944—1950	3293
1956	34
1957	76
1959	16
1960	16
1961	7
1962	0
1963	10
1965	19
1967	20
1968	25

Сост. по: ГАРО. — Ф. Р-5629. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 151—155; Д. 88. — Л. 31; Д. 86. — Л. 128.

Таблица 2

Динамика подачи ходатайств верующими Тамбовской области

Год	*Число ходатайств*
1943	45
1944	97
1945	177
1946	117
1947	102
1948	93
1949	36
1950	—
1951	28
1952	26
1953	39
1954	50
1955	31
1956	26
1957	50
1958	38
1959	8
1960	15

Сост. по: ГАТО. — Ф. Р-5220. — Оп. 2. — Д. 26. — Л. 120—122; Д. 42. — Л. 132, 229; Д. 235. — Л. 55.

Примечания

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 89. Оп. 4. Д. 32. Л. 34.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-26.

[3] *Одинцов, М.И.* Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.). — М.: РОИР, 2005. — С. 16.

[4] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 80. Л. 32.

[5] ГАРФ. Р-5263. Оп.1. Д.32. Л.1-11, 12, 16, 17, 26.

[6] *Шкаровский, М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 гг.). — М., Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. — С. 93.

[7] Аргументы и факты (Рязанский выпуск). — 2001. — № 22 (1075).

[8] Рязанский вестник. — 1991. — 7 янв.; Рязанская Катынь // Вечерняя Рязань. — 1993. — 1 июня.

[9] *Аграмаков, Н.* Тайны губернской Рязани. — Рязань, 2002. — С. 130.

[10] Новомученик Иувеналий, епископ Рязанский и другие новомученики (Св. Русь Рязанская) // Русский паломник (журнал Валаамского общества Америки). — 1998. — № 17. — С. 48—49; Были верны до смерти. Книга новомучеников и исповедников Рязанских XX в. — Рязань, 2002. — Т. 1. — С. 62—63, 117—118; *Иоаким* (Заякин), иеродиакон. Священномученик Иувеналий, архиепископ Рязанский и Шацкий // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 8. — С. 71.

[11] Житие Святителя Афанасия, епископа Ковровского, исповедника и песнописца. (1887—1962). — Владимир, 2002. — С. 1—48; *Епископ Афанасий* (Сахаров). — Александров, 1998. — С. 1—12; *Апушкина, Е.В.* Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова) // Вестник РХД. — Париж — Нью-Йорк — М., 1983. — № 107. — С. 170—211; *Цыпин, В.* (протоиерей) История Русской церкви 1917—1997. — М., 1997. — С. 728; Прославленные святые. Святители, новомученики, преподобномученики. — Воронеж, 2003. — Кн. 1. — С. 234—235.

[12] *Вагнер, Г.К.* путь к свободе // Рязанский комсомолец. — 1990. — 4 августа. — С. 5.

[13] ГАРО. Ф.Р-6.Оп.1. Д.487. Л.24; *Аграмаков, Н.* Указ.соч. — С. 133.

[14] Святые и праведники земли Рязанской / авт.-сост. Веселкина Т. — Рязань, 2000. — С. 8—9.

[15] Там же. — С. 194.

[16] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.52. Л.30; Д.82. Л.15; *Одинцов, М.И.* Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М.: РОИР, 2005. — С. 15; Антирелигиозник. — 1935. — № 6. — С. 2.

[17] Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. — М., Институт Истории СССР АН СССР, 1991. — С. 106—107; *Ваганов, А.* Перепись населения — всенародное дело. — М., 1937; Большевик. — 1936. — № 21.

[18] История ВКП (б). Краткий курс. — Госполитиздат, 1952. — С. 336; ГАРО. Ф.3. Оп.1. Д.117. Л.24; Очерки истории Рязанской организации КПСС. — Московский рабочий, 1974. — С. 297.

[19] Там же.

[20] ГАРО. Ф.3. Оп.1. Д.101. Л.101-107.

[21] Там же. Л.108.

[22] ГАРО. Ф.Р-5496. Оп.1. Д. 2 (листы без нумерации).

[23] Были верны до смерти… — С. 312, 320, 325, 383.

[24] Рязанской области 60 лет. Юбилейный сборник. — Рязань, 1997. — С. 11.

[25] ГАРО. Ф. Р-5496. Оп.1. Д.2 (листы без нумерации).

[26] РГАСПИ. Ф. 89. Оп.4. Д.80. Л.6; Церковь в чемодане // Безбожник. — 1939. — 21 апреля; *Фоминов, Н.* Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // Большевик. — 1937. — № 20. — С. 43; *Ефимов, П.* Выборы в Советы и разоблачение церковников // Антирелигиозник. — 1938. — № 5. — С. 15—16;

[27] *Гераськин, Ю.В.* Государство и Церковь (из истории государственно-церковных отношений в Рязанском крае в XX веке). — Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2003. — С. 39; *Холодковский, В.* Владыки Рязанские // Безбожник. — 1940. — № 7—8. — С. 20—21.

[28] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 80. Л. 35; Антирелигиозник. — 1930. — № 4. — С. 3.

[29] ГАРО. Ф.Р-5496. Оп.1. Д.5. Л. 7.

[30] *Олещук, Ф.* Коммунизм и религия // Большевик. — 1940. — № 8. — С. 39—40.

[31] РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.80. Л.36.

[32] *Шкаровский, М.В.* Указ. соч. — С. 118.

[33] *Карпов, В.* Генералиссимус. — М.: Вече, 2000. — Кн. 1. — С. 85.

[34] *Трубин, С.* (протоиерей) Высокопреосвященнейший Алексий (Сергеев), архиепископ Рязанский и Шацкий // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 6. — С. 47—50.

[35] *Киреев, А.* (протодиакон) Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943—2005 годы. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. — С. 284; *Трубин, С.* (протоирей). Высокопреосвященнейший Димитрий (Градусов), архиепископ Рязанский и Касимовский (в схиме Лазарь) // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 4. — С. 48—56.

[36] РГАСПИ.Ф.17. Оп.125. Д.593. Л.38.

[37] Авдонин, В.С., Акульшин П.В., Гераськин Ю.В.и др. Указ. соч. — С. 278—285.

[38] *Егорова, О.А.* Из истории Тумской Троицкой церкви // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — Рязань, 2005. — Т. 8. — С. 219.

[39] *Зин, Н.В.* Участие Русской православной церкви Владимирского края в поддержке фронта в годы Великой Отечественной войны // Научной наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном историческом процессе. Мат. Всерос. науч. конф. 17—19 ноября 2005 г. — Рязань, 2006. — С. 237—239; Государственный архив Владимирской области (ГАВО).

Ф.632. Оп. 2. Д.15. Л.8, 8об., 9; *Левин, О.Ю.* Кирсанов Православный / О.Ю. Левин, Р.Ю. Просветов, А.Н. Аленов. Рукопись 2-го изд., доп., испр. и перераб. — Кирсанов, 2002—2005. — Ч. 2. — С. 21.

[40] *Верт, А.* Россия в войне 1941—1945. — Смоленск: Русич, 2003. — С. 420—421.

[41] Благовест. — 1996. — 7 июля.

[42] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.3. Д.1. Л.40; *Шкаровский, М.В.* Указ. соч. — С. 133.

[43] *Поспеловский, Д.В.* Русская Православная Церковь в XX в. — М., 1995. — С. 182.

[44] История Вламисркого края. Учебное пособие для школ / Под ред. Д.И. Копылова. — Владимир: Дюна, 2004. — С. 355; Журнал Московской Патриархии. — 1944. — № 12. — С. 11.

[45] ГАРО. Ф. Р-3789. Оп.2. Д.11. Л.141.

[46] *Чеботарев, С.А.* Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. — Тамбов, 2004. — С. 70.

[47] Диспут. — 1992. — № 3. — С. 155—157.

[48] *Шкаровский, М.В.* Указ. соч. — С. 207.

[49] ГАРФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.3. Л.217; РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.313. Л.156; Исторический журнал. — 1995. — № 4. — С. 119.

[50] Там же. Д.1. Л.1-2.

[51] Там же. Оп.2. Д.1. Л.25-29; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.1. Л.3.

[52] ГАРО. Ф.Р-3789. Оп.2. Д.111. Л.141; Ф. Р-5629. Оп.1. Д.1. Л.35.

[53] *Васильев, О.* Тайная вечеря / О. Васильев, П. Кнышевский // Литературная Россия. — 1991. — 27 сент.; *Вылцэн, М.А.* Приказ и производство: способы мобилизации деревни в годы войны // Отечественная история. — 1916. — № 3. — С. 77.

[54] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.2. Л.18, 38, 108, 110-120, 145.

[55] Там же. Д.82. Л.15.

[56] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.29. Л.7-7об; *Проценко П.* Миф об истинной церкви // Вестник русского христианского движения. V—VI—1998. — № 179. — С. 141—142; *Солженицын, А.И.* Публицистика: в 3 т. — Ярославль, 1995. — Т. 1. — С. 203.

[57] *Митрофанов, Г.* (протоиерей) Церковь в войне 1941—1945 // Церковный вестник. — М., 2005. — № 8 (309); *Шкаровский, М.В.* Указ.соч. — С. 250.

[58] *Цыпин, В.* Указ. соч. — С. 330.

[59] Осмыслить культ Сталина. Сб.ст. — М., 1989. — С. 421.

[60] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1.Д.12. Л.181; Д.11. Л.81; Журнал Московской Патриархии. — 1949. — № 12. Приложение.

[61] *Зубкова, Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. — М., 2000. — 230 с.

[62] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.12. Л.44; Д.19. Л.44.

[63] Там же. Д.24. Л.8.

[64] *Чеботарев, С.А.* Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. — Тамбов, 2004. — С. 140.

[65] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.52. Л.30; Д.82. Л.12; РГАСПИ. Ф.17.Оп.117. Д.946. Л.85

[66] Святые и праведники земли Рязанской: авт.-сост. Т. Веселкина. — Рязань, 2000. — С. 221; *Серафим* (Питерский). Борисо-Глебский кафедральный Собор Рязани / Серафим (Питерский), Т.М. Панкова. — Рязань: Зерна, 2001. — С. 55.

[67] *Шкаровский, М.В.* Указ. соч. — С. 329; РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.7.Л.2.

[68] *Харламов, П.* Успенский кафедральный собор во Владимире // ЖМП. — 1956. — № 4. — С. 13—16; *Минин, С.* Сердце земли Владимирской. К истории передачи Церкви Свято-Успенского кафедрального собора / С. Минин, А. Сидоров // Свет невечерний. — 2002. — № 3. — С. 52; ГАВО. Ф. 389. Оп. 1. Д.817. Л.8,5.

[69] ГАТО. Ф. Р-5220.Оп.1.Д 117. Л.2-3,14; Липецкая энциклопедия / Ред.-сост. Б.М. Шальнев, В.В. Шахов (П-Я). — Липецк, 1999. — Т. 3. — С. 459.

[70] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.29. Л.7-7об.

[71] *Шкаровский, М.* Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). — М., 2002. — С. 498; *Цыпин, В.* (протоиерей). История Русской церкви 1917—1997. — М., 1997. — С.337.

[72] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.317. Л.38.

[73] Там же. Д.1043. Л.3.

[74] Там же. Д.17. Л.38.

[75] В ред. колл. «Правды». Сводка писем по вопросам антирелигиозной пропаганды // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.5. Оп.30. Д.53. Л.177.

[76] *Киреев, Л.* Указ. соч. — С. 296; Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 3. — С. 46—51.

[77] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.11. Л.32.

[78] *Киреев, Л.* Указ. соч. — С. 391—392; *Мануил* (Лемешевский В.В) (митрополит). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). — Эрланген, 1979—1989. — Т. 6. — С. 429—430.

[79] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.18. Л.132-133; Журнал Московской Патриархии. — 1958. — № 5. — С. 23.

[80] Святитель Василий епископ Рязанский чудотворец. Житие и акафист. — Рязань, 2006. — С. 28—29.

[81] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.57. Л.6-7, Л.121; ГАТО. Ф.Р-5220. Оп.2.Д.21. Л.16; ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.16. Л.147.

[82] Там же. Л.93-120, 135-149; ГАТО. Ф. Р-5220.Оп.2. Д.109. Л.50, 98-99; Д.16. Л.39-40.

[83] *Ювеналий* (митрополит Крутицкий и Коломенский). Человек Церкви. — Издание Московской Патриархии, 1998. — С. 11; *Минин, С.* Указ.соч. — С. 85.

[84] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.497 .Л.192.

[85] Там же. Оп.125. Д.593. Л.38; Оп.132. Д.497. Л.193.

[86] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.148. Л.46-48; РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.497. Л.19.

[87] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.497. Л.80.

[88] Там же. Ф.17. Оп.125. Д.593. Л.39-45, 48-49, 63-64.

[89] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.504. Л.141.

[90] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.24. Л.199.

[91] ГАРО.Ф. Р-5629. Оп.1.Д.5. Л.50; Феодотьевская икона Божией Матери (Одигитрия Рязанская). — Рязань, 2006. — С. 31.

[92] *Кузьмин, Б.* Забытый участок идеологической работы // Сталинское знамя. — 1954. — 13 августа. — № 159 (10534).

[93] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2.Д.13..28;и Д.16. Л.182; Д.31. Л.43; Д.26.Л.35; Д.45. Л.60-61; Оп. 1. Д.229. Л.38-41.

[94] РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.593. Л.42; *Соловьева, Л.* Дикий случай // Сталинское знамя. — 1954. — 22 сент. (№188910563).

[95] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.1. Д.184.Л.8; *Маят, Е.В.* «Братья и «сестры» во Христе / Е.В. Маят, И.Н. Узков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Советская Россия, 1963. — С. 102—110.

[96] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.596.Л.37; Оп.125. Д.497. Л.203; Д.593. Л.10.

[97] Там же. Оп.132. Д.497. Л.194, 202-206.

[98] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.781. Л.9-10.

[99] Там же. Д.1027. Л.59.

[100] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.55. Л.240.

[101] Там же. Оп.1. Д.22. Л.42

[102] Там же. Ф.5294. Оп.2. Д.144. Кор.6. Т.2. Л.1-20; Д.117. Л.36-37.

[103] Там же. Д.28. Л.54-55.

[104] ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.2. Л.11.

[105] Там же. Оп.132. Д.65. Л.56.

[106] РГАСПИ. Ф.17.Оп.1. Д.130. Л.594; Оп.132. Д.569. Л.199.

[107] Там же. Д.42. Л.45-47, 13.

[108] Там же. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2, Д.16. Л.10, 125.

[109] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1941—1954. — М.: Политиздат, 1971. — Т. 6. — С. 121—123.

[110] *Рар, Г.* (Ветров А.) Плененная Церковь. — Франкфурт-на-Майне, 1954. — С. 103.

[111] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917—1941. Документы и материалы. — М., 1996. — С. 250—261.

[112] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.11. Л.86.

[113] Там же. Ф.3.кор.143. Д.1121. Л.35.

[114] Там же. Л.184-185.

[115] Там же. Л.66.

[116] Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 10. — С. 70; 2003. — № 8. — С. 79—80.

[117] Там же. — № 10. — С. 71—72.

[118] Сестры: очерк жизни сестер-подвижниц Анисии, Матроны и Агафьи, подвизавшихся и почивших в с. Ялтуново Шацкого района Рязанской епархии. — М., 2000; *Веселкина, Т.* Указ. соч. — С. 241—245; *Кузнецов, И.* Сапожковский край: время, события, люди. — Рязань: Русское слово, 2003. — С. 497.

[119] *Минин, С.* Указ. соч. — С. 85.

[120] Журнал Московской Патриархии. — 1948. Спец.номер. — С. 26—27.

[121] *Цыпин, В.*История Русской Православной Церкви. 1917—1997. — М., 1997. — С. 358.

[122] РГАНИ.Ф.5. Оп.16. Д.669. Л.8-9.

[123] Диспут. — 1992. — № 3. — С. 155—157.

[124] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.18. Л.92.

[125] *Чумаченко, Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг. — М., 1999. — С. 34.

[126] *Катунин, Ю.А.* Русская Православная Церковь в первые послевоенные годы (1945—1949 гг.). — Автореф. дис. …. докт. ист. наук. — Симферополь, 2003. — С. 7.

[127] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.2. Л.145.

[128] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д. 109. Л.48.

[129] *Шкаровский, М.В.* Указ. соч. — М., 1999. — С. 344—345, 347.

[130] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.11. Л.181; ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2.Д.13.Л.75; Д.16. Л.6.

[131] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.110. Л.27;

[132] *Шкаровский, М.В.* РПЦ и советское государство в 1943—1964 годах. От «перемирия» к новой войне. — СПб., 1995. — С. 139—140.

[133] *Рябов, И.* Саратовская купель // Правда. — 1949. — 19 февр.

[134] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.110. Л.54-55..

[135] КПСС в резолюциях и решениях. — Т. 6. — С. 281—286.

[136] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.11. Л.15.

[137] *Цыпин В.* (протоиерей). История РПЦ. Синодальный и новейший период 1700—2005. — 2-е изд. пер. — М.: Сретенского монастыря и МДА, 2006. — С. 505—506.

[138] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.11. Л.25

[139] Там же. Д.31. Л.28.

[140] Там же. Д.18. Л.92.

[141] Там же. Д.51. Л.9-10; *Гераськин, Ю.В.* Указ. соч. — С. 36.

[142] Там же. Д.18. Л.39.

[143] Там же. Д.24. Л.124.

[144] Там же. Д.47. Л.65-67.

[145] Там же. Д.51. Л.60.

[146] Там же. Д.51. Л.9-10; Д.47. Л.65-67.

[147] Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р.-5220. Оп.4. Д.303. Л.19.

[148] ГАРО. Ф.Р-3251. Оп.33. Д.115. Л.107.

[149] Там же. Ф.3. Оп.12. Д.249. Кор.643. Л.1-13; ААТО. Ф.3443. Оп.1. Д.379. Л.2,4.

[150] *Киреев, Л.* Указ. соч. — С. 346—347; *Трубин, С.* (протоиерей). Высокопреосвященный Николай (Чуфаровский), архиепископ Рязанский и Касимовский // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 1. — С. 50—54.

[151] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.71. Л.13;

[152] Там же. Д.48. Л.121.

[153] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. д.11. Л.22 об; *Киреев, Л.* Указ. соч. — С. 304.

[154] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.26. Л.34-35; Д.28. Л.1.

[155] Там же. Д.40. Л.51.

[156] Там же. Д.44. Л.139.

[157] Там же. Ф.Р-2997. Оп.1. Д.1. Л.298; Народное хозяйство Рязанской области. Статистический сборник. — М.: Госстатиздат, 1958. — С. 90.

[158] РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.10. Л.2-4.

[159] ГАРО. Ф.Р-3251. Оп.33. Д.115. Л.111.

[160] Там же. Д.108. Л.115.

[161] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.111 .Л.104; ГАРО.Ф. Р-5629. Оп.1. Д.57. Л.100.

[162] Известия. — 1953. — 10 марта; Журнал Московской Патриархии. — 1953. — № 3. — С. 9—10.

[163] ГАРО. Ф. Р-3251. Оп.33. Д.115. Л.117.

[164] Там же. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.26. Л.34-35.

[165] Там же. Д.31. Л.30-31.

[166] ЦДНИТО. Ф.1045. Оп.1. Д.9510. Л.12-14.

[167] ГАРО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.31, Л.5, 65.

[168] ГАРО. Ф. Р-5220. Оп.1. Д.26. Л.24.

[169] Там же. Д.60. Л.2—3.

[170] КПСС в резолюциях... — Т. 6. — С. 502—507.

[171] Забытый участок идеологической работы // Сталинское знамя: Орган Рязанского обкома КПСС. — 13 авг. 1954 г. — № 159 (10534); ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп.1. Д.11294. Л.10-12.

[172] ГАРО. Ф. Д.1112. Л.166-171.

[173] ЦДНИТО. Ф.-1045. Оп.1. Д.9945. Л.41.

[174] КПСС в резолюциях... — Т. 6. — С. 516—520.

[175] ГАРО. Ф.3. Оп.4. Д.1115. Л.78-79.

[176] *Карпушкин, Г.* Богомаз в роли культурника / Г. Карпушкин, Ю. Жабин // Сталинец. — 1954. — 15 окт.; ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.24. Л.142.

[177] ГАТО. Ф. Р-5220.Оп.2. Д.39. Л.70.

[178] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.48. Л.34; Д.55. Л.240.

[179] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.451. Л.317-319; Оп.1. Д.4321. Л.47.

[180] ГАРО.Ф. Р-5629. Оп.1. Л.45-46.

[181] Там же. Д.52. Л.59.

[182] Там же. Д.51. Л.22.

[183] Там же. Д.31. Л.24-25.

[184] Там же. Д.52. Л.98-99.

[185] Там же. Д.56. Л.190-192.

[186] Там же. Д.51. Л.27.

[187] Там же. Д.52. Л.76.

[188] Там же. Д.35. Л.101.

[189] Там же. Д.57. Л.142; Д48. Л.45.

[190] Там же. Д.49. Л.90-92.

[191] *Цыпин, В.* История Русской Церкви 1917—1997. — М., 1997. — С. 377; *Серафим* (Питерский). Указ соч. / Серафим (Питерский), Т.М. Панкова. — С. 58, 62.

[192] ГАРО.Ф. Р-5629. Оп.1. Д.51. Л.63-65.

[193] Там же. Д.94. Л.64-71; *Серафим* (Питерский). Указ соч. / Серафим (Питерский), Т.М. Панкова. — С. 95—96.

[194] Там же. Д.51. Л.32.

[195] *Цыпин, В.* Указ. соч. — С. 360, 370.

[196] ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.178. Л.96-182.; ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.18.Л.39; Д.31.Л.63; *Никон* (Воробьев) (игумен). Нам оставлено покаяние. Письма. — М., 1997. — С. 319.

[197] РГАНИ. Ф. 5. Оп.16. Д.704. Л.33.

[198] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.147. Л.26.

[199] ГАРО. Ф.3. Оп.1. Д.2190. Л.15; Д.557. Л.1-38; *Агарев, А.* Уроки власти. Сельское хозяйство Рязанской области 1937—1948 гг. (Документы, события, факты). — Рязань: Русское слово, 2006.

[200] ГАРФ Ф. 6991. Оп.2. Д.8. Л.90.

[201] ГАРО Ф. Р-5629. Оп.1. Д.45. Л.38.

[202] Там же. Д.57. Л.91—93.

[203] Атеистический словарь. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Политиздат, 1986. — С. 330, 398.

[204] РГАНИ. Ф.55. Оп.33. Д.91. Л. 149—150; Источник / Вестник АП РФ. — 1997. — № 4. — С. 120.

[205] ГАРО. Ф.Р-5629. оп.1. Д.61. Л.95.

[206] *Горячев, А.* Семинар по атеизму // Приокская правда. — 1959. — 13 дек. — № 292 (11952).

[207] *Лавинская, О.* О закрытии православных монастырей в СССР и запрещении паломничества к святым местам / О. Лавинская, Ю. Орлова // Православный паломник. — Журнал Паломнического центра ОВЦС МП. — 2002. — № 3 (5), 4 (6); *Орехов, Д.* Святые источники России. — СПб.: Невский проспект, 2000.

[208] ГАРО. Ф. Р-5496. Оп.1. Д.2. Л. 70.

[209] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.109. Л.48.

[210] ГАРО Ф. Р-5629. Оп.1. Д.11. Л.2.

[211] *Рябов, И.* Саратовская купель // Правда. — 1949. — 19 февр.

[212] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.110. Л.2—3.

[213] Исторический архив. — 1996. — № 5/6. — С. 49.

[214] *Тульцева, Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. — Рязань, 2001. — С. 18, 249.

[215] *Ларкина, Е.* Родники мои серебряные // Мещерская сторона. — 2004. — 27 окт.

[216] ГАРО. Ф. 7. Оп.1. Д.97. Л.182.

[217] *Тульцева, Л.А.* Указ. соч. — С. 231.

[218] Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб.-М., 1880—1882. — Т. 1. — С. 397.

[219] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.110. Л. 54-55; Источник. Документы русской истории. — 1997. — № 4 (29). — С. 126.

[220] Иникова, С.А. Святые источники Рязанской земли: православные традиции в их почитании // Православие и традиции народной культуры Рязанской области. — Рязань, 2001. — С. 157—158;

[221] Топонимический словарь Рязанской области. — 2-е изд., доп. / под ред. А.А. Никольского. — Рязань, 2004. — С. 235—236.

[222] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2.Д.16.Л.38.

[223] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 8. — С. 428—432; ГАРО. Ф.П-3. Оп.4. Д.1112. Л.169—171.

[224] Там же. — Т. 8. — С. 446—450; ГАРО. Ф. П-3. Оп.4. Д.1115. Л.78—79.

[225] *Малинов, А.* Радость и сила мои — родники // Призыв. — 1998. — 13 авг.

[226] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.61. Л.94—95; Д.52. Л.69.

[227] Там же. Л. 94.

[228] *Чижов, А.* У святого колодца: в с. Дегтяном // Авангард. — 1992. — 11 авг.; *Иникова, С.А.* Указ соч. — С. 166; *Кашафутдинов, И.* У колодца «святой» Магдалины // Рязанский комсомолец. — 1963. — 4 июня.

[229] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д. 48. Л.75—76; Д.52. Л.66—67, 69.

[230] *Малинов, А.* Указ соч.

[231] *Берман, В.* «Святой источник» Солотчинского района и его целительная сила // Сталинское знамя. — 1954. — 29 сент.; *Преображенский, Н.А.* О «кровавой палочке», «чудесных огнях» и других «необыкновенных» явлениях. — Рязань, 1959. — С. 34.

[232] *Шатилов, И.М.* От Можар до Напольного. Путевые очерки. — Московский рабочий, 1977. — С. 24.

[233] См.: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.61. Л.106.

[234] См.: ГАТО. Ф.Р-5220.Оп. 2. Д.189. Л.138; РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.100. Л.73.

[235] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.49. Л.51; Оп. 1. Д.226. Л.165-166; Д. 229. Л.24-25; Оп.2. Д..45. Л.25; Д.188. Л.187; ЦДНИТО. Ф.1045. Оп.1. Д.11237. Л.12-14.

[236] ГАРО. Ф. Р-6775. Оп.1. Д.75; Были верны до смерти. Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских. Т.1. Рязань, 2002. С.368; Житие святой мученицы Наталии Скопинской. Рязань, 2004. С.5.

[237] РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.7. Л.27-28.

[238] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.346. Л.15.

[239] Там же. Д.781. Л.49.

[240] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.82. Л.15.

[241] ГАРФ. Ф.6991.Оп.1. Д.346. Л.15.

[242] РГАСПИ.Ф.17.Оп.132. Д.7. Л.27-28.

[243] Там же. Оп.117. Д.246. Л.82; ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2.Д.11. Л.22; Д.26.Л.120; Д.13.Л.15.

[244] РГАСПИ. Ф.17 Оп.132. Д.7. Л.28; *Шкаровский, М.В.* Указ. соч. — С. 343.

[245] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.291. Л.162.

[246] Там же. Д.781. Л.11,25,26,49.

[247] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.132. Д.7.Л.28;

[248] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.291.Л.162; Д.149.Л.80.

[249] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.52. Л.30; ГАТО. Ф. Р-5629. Оп.2.Д.13. Л.14.

[250] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.291. Л.162.

[251] *Егорова, О.А.*. История Тумской Троицкой церкви // Материалы по рязанскому краеведению. — Рязань, 2005. — Т. 8. — С. 220.

[252] ГАРО.Ф. Р-5629. Оп.1. Д.28. Л.9-12.

[253] Там же. Д.36. Л.100—102, 130—131; Д.54. Л.109.
[254] Там же. Д.42. Д.1345; Д.45. Л.47.
[255] Там же. Д.48. Л.141.
[256] Там же. Д.81. Л.121—122.
[257] Там же. Д.57. Л.96-101;
[258] ГАРФ. Ф.1066. Оп.2.Д.299.Л.1.
[259] *Веселкина, Т.* Указ. соч. — С. 184.
[260] Там же. Д.59. Л.3-5; Д.60. Л.2-3.
[261] Там же. Л.11.
[262] *Федотов, А.А.* Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918—1998 гг.: Внутрицерковная жизнь и взаимодействие с государством. — Иваново, 1999. — Ч. 1. — С. 32; *Минин, С.* (священник). Очерки по истории Владимирской епархии X—XX вв. — Владимир: Нива, 2004. — С. 142; ГАТО. Ф. России-5220. Оп.2.Д.19, Л.10.
[263] ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.46. Л.146.
[264] Там же. Д.48. Л.142; Ряжская энциклопедия / под ред. Б.В. Горбунова. — Рязань: Поверенный, 2002. — С. 413.
[265] Там же. Д.115. Л.2.
[266] Там же. Д.37. Л.146.
[267] Там же. Д.56. Л.32.
[268] Там же. Д.62 (полностью).
[269] Там же. Д.67.Л.13.
[270] Там же. Д.67. Л.13.
[271] Там же. Д.70. Л.196.
[272] Там же. Д.67. Л.14—17.
[273] Там же. Д.72. Л.61.
[274] Там же. Д.77. Л.107; Д.88. Л.31.
[275] *Бердяев, И.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт 1918 г. — М.: Философское общество СССР, 1990. — С. 75.
[276] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.1. Д.40. Л.6-32; ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп.1. Д.10839. Л.6-36.
[277] *Ильин, И.А.* Аксиомы религиозного опыта. — Издательство Белорусского Экзархата, 2006. — С. 564.

ГЛАВА II

Церковная организация и государственная религиозная политика в конце 1950-х — 1970-е гг.

§ 1. Кризис взаимоотношений Церкви и верующих с властью в конце 50-х гг.

В конце 50-х гг. XX столетия во взаимоотношениях государства и Церкви возникают серьезные осложнения.

Официальная политическая доктрина того времени, нацеленная на построение коммунистического общества в СССР в ближайшие десятилетия, исключала религию как элемент духовной жизни. Вера в Бога вступала в диссонанс с новым этапом развития научно-технической революции в советском обществе. Антирелигиозная политика государства в это время являлась одним из проявлений модернизационных процессов в советском обществе, когда обострилось противоречие между идеологизированной наукой и религией. Идеологов партии, выдвинувших лозунг опережающего развития СССР по пути строительства коммунистического общества, не устраивала медленная трансформация общественного сознания, в котором Православие занимало весомое место. По их мнению, религия тормозила научный и общественный прогресс, отвлекала людей от трудового процесса. Подобные взгляды в концентрированном виде были высказаны Хрущевым на XXII съезде КПСС: «Коммунистическое воспитание предполагает освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, которые все еще мешают отдельным советским людям полностью проявить свои творческие силы» [1].

События первой половины 1958 г., казалось бы, не предвещали никакой серьезной угрозы для Церкви. В мае Русская Православная Церковь впервые торжественно отпраздновала восстановление Патриаршества. Состоявшиеся торжества породили надежды на продолжение государственной политики, направленной на дальнейшее признание церкви. Епархии не жалели средств на ремонт и украшение храмов. Еще сохранялся в обществе пафос религиозного возрождения 1948 г.

Антирелигиозная политика того времени была персонифицирована с именем Н.С. Хрущева. Начало «хрущевских гонений на церковь» положило секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», которое нацеливало партийные органы «развернуть наступление на религиозные пережитки» в сфере идеологии [2].

Секретная записка Отдела ЦК, датированная 16 сентября [3], не оставляла сомнений в том, что повторения событий 1954 г, когда запланированное на Церковь наступление было неожиданно свернуто, и вышли в свет два противоречащих друг друга постановления ЦК КПСС, не будет [4]. В дополнение к партийным документам в октябре 1958 г. выходят в свет постановления Совета Министров СССР, ставящие под удар экономику церковных приходов и монастырей.

В Рязанской области новое наступление на Церковь началось в ночь с 8 на 9 октября 1958 г.: в Тумском районе местная власть разрушила деревянную церковь села Ветчаны. Приходу был нанесен ущерб в сумме 4,5 тыс. руб. [5]

Нередко случаи закрытия церквей сопровождались самоуправством и диким вандализмом. Об этом красноречиво свидетельствует следующий факт. В 1958 г. председатель колхоза «Красный урожай» Спасского района, добывая кирпич для строительства коровника, за 10 тыс. руб. нанял специалистов-подрывников, которые разрушили колокольню церкви села Собчаково [6]. За период 1958—1960 гг. было закрыто 9 действующих приходов, и количество храмов в Рязанской епархии сократилось с 76 до 65 [7].

Параллельно с массовым снятием с регистрации церковных приходов развернулось наступление на внехрамовую религиозную жизнь. Как отмечалось ранее, 28 ноября 1958 г. ЦК принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к «святым местам». В приложении к постановлению в перечне «святых мест» указывались 4 почитаемых источника Рязанской области [8].

На реализацию решения ЦК о прекращении паломничества были нацелены все райкомы партии [9]. В Касимове в декабре 1959 г. в был проведен семинар по атеизму среди учителей города, где наряду с вопросами организации атеистической учебы рассматривался вопрос о борьбе с паломничеством. Паломничество к святым местам в дни православных праздников, по мнению участников совещания, имело массу отрицательных сторон: противоречило научному и коммунистическому мировоззрению, быту советских людей, коммунистической морали, мешало верующим правильно познавать мир и целесообразно действовать, обрекало на пассивность перед силами природы, сковывало их творческую активность и инициативу (в том числе, снижало качество сельхозработ), а также закрепляло ложное убеждение, что построить новое общество можно не только борьбой и трудом, но и молитвой [10].

Политическому остракизму и моральному давлению подверглись, прежде всего, священники. Понижение их общественного статуса нередко играло на руку уголовно-маргинальным элементам, которые в начале 60-х гг. начинают все активнее посягать на служителей Цекрви и церковное имущество. Подтверждением тому служит письмо рязанского уполномоченного начальнику районного отделения милиции с информацией об угрозах, поступающих в адрес отца Иоанна Крестьянкина. Однажды зимней ночью в домик, где он жил, ворвались воры, которые, связав всех находившихся там людей, стали требовать ключи от храма, надеясь найти там золото и деньги. Отцу Иоанну связали руки и поначалу грозились убить. Связанного его оставили около разбитого окна, вследствие чего он сильно замерз и простудился [11].

Для ликвидации приходской жизни применялись меры морального давления на духовенство. У входа в церковь села Которово Касимовского района, комсомольцы вывесили лозунг: «Стой! Куда идешь? Церковь — это есть обман народа. Мы в нее не ходим». У квартиры священника вывесили плакат с надписью: «Религия — дурман народа!»[12].

В пропагандистской работе в ход пошли всякого рода фельетоны и разоблачительные материалы. Основной лейтмотив подобного рода публикаций — отыскивание и показ всяческих мыслимых и немыслимых непристойностей и прегрешений в личной жизни духовенства. В антицерковной пропаганде появилась новая нота — обвинение в том, что церковь укрывает всякого рода аферистов и проходимцев. Так, в газете «Приокская

правда» была опубликована статья «Отец Анатолий на амвоне и в жизни». В ней протоиерей Анатолий Правдолюбов подвергался «разоблачению» по факту создания в Спасске «общества духовных сестер», состоящего, на деле, из группы лишенных родительского внимания девочек, которым священник и его жена давали недостающие тепло и ласку. Эту публикацию дополняла статья Н. Иванюшкиной в «Рязанском комсомольце» под названием «Как я освободилась от религиозного дурмана» [13]. Справедливости ради отметим, что «предстартовый разгон» средства массовой информации взяли еще летом. 11 июня 1958 г. газета «Приокская правда» публикует статью «Отец Анатолий на амвоне и в жизни», в которой наряду с другими обыгрывается тема домовладения священников. 11 июля 1958 г. в газете «Рязанский комсомолец» выходит статья «Вельвет во храме». Настоятель кафедрального собора о. Виктор (Шиповальников) обвиняется в скупке небольшого размера вельвета для нужд храма, который, как оказалось впоследствии, был краденным, а потому был приобретен завхозом собора С. Кривовым незаконно. Муссируется тема его домовладения за счет ссуды, взятой в епархии.

В условиях развернувшейся научно-технической модернизации общества, в частности после первых успехов в освоении космоса, активизируется дискуссия государственной пропагандистской машины с Церковью. Так, в 1959 г. в Рязани состоялась презентация книги заместителя директора Рязанского пединститута доцента Н.А. Преображенского «О «кровавой палочке», «чудесных огнях» и других «необычных явлениях», изданной двухтысячным тиражом. В дополнение к этому в 1960 г. в Рязанском книжном издательстве пятитысячным тиражом выходит книга «Я отрекаюсь» с рассказами бывших верующих о своих «заблуждениях». В противовес этой пропагандистской волне среди рязанских приходов распространяются в виде печатной проповеди выдержки из книги архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Наука и религия» [14].

Государственная антиклерикальная политика породила среди отдельных представителей сельского духовенства настроения одиночества, духовной изоляции, уныния и отчаяния, которые подвигли их к халатному отношению к пастырским обязанностям и пьянству. Об этом свидетельствует, например, негативный отзыв архиепископа Палладия в адрес Святейшего Патриарха Пимена на заштатного священника Н.В. Василевского из села Мураевня Милославского района. При этом нельзя не отметить, что верующие нередко выходили на уполномоченного с просьба-

ми вернуть в приход отстраненного священника. Они готовы были примириться с грехом пьянства со стороны священника, лишь бы не прерывалась литургическая жизнь в приходе [15].

В конце 50-х гг. в среде духовенства появляются отдельные вероотступники. Подобное привлечение священников к антирелигиозной пропаганде ранее не практиковалось. По стране их насчитывалось порядка 200. В Рязанской епархии от сана отказались трое священников: С. Теплоухов, С. Ларин, П. Садовников, в Тамбовской епархии — двое: К. Семин, А. Косых, во Владимирской области — один [16]. В общем-то, это была стандартная норма для всех регионов страны. Рупором ренегатства стал профессор Ленинградской Духовной Академии А. Осипов, опубликовавший в «Правде» в декабре 1959 г. статью, хулившую Имя Божие. 30 декабря 1959 г. постановлением Священного Синода вероотступники были отлучены от Церкви [17].

К публичному отречению приводили внутренний кризис, неудовлетворенность практикой церковной жизни, «нестяжательские» мотивы. Но были и обратные мотивы, заключающиеся в стремлении найти хорошо оплачиваемую работу в светской жизни.

И все же на путь ренегатства толкало не заблуждение или, наоборот, разрыв с «заблуждением». В основе предательства чаще лежали не корыстные мотивы, но личные качества человека, малодушие и трусость. С философско-религиозной точки зрения это был акт внутренней измены своему духовному центру [18]. Немаловажными факторами, подталкивающими к измене, были шантаж и наличие компромата. Показательна в этом смысле судьба священника Симеона Теплоухова. До 1945 г. он служил в Китае, в Харбинской епархии. В 1952 г. в обход правил пытался оформить прописку, устроившись в качестве сезонного рабочего в совхозе «Коммунар» Московской области. Попал в «разработку» МГБ. Когда начал служить в Зимаровской церкви Захаровского района, был арестован. Имущество жены было описано [19]. После освобождения служил в Скорбященском храме города Рязани. Можно предположить, что «зацепка» осталась и явилась тем обстоятельством, которое подтолкнуло Теплоухова на публичный разрыв с Церковью, отречение от Бога. Сначала он избирает профессию бригадира, затем — лектора по атеизму. В последующем принес покаяние и продолжал работать в церкви. Такой же путь прошел бывший тамбовский священник К. Семин, помогший властям закрыть приход, в котором служил [20].

В условиях усиления атеистической атаки обострились эсхатологические настроения. Курс государства на техническое перевооружение экономики, использование научно-технических достижений в военных целях, обострение «холодной войны» в мире вызвали всплеск фаталистических настроений у верующих, трактующих технику как злую, неподвластную человеку силу, угрожающую самому существованию человечества. Хрущевские гонения, противоречивость переживаемой эпохи в целом воспринимались верующими как конец света. Поэтому у них возникала внутренняя потребность поиска образца благочестия и веры. Подобным, широко известным образцом носительницы и хранительницы православных традиций была блаженная Полюшка (Пелагея Захаровская), к которой ездили за духовным советом, почитая за прозорливость, многие миряне и священники [21].

Известны случаи протеста против антицерковной политики, которую, казалось, нельзя было ни остановить, ни замедлить. Он приобретал разные формы. Уполномоченный получал много анонимных писем с прямой критикой партийно-государственного курса по отношению к Церкви. Показательна анонимка, полученная уполномоченным С. Ножкиным от «верующих г. Рязани» [22], содержащая критику власти в сфере охраны исторических памятников, разрушение некрополя Рязанского Кремля, Введенской и Воскресенской церквей (см. приложения). Были случаи открытого сопротивления представителям местных властей, пытавшихся закрыть церковь. Как следует из доклада уполномоченного В.А. Куроедову, подобный случай имел место в селе Большое Самарино Ряжского района. По поводу случившегося прихожане храма села Большое Самарино отправили письмо на имя Председателя Президиума Верховного Совета Л.И. Брежнева с жалобой на рязанского уполномоченного по делам русской православной церкви, осуждая намерения властей закрыть церковь и конфисковать деньги, лежащие на счете общества, в доход государства [23].

Волнения и брожения на почве закрытия церквей, хотя и не отбили у власти охоты в духе пресловутого хрущевского «волюнтаризма» в рекордно короткие сроки покончить с «религиозным дурманом», но все-таки оказывали на нее определенное дисциплинирующее воздействие. В ряде случаев исполнение решения удавалось приостановить и даже добиться его отмены. После каждого экцесса местные начальники попадали «на ковер» в вышестоящие инстанции и обвинялись в «администрировании». Верующие, хотя и не могли защитить свои права в полном объеме,

но, по крайней мере, добивались от власти несколько большей административной сдержанности.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в условиях массированного закрытия и разрушения храмов, у власти, в некоторых случаях, преобладал здравый подход к проблеме сохранения историко-культурного достояния. Бюро Рязанского обкома КПСС 21 апреля 1960 г. признало необходимым превратить Рязанский Кремль в музей-заповедник, полностью освободив все здания, находящиеся на территории Кремля и занимаемые разного рода организациями, учреждениями и жильцами. Освобожденные здания передать для расширения краеведческого и художественного музеев. Бюро обкома поручило Рязанскому горкому партии, горисполкому и областному управлению культуры в 15-дневный срок подготовить все мероприятия, связанные с превращением Рязанского Кремля в музей-заповедник, определив также источники финансирования строительных работ и подрядчиков.

Зона Рязанского Кремля была объявлена общегородской народной стройкой. В связи этим была создана специальная комиссия для руководства всеми работами в Кремле под руководством первого секретаря обкома КПСС А.Н. Ларионова. Сотни горожан трудились на субботниках, благоустраивая набережную реки Трубеж.

Таким образом, секуляризированная Советской властью собственность Рязанской епархии перестала быть бесхозной, и шедевр русской православной архитектуры — ансамбль Рязанского Кремля был спасен от медленного, но неизбежного разрушения. В политических реалиях той эпохи это был самый оптимальный вариант. Никто не мог предполагать, что новый хозяин бывшей церковной собственности на последующем этапе истории не пожелает возвращать ее в полном объеме Рязанской епархии [24].

При анализе состояния церковной организации нельзя не учитывать макроэкономических и социально-демографических факторов. Рязанская область представляла собой преимущественно аграрный регион: на селе в начале 60-х гг. проживало около 70 % населения [25]. Динамичное вымывание молодежи из деревни не смогло прервать связь поколений. Общественное сознание каждого крестьянского сообщества хранило в своей коллективной памяти те культурно-бытовые модели поведения, принятые всеми предшествующими поколениями. Поэтому, если на одном полюсе были колхозные и партийные собрания, то на дру-

гом — моления в храме, у домашних икон, святых источников. Православные нормы жизни, на которых традиционно строилась жизнь крестьянского сообщества, оказались загнанными внутрь, но утрачены не были.

Несмотря на крутые социальные перемены, смена традиционного уклада жизни шла достаточно медленно. В середине XX столетия в сельской местности домашний иконостас и лампада отсутствовали только в домах партийно-советских работников. Уполномоченный по делам РПЦ в отчетах конца 50-х гг. отмечал наличие икон в домах у большинства сельских коммунистов. Социологические исследования, проведенные студентами историко-филологического факультета Пензенского пединститута в ходе подворных обходов в селах Пензенской и Рязанской областей в середине 60-х гг. выявили, что значительная часть сельского населения (от 63 до 97 %) живет в домах, где имеются иконы. В те годы лампады было купить трудно, но, как показывают материалы этносоциальных исследований, более чем в 70 % домов лампады были, и когда следовало, зажигались перед иконами [26]. Подобные проявления обыденной религиозности считались традиционным компонентом сельской жизни.

Что же представляла собой в этот период Рязанская епархия? В своем потенциале епархия к 1958 г. имела 76 приходов (включая 9 городских) и 135 штатных священника [27]. В 1959 г. правящий архиерей Николай (А.М. Чуфаровский) был возведен в сан архиепископа. Владыку Николая как неустрашимого, твердого в вере и исполнении церковных канонов архипастыря характеризует следующий штрих из его биографии. Во время его служения в Тернопольской епархии к нему обратились переодетые в форму советских офицеров бендеровцы с требованием рукоположить во священников их ставленников и под угрозой лишения жизни запретили разглашать об их посещении. Необходимо отметить, что бендеровские священники, как правило, являлись униатами. Владыка Николай бесстрашно отверг требования бандитов и заявил, что при поставлении священнослужителей епископ Православной Церкви руководствуется только церковными канонами [28].

Антирелигиозные мероприятия проводились в Рязанской области в период, когда она оказалась в центре политической кампании под лозунгом: «Догнать и перегнать США в производстве продуктов животноводства на душу населения!». Поэтому приоритетность проблем сельскохозяйственного развития, каза-

лось бы, должна была вытеснять на периферию атеистическую работу сельских партийных организаций. Фактически дело обстояло вовсе не так.

В середине 50-х гг. Рязанская область выступила инициатором социалистического соревнования в получении высоких удоев молока. В 1953—1958 гг. дойное стадо удвоилось, а надои молока от каждой коровы возросли в 3 раза. К 1958 гг. было получены по 3200 кг молока на одну корову [29]. Молоко, по словам первого секретаря Рязанского обкома КПСС А.Н. Ларионова, стало «маркой Рязанской области». 12 марта 1958 г. публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Рязанской области орденом Ленина. Однако в 1959г. руководство области добилось от центра снижения плановых показателей по сдаче молока, в результате было поставлено государству менее 52 % от удоя 1958 г. Общий удой по отчету 1958 г. был сильно завышен [30].

Хрущеву потребовался почти год для того, чтобы совершить поездку в Рязань для вручения правительственной награды. В этот период Хрущев определял стартовую площадку для небывалого аграрного эксперимента. Рязанская область была выбрана полигоном для эксперимента по увеличению производства мяса в 3 раза за 1 год. «Молочная эпопея» явилась, таким образом, прелюдией для осуществления «мясного рывка». Вручение области высокой награды оказалось только предлогом для решения сверхзадачи.

К визиту первого секретаря ЦК КПСС готовились загодя. Учитывалось все, до мельчайших подробностей. Жилье колхозников, куда планировалось завести высокого гостя, меблировалось [31]. На стенах комнат вместо икон вешали картины, чтобы Хрущев убедился в эффективности политики «воспитания нового человека».

Областное руководство готово было прибегнуть к самым непопулярным мерам, лишь бы показать Рязанскую область как авангард коммунистического строительства. Это объяснялось стремлением избавиться от презрительного прозвища — «Рязань лапотная», стереотипа кинофильма «Бабы рязанские» (1927 г.).

В концепцию обновленной Рязанщины не вписывались «патриархальные православные традиции». Нельзя было пройти мимо того факта, что в те годы в ряде районов Рязанской области крестили более 50 % детей[32].

Накануне высокого визита необходимо было продемонстрировать «инициативу снизу». В самом конце 1958 г. на 10-й Ря-

занской областной партконференции, вошедшей в историю как «мясная», были скорректированы планы производства мяса с 75 тыс. до 150 тыс. тонн (3 плана). Авантюрность планов чувствовали все, но боялись сказать правду, которая спасла бы от аферы, позора и скандала. Любая попытка критики беспощадно давилась как малодушие и маловерие.

Началась напряженная работа, закупка мяса у населения переместилась в соседние с Рязанью области. В октябре 1959 г. было выполнено 2 годовых плана по мясу — 102 тыс. тонн, 3-й план выполнить не представлялось возможным. Тем не менее, в конце 1959 г. рязанское руководство торжественно отрапортовало о выполнении 3-х планов по мясу. Молочное стадо и племенной скот были забиты.

25 декабря на Пленуме ЦК КПСС К. Е. Ворошилов торжественно вручил Ларионову звезду Героя Социалистического Труда. Дождь наград не обошел других.

Вскоре в центр пошли жалобы трудящихся о приписках. Чтобы заблокировать критические сигналы с мест и погасить сомнения в ЦК, была придумана встреча рязанских женщин-колхозниц и работниц совхозов в Кремле с Хрущевым. На встрече Хрущев заявил: «При таких темпах роста, каких вы достигли в текущем году, вам потребуется немного времени, чтобы догнать Америку по производства мяса и, как образно говорится, «ухватить бога за бороду» [33]. Видно, как атеистический запал Хрущева порой прорывался в темах, далеких от религии. Ларионов не остался в долгу и в его речи прозвучал следующий фрагмент: «Рязанцам очень хочется «ухватить бога за бороду»…А это значит, что область продаст государству не менее 180—200 тыс. тонн мяса» [34].

Результатом аграрной авантюры стало массовое уничтожение поголовья скота, в том числе чистопородного маточного, запрет для населения районных городов и рабочих поселков держать скот в личной собственности [35]. На продаже мяса колхозы понесли колоссальные убытки. Заглушить поток жалоб не удалось. ЦК принял решение направить Ларионова на работу в Ленинград, снять высокую правительственную награду. На его место был назначен секретарь Владимирского обкома КПСС К.Н. Гришин. Накануне организационного пленума обкома Ларионов ушел из жизни.

Обман с выполнением завышенных обязательств пагубно отразился на моральном самочувствии простых тружеников, дис-

кредитировал идею форсированного строительства коммунизма в СССР, коммунистическую идеологию в целом. Идея создания коммунистического рая в отдельно взятом регионе оказалась очередной утопией. «Кризис доверия» привел также к «размыванию» образа Хрущева как авторитетного лидера.

Сохранение большей части приходов, и устойчивость церковной экономики Рязанской епархии продемонстрировали, что хрущевская антирелигиозная кампания в области с треском провалилась. Печально знаменитое обещание Н.С. Хрущева «показать последнего попа по телевизору» осталось невыполненным [36]. Загнать советских людей в атеизм не удалось. Результат богоборческой активности власти получился обратным: гонимая Церковь привлекла к себе симпатии общества, укрепились религиозные чувства верующих.

§ 2. Церковь в условиях политики жесткого ограничения православной обрядности и финансово-экономической деятельности приходов

Последние шесть лет политического руководства Хрущева исследователи церковной истории справедливо называют периодом «хрущевских гонений». В этот период в стране была закрыта почти половина приходов и почти все монастыри, число храмов и молитвенных домов сократилось с 13414 до 7873, монастырей — с 56 до 16 [37]. Религиозная жизнь была усилиями сторонников активного сдерживания Церкви (В.Д. Бонч-Бруевич, М.И. Суслов, Е.А. Фурцева и другие), казалось, навсегда была загнана в подполье.

В 1961—1963 гг. в Рязанской епархии были закрыты 10 церквей. В 1962 г. в адрес уполномоченного не поступает ни одного ходатайства об открытии храмов [38]. На рубеже 50—60-х гг. рязанскую кафедру возглавлял 67-летний владыка Николай (Чуфаровский). В 1963 г. на рязанскую кафедру был назначен архиепископ Палладий (в миру — Георгий Михайлович Каминский). Родился в 1896 г. в семье украинского священника Херсонской губернии. В 1917 г. закончил Одесскую духовную семинарию. Три года проучился на физико-математическом факультете Одесского университета. В 1920 г. рукоположен во диакона, а затем во пресвитера. В апреле 1946 г. пострижен в монашество с именем Палладий и назначен преподавателем Одесской духовной семи-

нарии. 30 марта 1947 г. в патриаршем Богоявленском соборе рукоположен во епископа Волынского. Впоследствии занимал Львовскую и Оренбургскую кафедры. Руководил Рязанской епархией до февраля 1965 г. [39].

Рецидив политики воинствующего атеизма вызвал протест верующих, особенно против разрушения церквей. И это порой приносило результат. Так, из-за недовольства верующих власти отказались от разборки церкви села Мшанское Клепиковского района. Бывало, что принципиальную позицию в вопросе о судьбе храмов занимали некоторые местные руководящие работники. Именно такую позицию в отношении храма Рождества Богородицы села Виленка близ города Михайлова занял секретарь исполкома райсовета Октябрьского района А. Лукичев. Он сумел предотвратить взрыв церкви, который по ходатайству председателя сельсовета планировали осуществить областные власти. На основе примитивного фотомонтажа использовался надуманный довод о том, что храм, находящийся, якобы, в аварийном состоянии, угрожает обрушиться на построенный напротив него сельский клуб. Взрыв направленного действия был уже применен в феврале 1963 г. в отношении Черкасской церкви города Михайлова, на месте которой был построен кинотеатр «Космос». За «излишнюю инициативу» райком партии объявил А. Лукичеву выговор [40].

В результате подобной варварской политики в нашей стране пострадали тысячи памятников истории и культуры. В 16 областях РСФСР на государственном учете и охране осталось только по 2—3 памятника. В Москве ежегодному разрушению подвергались порядка 70 исторических зданий в год. В Карелии были уничтожены памятники деревянного зодчества и 1000 древних икон Петрозаводского музея. К 1100-летнему юбилею города Мурома Владимирской области местная власть уничтожила 300 произведений древнерусской иконописи, включая иконы 15—16 вв., которые позже были обнаружены московскими искусствоведами засыпанными шлаком в подвале местного музея. В 1960 г. из общего числа 346 недействующих храмов Владимирской епархии (при 72-х действующих), 117 числились в списках памятников архитектуры. Из них только 44 здания использовались для культурно-просветительских нужд, что свидетельствовало о крайне пренебрежительном отношении властей к вопросу о сохранении культурно-исторического наследия русского народа. 79 храмов (25 %) из числа недействующих подлежали, по

мнению, местных властей, вообще к сносу. В Тамбовской области к концу 1964 г. все 50 сохранившихся недействующих храмов были переоборудованы под хозяйственно-складские помещения [41].

Подобные факты вызвали протест общественности, прежде всего интеллигенции. Под руководством художника И.С. Глазунова и архитектора-реставратора П.Д. Барановского начинается деятельность клуба любителей памятников истории и культуры «Родина». Рупором спасения национальной духовной культуры становится журнал «Молодая гвардия» [42]. Интеллигенция заняла критическую позицию в вопросе сохранности историко-культурного достояния. Эта позиция побудила партийно-государственный аппарат еще при Хрущеве корректировать антирелигиозную политику в плане ограничения ярко выраженных деструктивных акций.

Противостояние власти и верующих по вопросу закрытия храмов приобретало порой конфликтный характер, вызывая взаимное ожесточение. Административные, силовые способы давления на верующих вызывали ответное открытое сопротивление. Так, 7 октября 1963 г. в селе Лунино Шиловского района прибыла комиссия из райцентра для приемки здания недействующей церкви, снятой с регистрации Рязанским облисполкомом и предполагаемой к использованию под зернохранилище местного колхоза. Приход села Лунино уполномоченный планировал соединить с приходом села Срезнево. Спустя короткий промежуток времени у церкви собралось около 100 человек верующих, которые дали отпор представителям власти. Последние были вынуждены покинуть село ни с чем. В связи с этим отметим, что для верующих Шиловского района была характерна особая пассионарность в деле защиты храмов. В основе этого феномена лежала историческая традиция. Население в районе так называемой «Рязанской луки» реки Оки столетиями находились под духовным окормлением нескольких древних монастырей (монастырские села). Здесь проходил один из участков паломнического пути в Свято-Серафимо-Дивеевский монастырь. Кроме того, в этих краях нашли пристанище несколько общин староверов беспоповского толка. В годы гражданской войны территория Шиловского района, входившая тогда в Спасский и Сапожковский уезды, находилась под контролем крестьянских повстанцев и «зеленых». В конце 20-х гг. XX века при Казанской церкви с. Срезнево преподобномучеником Филаретом (Срезневским) был организован тайный монастырь, в котором порой находилось до 150 иноков и

инокинь, нашедших здесь прибежище после закрытия рязанских монастырей. На празднование дня чудотворной иконы «Споручница грешных» собиралось до 8 тысяч верующих. До начала строительства автомобильного «Большого автомобильного кольца» в середине 50-х гг. в Рязанской области зона, а которой располагался Шиловский район, была для властей «не простреливаемым кустом», где концентрировались протестные настроения [43].

В ряде случаев верующие, узнав о намерении властей разобрать храм для хозяйственных нужд колхоза, устраивали своеобразную «сидячую забастовку», поселяясь в храме на продолжительный период. Данные факты не отражены в архиве рязанского уполномоченного. Однако, известен подобный прецедент в селе Архангельское Тамбовской области, когда верующие в попытках спасти храм, ночевали в нем 3 месяца [44].

Образ Церкви как классового врага, распространяемый в 20-30-е гг. заменило видение церковной организации как реакционного, идеологически чуждого коммунизму явления. Для подрыва устойчивости церковной организации особый удар планировалось нанести не только по идеологии Церкви, но и по ее материально-финансовой базе. Совет Министров СССР 16 октября 1958 г. принял постановления «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» [45]. У монастырей стали отбирать земли, повысили налоговое бремя, было принято решение о сокращении их количества.

Гораздо более ощутимые последствия для Церкви имело постановление Совета Министров СССР о свечном налоге [46]. Согласно правительственному решению в значительной мере увеличивался налог на производство свечей: за каждый килограмм изготовленных мастерскими свечей устанавливалась плата до 200 руб. В результате этого закупочные цены на свечи с 1 октября подскочили в 15 раз. Одновременно запрещалось повышать розничные цены на свечи, что означало уменьшение доходов церкви. Кроме того, во многих епархиях под различными предлогами (вплоть до нарушений требований противопожарной безопасности) власти начали закрытие епархиальных свечных мастерских.

Эта акция означала попытку государства обрушить церковный бюджет и подорвать экономические основы жизни Церкви. К этому времени удельный вес доходов от реализации свечей доходил до 70 %, а производство свечей за период 1953—1957 гг.

удвоилось [47]. Рост производства позволял снижать цены на свечи и уменьшать базу налогооблагаемого дохода. В 1959 г. сумма налога на свечи увеличилась более, чем в 47 раз (с 1,5 до 70 млн руб.). Отпускная цена на свечи увеличилась с 15 до 225 руб. [48]. Особенно ощутимы были потери на приходском уровне. Некоторые храмы вынуждены были временно распустить свои хоры, поскольку нечем было платить певчим. Однако ожидаемого экономического крушения Церкви все же не произошло. Объем реализации свечей возрос. В Рязанской епархии он увеличился с 30 до 40 тыс. кг. Поначалу выручило собственное свечное производство, которое впоследствии пришлось закрыть. В ряде случаев церковные старосты закупали свечи в государственных магазинах по дешевой отпускной цене. Несмотря на рекомендации уполномоченного заморозить розничные цены, они все же были повышены в среднем до 500 руб. за килограмм свечей (с 5 до 10—15 руб. за свечу), что превышало отпускную цену в 2 раза. Так по результатам «свечной» кампании Церковь сумела выйти из тяжелой ситуации. В 1958—1959 гг. валовый доход Рязанской епархии удерживался на одной отметке (16 млн. руб. в старых ценах) [49]. В мае 1959 г. Карпов докладывал в ЦК КПСС, что ожидаемого некоторого ослабления экономического положения церкви не произошло [50].

Помимо свечей немаловажным источником пополнения церковной казны являлась плата за требы. Поэтому власть пыталась предельно минимизировать этот финансовый поток. Под давлением уполномоченного по делам РПЦ в Рязанской области в июне 1959 г. на собрании благочинных Рязанской епархии архиепископ Николай обязал священство сократить церковные требы в домах по приглашению. Этот вопрос вызвал оживленные дискуссии среди духовенства, поскольку затрагивал доходы Церкви [51]. Обеспокоенность грядущим падением доходов заставляла их порой искать любые пути ублажения уполномоченного.

В начале 1960 г. следует новый этап антирелигиозной войны. 9 января выходит постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», осуждающее пассивное отношение партийных и государственных организаций к религиозным пережиткам. 13 января ЦК принимает постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах». Были признаны недопустимыми приоритет властных функций духовенства в приходе и отстранение от управления исполнительных органов церкви [52].

В 1961 г. под давлением властей Священный Синод принял постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», согласно которому руководство всей хозяйственной жизни отдавалось церковным старостам, чьи кандидатуры согласовывались с исполкомами. Утвердил это постановление работавший под плотным давлением властей Архиерейский Собор в июле 1961 г. Было расширено участие женщин в богослужении: им стали поручать роли чтецов, псаломщиков, регентов церковных хоров. Духовенство стало все чаще совершать заочное отпевание, проводить общую исповедь, вместо требуемой канонами индивидуальной, сокращать церковную службу.

Для надзора за деятельностью церковных структур подыскиваются кадры, соответствующие характеру принимаемых решений. Начинается перестановка кадров. После критического выступления Патриарха Алексия I на конференции советской общественности по разоружению в феврале 1960 г. был уволен с поста Председателя Совета по делам РПЦ Карпов, стоявший у основания послевоенной политики открытия церквей. Его преемником стал В.А. Куроедов. Несколько позже кадровая смена проводится в Рязанской области. Вместо Ножкина, партийного работника, имевшего опыт работы в образовательной сфере, пришел П.С. Малиев, пенсионер НКВД-МГБ, в прошлом начальник отдела кадров «Смерш» и МГБ в Дальневосточном, Приволжском военном округе, оперативном секторе советской военной администрации земли Саксония в Германии, Калужской и Рязанской областях [53]. Представители этой же генерации уполномоченных были назначены и в других регионах. Например, в Тамбовской области уполномоченным тоже стал кадровый офицер НКВД-КГБ А.И. Зверев [54].

С перестановками в Совете по делам РПЦ почти совпала смена областного партийного руководства. В конце сентября 1960 г. первого секретаря Рязанского обкома КПСС А.Н. Ларионова, ушедшего из жизни после скандального провала «мясного рывка», сменил прибывший из Владимирской области К.Н. Гришин, в будущем заместитель председателя Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС. Находясь под пристальным критическим оком Москвы, новое партийное руководство области, уже лишенное прежней фаворы и автономности, стало более ретиво претворять в жизнь все указания Центра. Особая старательность проявлялась в ранее проваленной, по мнению ЦК, сфере идеологической работы. Не последнее место в этой работе отводилось

атеистической пропаганде. В практику работы прочно вошли регулярные семинары и конференции атеистов. На предприятиях, учреждениях образования и культуры стали создаваться клубы журнала «Наука и религия».

В начале 60-х гг. в религиозной политике государственных органов явно обозначились рецидивы секуляризма. На основании устного распоряжения заместителя председателя облисполкома Маслова В.И. здание епархиального общежития по ул. Ленина, 19 отводится под контору рязанского уполномоченного по делам РПЦ. Уполномоченный дает распоряжение в ГАИ не регистрировать 2 машины епархии, как приобретенные без письменного согласования с ним [55].

В сентябре 1961 г. вся финансово-хозяйственная деятельность Церкви попадает в поле пристального контроля властей. Административным путем осуществляется кампания по понижению розничных цен на свечи, просфоры и требы. Цены снижаются в 2 и более раза. Административным путем примерно вдвое сокращаются выплаты на зарплату работникам церкви [56]. Это приводит к тому, что в июле 1961 г. епископ Николай докладывает Святейшему Патриарху, что отчисления Рязанской епархии на нужды Московской Патриархии будут вынужденно снижены с 20 % до 5—10 % (вместо 180 тыс. до 70 тыс. рублей) [57]. Следует отметить, что средняя цена на свечи и просфоры составляла соответственно в среднем 30 и 40 коп. Директивным путем цены на свечи и просфоры были снижены до 15 коп. и 30 коп. соответственно [58].

В результате в 1961 г. реальный доход епархии упал, по сравнению с предшествующим годом, со 134,1 тыс. руб. до 89,3 тыс. руб. [59]. И все же, благодаря фактору народной поддержки, о котором речь пойдет далее, уже в 1962 г. наблюдается увеличение доходов, по сравнению с предшествующим годом, на 118 тыс. руб [60]. В 1963 г. следует прибавка еще на 62,3 тыс. руб. При этом около 1 млн. руб. или 70 % от суммы общего дохода составляли свечи и просфоры. Себестоимость просфоры была в 10 раз ниже ее продажной цены [61].

Объем свечного материала, поступающий в епархии, не возрастал, не росло и количество выпекаемых просфор. Закупочные цены на воск, готовые свечи и муку имели тенденцию к повышению. Значительно, в разы, снизить себестоимость производства свечей (их епархия стала привозить централизованно из Москвы) и просфор не представлялось возможным. Поступления,

таким образом, могли возрастать за счет уменьшения веса просфор, повышения продажной цены на свечи и просфоры в сельских приходах, где контроль уполномоченного был затруднительным, а религиозные общины спаяны внутренним негласным правилом — хранить молчание.

Если сопоставить сумму от реализации свечей и просфор с численностью населения в Рязанской области в рассматриваемый период — 1 444 тыс. человек [62], то вклад каждого на нужды Церкви составит около 70 коп., то есть примерно по 1 свече и по одной просфоре на душу за год.

В СССР неоднократно проводились социологические исследования на предмет определения степени религиозности советского общества и числа верующих в составе населения страны в 60-е гг. При этом исследователи оперировали самыми разными результатами: от 12,6 % [63] до 26 % [64]. Фронтальный социологический замер среди 10 тысяч сельских респондентов из 12 сел 4-х типичных районов, проведенный уже в начале 70-х гг. под руководством заведующего идеологическим отделом Рязанского обкома КПСС А.С. Кожевникова, выявил, что 27,1 % опрошенных считали себя верующими[65]. Социолог газеты «Комсомольская правда» Б.А. Грушин выделяет только 0,5 % активных участников религиозной жизни (тоже из более, чем 10 тысяч респондентов), допуская при этом, что реальные размеры религиозности могли быть больше, чем выражалось в суждениях опрашиваемых [66].

Подчеркивая возможную некорректность подобных опросов, автор работы «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве» М.В. Шкаровский обращается к таким показателям религиозной жизни, как доля крещения и отпевания в ряде регионов СССР. Исходя из этих показателей, он полагает, что в целом по стране численность верующих в 60-е гг. примерно равнялась 40—45 %, в том числе в РСФСР — 30 %, снижаясь в последующем [67]. В то же время, по его мнению, религиозность населения в целом не уменьшилась, а в ряде регионов страны даже выросла. По мнению протоиерея В. Цыпина, можно утверждать, что крестили до 2/3 всех детей [68]. При этом следует также иметь в виду, что сокращение показателей по требам демонстрировало эффективность работы уполномоченного. Средняя цифра крещений по СССР в 1959 г. составляла 30 % . По информации в Совет поделам РПЦ из Владимирской области, там крестили 39 % новорожденных [69]. В письме Председателя Совета по делам РПЦ В.А. Ку-

роедова в Министерство финансов Рязанская область указывается в перечне областей, где крестят свыше 60 % родившихся детей [70].

Следовательно, если за основу взять хотя бы 25—26 % количества верующих в составе населения Рязанской области, сумма расходов на свечи и просфоры, помимо оплаты зарегистрированных и тайных треб, набегает до 2 с лишним рублей на каждого верующего в год. Причем 40 % дохода шло в церковную кассу из сельских приходов, в основном, от лиц пожилого возраста [71]. Сравнительным примером, помогающим сопоставить реальную величину подобного вклада верующих, может служить размер членских партийных взносов коммунистов-пенсионеров. С дохода до 50 руб. (размер средней пенсии) согласно партийного Устава, принятого на XXII съезде КПСС, коммунисты платили 10 коп. в месяц.

В марте 1961 г. государство всерьез берется за решение проблемы религиозной обрядности, которая в значительной мере подпитывала финансовую базу Церкви. Совет Министров СССР принимает закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», которое предполагало привлечение местных Советов к обеспечению контроля за религиозной обрядностью. В феврале 1963 г. выходит в свет постановление правительства «О введении в быт советских людей новых гражданских обрядов». В 1964 г. в Москве проводится I Всесоюзное совещание по внедрению в быт трудящихся новых гражданских обрядов [72]. Для контроля за реализацией этих решений в 1965 г. в Рязанской области было создано 305 комиссий, охватывающих 1670 депутатов Советов разных уровней. Это была достаточно большая и развлетвленная структура, если сравнивать, например, с Тамбовской областью, где 49 комиссий, в работе которых принимали участие около 200 человек. В основном, это были учителя школ, работники культуры, пенсионеры-активисты атеистической работы [73].

В начале 60-х гг. в ряде районов Рязанской области крестили более половины детей. Ситуация с религиозной обрядностью, например, в Кадомском районе в 1962 г. стала предметом обсуждения бюро обкома партии [74]. В Касимовском районе фиксировали до 70 % крещений. В поселке Сынтул зарегистрировали 22 новорожденных, а спустя 3 дня их же окрестили [75]. Новые гражданские обряды распространены не были. В торжественной обстановке регистрировали только 0,5—0,6 % всех новорожденных и 3—4 % всех браков [76]. В справке уполномоченного от 7 декабря

1963 г., посвященной вопросам усиления борьбы с нарушителями законодательства о культах, приводятся факты участия в таинстве причастия школьников города Ряжска. В качестве «крестных матерей» в Успенской церкви Ряжска выступали ученицы 6-х классов [77]. Рязанская область явилась одной из первых в РСФСР, активно внедряющей новые обряды бракосочетания и регистрации новорожденных [78].

В целях реализации постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» областной исполнительный комитет (промышленного) Совета народных депутатов 14 марта 1963 г. принял решение « О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» [79]. Особо подчеркивалась необходимость создания торговых секций товаров для новорожденных и молодоженов, использованию оркестров в похоронных процессиях, проведения торжественной регистрации новорожденных, организации комсомольских свадеб и процедуры вручения паспортов, проводов в армию, популяризации трудовых праздников.

После создания при местных Советах комиссий содействия по выполнению законодательства о культах в 1963 г. была проведена проверка их работы. Из проверенных 511 сельских Советов только в 57 в торжественной обстановке проводились празднование совершеннолетия и регистрация браков. Справили только 500 комсомольских свадеб [80]. Отвратить сельских молодоженов от венчания в церкви сразу не удавалось. В ход были пущены карательные меры. Так, комсомолка и ударница коммунистического труда Кораблинской ткацкой фабрики В. Гринина за венчание в церкви была исключена из комсомола и лишена почетного звания. Для назидания другим этот факт был освещен в газете «Рязанский комсомолец» [81].

Особую неприязнь власти вызывал обряд крещения. Об этом, например, свидетельствуют название статьи «На кой ляд такой обряд?» (Рязанский комсомолец. 1964. 21 января). В статье А. Никольского «Как комплектуют команды: обряд крещения в Рязани» (Крокодил, 1964. № 2) констатировалось, что в 1962 г. в кафедральном соборе крестилось 20 рязанцев от 16 до 35 лет, а количество крещений возросло по сравнению с предыдущим годом.

Главное внимание было обращено на отвращение детей и школьников от храма. Повсеместно на территории СССР специальные комсомольские патрули во время праздничных церков-

ных не пускали детей в церковь. 8 июля 1962 г. во Владимире имела место попытка отбирать детей у родителей, идущих с ними в Успенский кафедральный собор и препровождать их во Дворец пионеров. К счастью, подобных инцидентов в Рязанской епархии отмечено не было [82].

Сложившаяся ситуация в сфере обрядности и ее анализ породили каскад решений областной исполнительной власти. 10 июля 1963 г. Рязанский областной исполком (сельского) Совета депутатов трудящихся принял постановление «О мерах по улучшению работы местных Советов по отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов». Аналогичное решение было принято исполкомом областного (промышленного) Совета депутатов трудящихся. В течение августа 1963 г. уполномоченным было приняты представители церковных исполнительных органов от 60 церквей по вопросам организации строгого учета в сфере религиозной обрядности. Всего было приняты 200 человек. 13 ноября того же года на областном семинаре атеистов был рассмотрен вопрос об усилении контроля за соблюдением законодательства о культах [83]. За пример в работе был взят опыт работы комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о культах при Пятигорском горисполкоме. В рамках контроля за реализацией государственной политики по вопросам религиозной обрядности 12 июня 1964 г. принимается постановление «О работе Касимовского райисполкома по внедрению новых гражданских обрядов и по контролю за соблюдением законодательства о культах» [84]. В справке по итогам проверки данного направления работы, приложенной к постановлению, в качестве главной негативной тенденции в деятельности районных властей в 1963 г. указывался факт крещения 69 % детей. Даже при отсутствии действующих храмов крещение новорожденных нередко проводили заштатные священники. Были отмечены случаи освящения куличей накануне Пасхи школьниками, факты наличия икон в домах сельской интеллигенции. Особо критиковалось отсутствие загсов в сельской местности [85]. 29 июня 1964 г. выходит в свет решение областного исполнительного комитета (промышленного) Совета депутатов трудящихся «О работе комиссий содействия по контролю за законодательством о культах в Кораблинской промышленной зоне» [86]. Особое внимание предлагалось уделить совместной работе с Домами культуры и клубами на местах. В поле зрения попали, прежде всего, те населенные пунк-

ты, из которых исходили особо настойчивые ходатайства о возобновлении работы закрытых церквей.

В результате напряженной работы, особенно районах с традиционно высокой долей крещений новорожденных, партийным и советским организациям с большими усилиями удалось сократить число религиозных обрядов в официальной статистике. Так, к 1968 г. в Кадомском районе случаи крещения детей были зарегистрированы на отметке 10,2 % [87]. Крещение, а также венчание было вытеснено в нелегальную сферу.

Сложнее обстояло дело с ограничением обряда отпевания усопших. Церемония похорон была сугубо личным делом родственников умершего. Возможности административного вмешательства в траурный обряд были ограничены. Нередкими были случаи, когда в похоронной процессии рядом с оркестром несли иконы. Единственно, что могли местные власти, так это запретить родительские поминки на кладбищае села Воршево [88]. Церковные обряды были прочно связаны с крестьянским календарем и вообще бытом людей, который в рязанской деревне 60-х гг. изменялся медленно. Этим объяснялась живучесть старых религиозных обычаев и обрядов. Насильственное утверждение новой обрядности вызывало недовольство не только среди верующих. Недовольство выражали также горожане из урбанизированной части сельского населения, которые, испытывая определенный дискомфорт дезадаптации, не желали обеднения привычной праздничной культуры. Нельзя не остановиться на таком парадоксальной лепте в доход городских приходов, как пожертвования со стороны так называемых «захожан». Такое определение людям, приходящим в храм дважды в жизни: первый раз, чтобы крестить, второй раз — чтобы отпеть, дал известный исследователь церковной жизни диакон Андрей Кураев [89]. Сельские трудовые праздники (праздники Урожая, Первой борозды, Первого снопа) наполнялись политическим звучанием и советской символикой и были призваны вытеснить праздники православного календаря. Попытка подмены православных праздников советскими трудовыми ритуалами приводила к тому, что праздновались как те, так и другие праздники. Дело в том, что социально-этическая функция гражданской обрядности 60-х гг., по мнению исследователей темы праздников и обрядов, была шире образца 20—30-х гг. [90]. Вокруг православных праздников властью формировался ореол не столько классово-враждебных, сколько архаичных, бездуховных и немодных. Нередко новые праздники и обря-

ды переплетались с народно-православными, и воспринимались общественным сознанием как их новая редакция или дополнение (например, гражданский праздник «Русской березки» и православный праздник Троицы). Во многих случаях отмененные церковные праздники ассоциировались с народными традициями и отмечались своеобразно. Так, корреспондент областной газеты «Сталинец» А. Жбанков от 23 июня 1954 г. поведал об «отсталой части молодежи» некоторых сел Каверинского района, которая на Троицу устраивала кулачные бои.

Как уже говорилась выше, параллельно с внедрением новой обрядности власть устанавливает жесткий контроль над совершением треб. Динамика сокращения числа совершаемых церковных обрядов становится показателем атеистической работы. Создавалась система жесткого контроля исполнительных органов за обрядовой сферой деятельности церкви. Церковный староста обязан был предоставлять в местный Совет депутатов трудящихся информацию о совершаемых обрядах в церкви, а тем более на дому у верующих без соответствующего оформления. В 1963 г. епархиальный секретарь И.Д. Оливков пишет в адрес правящего архиерея жалобу на священника Борисо-Глебского собора В. Шиповальникова по факту отпевания им усопшего во время поздней литургии [91]. В 1964 г. Малиев отобрал регистрационное удостоверение у священника Скорбященской церкви А. Бурова за совершение треб вне храма [92]. Разрешение на соборование и отпевание должен был давать председатель сельсовета, а в Рязани — лично уполномоченный.

Для треб, обязательно фиксируемых квитанцией, требовалось согласие всех членов семьи. Оба родителя должны были присутствовать во время таинства крещения. Если их присутствие было невозможно, необходимо было оформить свое согласие письменно и заверить его в сельсовете или по месту работы. Это давалось родителям не просто, т.к. создавались различные бюрократические препоны, чтобы подобные заявления не заверять. Для тех лет типична жалоба Святейшему Патриарху от церковного исполнительного органа Преображенской церкви села Барснево Клепиковского района на председателя сельсовета Лабзова, который не считал нужным заверять подписи родителей об их согласии окрестить ребенка [93]. По схожему поводу пишет свою жалобу в адрес уполномоченного жительница села Троица Кораблинского района А. Покидова, которой сельсовет ни под каким предлогом не давал разрешения на крещение ребенка [94]. В посел-

ке Тума Клепиковского района санэпидемстанция пыталась запретить крещения под предлогом эпидемии гриппа [95].

Понятно, что многие из тех, кто совершал требы, не были заинтересованы в их регистрации, поскольку вся информация, получаемая советскими и партийными органами, передавалась на место работы выявляемых с указанием на немедленное реагирование. Поэтому многие священники сознательно шли на нарушение инструкций и хранили журнал регистрации треб у себя лично или в алтаре.

Нередко отсутствие храма и священника в селе пытались восполнить так называемые «самосвяты». В декабре 1964 г. уполномоченный Малиев пишет в адрес Шиловского райисполкома письмо, в котором просит принять меры по пресечению нелегальной деятельности проживающего в поселке винзавода Аделино «некоего отца» Ильи, называемого «убогим» (по распространенным слухам, бывшего священника), производящего тайное крещение детей [96]. В сельские приходы приезжало много горожан и иногородних, чтобы, договорившись через знакомых с местным священником, без огласки и регистрации окрестить своего ребенка. За 8 месяцев 1965 г. в Рязанской области окрестили 253 детей, проживающих вместе с родителями во Владимирской области [97]. Аналогичная «крестильная миграция» шла со стороны Москвы и Московской области. Несмотря на ужесточение борьбы государства за вытеснение религиозной обрядовости, падение к 1964 г., по сравнению с 1961 г., количества совершаемых треб (на 40 % крещений и 60 % венчаний — самого доходного вида треб), доходность от них увеличивается втрое (см. табл. 1 и 2).

Как видно из таблицы 2, годовой валовый доход епархии, несмотря на усилия властей его минимизировать, неуклонно рос. Статистика за 1960—1964 гг. показывает, что в среднем годовой валовый доход составлял 1,5 млн. руб. Небольшое понижение наблюдалось только в трудном для экономики церкви 1961 г. — на 164,5 тыс. руб. Сумма годового оборота 1963 г. уже превысила показатели 1960 г. Валовый доход за этот год составил 1 550 649 руб., в том числе доля городских приходов — 934 160 руб., сельских — 616 469 руб. [98].

Чистый доход епархии в 1962 г. увеличился по сравнению с 1961 г. на 118 тыс. руб. и составил 356 207 руб., в том числе у церквей городов и поселков городского типа — 230 852 руб., у сельских храмов — 125 355 руб. [99]. В справке в Рязанский обком КПСС о состоянии и деятельности религиозных объединений

от 7 декабря 1963 г. уполномоченный Малиев сообщал, что «религиозные объединения в нашей области пользуются еще значительной материальной поддержкой верующих». Отметив нарастание общего дохода, уполномоченный констатировал продажу за отчетный год 20 тонн свечей, 1,5 млн. просфор, 100 тыс. крестиков и 10 тыс. иконок [100].

В архиве уполномоченного много документов, указывающих на высокую доходность ряда сельских приходов в 1958—1964 гг. Так, уполномоченный сообщал в отдел пропаганды и агитации обкома КПСС, что в 1957—59 гг. наблюдался рост доходов церквей Скопинского района: в городе Скопине на 20 %, селе Казинка на 45 % [101]. В церкви г. Скопина на Пасху зажигали электрические гирлянды. В храме города Михайлова провели паровое отопление, в некоторых церквях районных центров настоятели пытались заказать мини-электростанции [102].

В 1961 г. доход 8 церквей Михайловского района составлял 160 тыс. руб., в том числе в Прудской Слободе — 58 тыс. руб., Фирюлевке — около 21 тыс. руб. Доходы размером 10 тыс. руб. и выше наблюдалось в 28 из 52 сельских приходов [103]. Подобная доходность ряда сельских приходов наблюдалась при снижении валового дохода епархии в 1961 г. по сравнению с 1959 г. на 300 тыс. руб. [104].

Разлив рек во время Пасхи на доходы не влиял. Как следует из сообщений уполномоченному с мест, население стремилось компенсировать потери, которые несли церкви во время разлива. В 1958 г. уполномоченный отмечал дорогие пожертвования на Пасху. На украшение 20 сельских храмов пошел 1 млн. руб.[105] .

Высокие церковные доходы позволяли церквям содержать большое количество рабочих и служащих в храме, вовлекая их во внутрицерковные дела и делая кровно заинтересованными в ее жизни и деятельности. В 1958 г. в Рязанской епархии насчитывалось 193 рабочих и служащих, в том числе 118 человек в сельской местности, на выплату зарплаты которым шло 140 тыс. руб. Интересна деталь: в штате епархиального управления работали 5 бухгалтеров и счетных работников [106]. Расходы на штат в 1961 г. составляли 500 тыс. руб. В принципе количество персонала, получавшего зарплату в Рязанской епархии было не столь большим. Для сравнения в 1962 г. в храмах Тамбовской епархии зарплату получали 576 человек [107].

Из информации старосты кафедрального собора уполномоченному следует, что в 1962 г. заработок у каменщиков равнялся

зарплате профессоров [108]. На украшение Собора и иконостаса пошло 5 млн. руб.[109]. Были заасфальтированы двор Собора и улица, ведущая к нему [110].

Церковные хоры насчитывали в общей сложности около 300 человек [111]. Стоимость содержания хора в Борисо-Глебского собора в 1959—1961 гг. составляла от 430 до 450 руб. в месяц [112]. В справке об израсходовании средств на содержание церковного хора села Прудская Слобода фигурирует цифра в 7 785 руб., что соответствовало расходам на эти цели церковных общин, расположенных в районных центрах. Всего на выплату певчим зарплаты расходовали около 126 тыс. руб. в год [113]. Епархия содержала собственный транспорт (4 единицы), изъять который через ГАИ в 1964 г. уполномоченному в полном объеме не удалось. Тем не менее, изъятие машин резко сказалась на доходности тех приходов, которые они обслуживали. Кроме того, на балансе епархии числилось 50 жилых домов, гаражей и других подсобных помещений [114]. По информации уполномоченного в Совет по делам РПЦ владыка пытался в благотворительных целях передать легковую машину городской больнице №4, в которой лечился[115]. Была предпринята попытка дискредитировать архиепископа Палладия в глазах общественности. Этим целям служили, например, статьи, размещенные в газете «Приокская правда»: «Под черной рясой (о черных делах рязанских служителей культа)» [116], и «Доходная ризница (о неблаговидных делах архиепископа Рязанского и Касимовского Палладия)» [117]. В последней владыка обвинялся в том, что после перевода в Рязанскую епархию он, якобы, не вполне законно выкупил лично ему принадлежащее облачение, ранее им же поставленное на баланс Оренбургской епархии [118].

Стараясь смягчить ограничительную политику властей в отношении духовенства, архиепископ Палладий (Каминский) в 1963 г. значительно увеличил оклады священникам, директивно сокращенные государством в 1961 г. в 2 раза (до 200 руб.). Выдавались пособия и ссуды священникам. Так, священник Оливков получил ссуду епархиального управления в размере 5 тыс. руб., а исполнительный орган религиозного общества в городе Ряжске выдал ссуду священнику Колесникову на постройку дома в размере 4 тыс. руб. Имели место факты, когда ссуды списывались как безнадежные [119].

Несмотря на гонения, не прекращалась прямая помощь от верующих. В 1965 г. церкви епархии получили от верующих 1,5 тонн муки, тканей — 710 м, полотенец и платков — 890 шт. [120].

Немаловажным мотивом оказания финансовой помощи было то обстоятельство, что люди справедливо опасались, что их приходы закроют по причине долгов или малой доходности. Запретить благотворительные взносы власть не имела права, поэтому довольствовалась рекомендациями в адрес верующих воздерживаться от приношений в Церковь.

Староста церкви города Скопина Федюкин Г.А. в беседе с уполномоченным заявил, что за 2 года наблюдал, что на Пасху многие верующие покупали 20—30 свечей и около 50 просфор в одни руки [121]. В селе Лесуново церковный староста А. Чужакова сообщила уполномоченному, что верующие на Пасху в одни руки покупали 15—20 свечей и около 30 просфор. В Пасхальную неделю продажа свечей давала 80 % доходов [122]. Можно полагать, что подобная ситуация повышенного спроса на свечи и просфоры имела место во все двунадесятые праздники.

Поскольку количество приходов в Рязанской области в первой половине 60-х гг. уменьшилось: за период 1960—65 гг. был закрыт 21 приход, т.е. 25 % (см. табл. 1), верующие ряда малых сел вынуждены были посещать действующие церкви, находящиеся от них на большом расстоянии, расходуя немалое время на дорогу. Выход в этом случае настоятели церквей находили в том, что по праздникам проводили несколько служб в течение дня [123].

Верующие оказывали помощь не только местным храмам, но и закрываемым монастырям в других регионах страны. В 1961 г. в Почаевскую Лавру от верующих Рязанской области было отправлено на поминание 2 тыс. руб. Отправителями были 16 человек, при вкладе каждого от 50 до 200 руб. [124].

И все же власти удалось понизить отдельные статьи доходов епархии. Так, в 1964 г. более чем в 2 раза упали доходы церкви от продажи крестиков — до 23 тыс. руб., что явилось следствием борьбы властей с практикой крещений в церкви. В 2 раза падают также отчисления в епархию от приходов — до 42,5 тыс. руб. При этом количество совершаемых треб падало, оставался на одном уровне тарелочно-кружечный сбор, пожертвования уменьшались просто катастрофически: каждые два года наполовину (см. табл. 1 и 2).

При анализе экономической жизни Церкви в исследуемый период следует учитывать, что реформа приходского управления, проведенная в 1961 г., создала препоны на пути серых схем. Теперь церковные исполнительные органы, в пользование к которым от настоятелей церквей перешли печати и штампы, были за-

интересованы в максимально полном учете церковных треб, поскольку все доходы шли в распоряжение этих органов, при этом духовенству они просто выплачивали зарплату. Члены исполнительных органов нередко информировали уполномоченного о фактах совершения священниками обрядов на домах у верующих без соответствующего оформления. Благодаря такой скрытой поддержке информаторов государство контролировало финансовую деятельность приходов. Ревизионные комиссии практиковали мгновенную ревизию свечных ящиков. Особо ужесточались контроль и наказание за малейшие финансовые нарушения. Не случайно увеличение доходов епархии уполномоченный объяснял Куроедову по-своему: дескать, после отстранения от хозяйственно-финансовой деятельности служителей культа, в религиозных обществах был упорядочен финансовый учет и контроль[125]. Конечно же, это не исключало факты вмешательства некоторых священников в финансово-хозяйственную деятельность религиозных обществ. Из-за стесненности административно-финансовыми барьерами они порой шли на несанкционированный ремонт культовых зданий, что нередко вызывало конфликты с церковным советом и исполнительным органом.

Мощным инструментом в борьбе власти со священнослужителями, особенно с теми, кто сопротивлялся политике сокращения приходов, являлась финансово-налоговая отчетность. В июне 1961 г. управляющий Казанской епархией архиепископ Иов (Кресович) был приговорен к лишению свободы сроком на три года с конфискацией имущества за неуплату налогов с так называемых «представительских сумм» (содержание машины, секретаря, поездки по епархии и т.п.). Эти расходы, в соответствии с законом, в налоговую инспекцию не сообщались и обложению не подлежали. Владыка предложил уплатить все, что с него требовали, но это не помогло, и дело дошло до Верховного суда Татарской АССР и трехлетнего заключения [126].

Показательно уголовное преследование рязанского епархиального секретаря протоиерея Константина (Гаврилкова), личности по-своему интересной. Магистр богословия Варшавского университета, о. Константин служил митрофорным протоиереем в Польской автокефальной православной церкви. В апреле 1945 г., будучи настоятелем русской посольской церкви в Вене, обратился к Патриарху Алексию I с просьбой принять в юрисдикцию Русской Православной Церкви [127]. В послевоенные годы служил в

приходе городе Кобрин Брестской области, затем настоятелем Казанского храма города Сасово Рязанской области.

В 1962 г. о. Константин, занимавший должности ключаря кафедрального собора Рязани и епархиального секретаря, попал под пресс правоохранительных органов. В эти годы острой проблемой для епархии становится приобретение гарного (лампадного масла). Выделение его из государственного фонда «Главнефтесбыта» было запрещено уполномоченным [128]. Приходилось обращаться к отдельным предприятиям. В 1961 г. завод автоаппаратуры, несмотря на получение аванса в сумме 856 руб., в одностороннем порядке приостановил исполнение обязательств [129]. Поиск лампадного масла пришлось перенести в Москву. Агент по снабжению епархии некий Ларин по вине поставщика в лице спецбазы авиапромышленности заказ в количестве 11 бочек лампадного масла (в придачу с кровельным железом) в Рязань не доставил [130]. Прокуратура завела на Ларина уголовное дело, а по статье «соучастие» на о. Константина (Гаврилкова) и бухгалтера инокиню Фиву (Климентовскую). Решением суда от 18 декабря 1962 г. они были приговорены к 3 годам лишения свободы. Подсудимые пробыли в следственном изоляторе 4 месяца. Лишь 30 мая 1963 г. уголовное дело было прекращено и неправомерно осужденные оправданы по кассационной жалобе Верховным судом РСФСР [131] Что касается проблемы дефицита масла, епархия вынуждена была приобрести отработанное трансформаторное масло в электромастерских «Сельэнерго» [132].

В соответствии законом подоходный налог у священнослужителей взимался в максимальном 50 % размере (как у «некооперированных кустарей). Поэтому, если певчие-пенсионеры получали вознаграждение от прихода, то они попадали под налоговый пресс, лишающий их последних средств к существованию. Это приводило к оттоку певчих из церковных хоров. В 1960—1962 гг. тамбовский уполномоченный предлагал Совету по делам РПЦ рекомендовать Патриархии принять решение о переводе церковных хоров с платной на любительскую основу [133]. Одной из форм ограничения финансово-экономической деятельности Церкви являлись обязательные отчисления в Фонд мира. В 1962 г. в Фонд мира от Рязанской епархии поступило 125 тыс. руб. (достаточно большой взнос по сравнению с 50 тыс. руб. от Владимирской епархии), в 1963 г. — 190 тыс. руб. (сельские храмы — почти 40 тыс. руб.) [134]. Отчисления приходов в Фонд мира равнялись величине дохода епархии. Они были строго обязатель-

ными и находились под персональным контролем уполномоченного. Так, в 1963 г. Малиев направляет председателю церковного исполнительного органа села Высокие Поляны предписание перечислить деньги в Фонд мира, отметив, что в банке 3 801 руб. на эти цели имеются. Тот же самый подход применяется в отношении прихода села Воршево [135]. Кроме того, епархия делала ежегодные перечисления на счет «Общества охраны природы». Во второй половине 60-х гг. ежегодные отчисления епархии в Фонд мира упали в 3—6 раз [136].

Основным оружием в арсенале приемов противоборства с Церковью была налоговая политика. В соответствии со ст. 19 Закона о подоходном налоге, священники повышенный налог с суммы зарплаты, такой же, как некооперированные кустари. В 1962 г. все духовенство было переведено на твердые оклады. Коммунальные платежи и квартплата была для священнослужителей в 4 раза выше, чем для всех других граждан. Исключения не делались и для правящих архиереев. В 1961 г. финансовые органы обложили подоходным налогом все дополнительные отчисления приходов на представительские расходы архиерея и содержание архиерейского дома, начиная с 1959 г., на общую сумму в 480 тыс. руб. в старом исчислении. Данная сумма была получена по результатам проверки крупных приходов. Владыка Николай пытался предупредить возникновение подобной коллизии. Еще в 1958 г. он потребовал от благочинных и вверенных им приходов воздерживаться от каких-либо подношений, даже поздравительных телеграмм ко дню его ангела [137].

Несмотря на рост денежного оборота, экономическое положение Рязанской епархии в первой половине 60-х гг. нельзя признать вполне благополучным. Расходы все равно превышали доходы. Например, к 1965 г. доход епархии составлял 191 тыс. руб., а расход — 220,4 тыс. руб. [138]. При этом, по данным 1962 г. добровольные взносы церквей в пенсионный фонд епархии составили 30,3 тыс. руб., тогда как на пенсии необходимо было 45 тыс. руб., при наличии 42 заштатных священников. Количество священников-пенсионеров составляло 50 % от служащих священников. В ряде других епархий (например, Владимирской) эта пропорция была больше в сторону священников, находящихся на покое [139]. На содержание духовных учебных заведений перечислялось 15 тыс. руб. [140].

При анализе финансово-экономического состояния церковной организации нельзя не учитывать макроэкономических фак-

торов. В начале 60-х гг. в сельском хозяйстве СССР наблюдалось снижение темпов роста производства. Так, темпы роста сельского хозяйства упали до 1,5 % в год. Интенсивная монокультурная эксплуатация целинных земель привела к их сильной эрозии. В 1959—64 гг. среднегодовое производство зерновых на душу населения едва превышало уровень 1913 г. Чтобы избежать голода, правительство вынуждено было закупить за границей зерно. Трудности, переживаемые сельским хозяйством, отражались и на городском населении. Правительство пошло на непопулярные меры. Проведенная в 1961 г. денежная реформа не привела к улучшению жизни населения. 1 июня 1962 г. вышло постановление Совета Министров СССР о повышении цен на мясо-молочные продукты на 25—30 %. Обострение продовольственной проблемы в стране вызвало социальные протесты в ряде регионов. Особые трудности испытывало сельское хозяйство Рязанской области, которое после скандального провала ларионовского проекта 3-х планов по мясу оказалось отброшенным назад.

В целях скорейшего решения задач коммунистического строительства власть вела наступление на личное подсобное хозяйство. Ограничивалось приусадебное хозяйство. Колхозники в социальной сфере оказались самой обделенной категорией. Лишь в 1964 г. они получили право на пенсию, а пенсионный возраст наступал для них на 5 лет позже, чем для других категорий трудящихся. Только в 1966 г. колхозники, подобно рабочим совхозов, стали получать регулярную заработную плату. С учетом всех этих обстоятельств бескорыстную финансовую поддержку Церкви со стороны верующих-селян можно рассматривать как подвижничество и преданность православной вере.

Для успешного наступления на религию в рассматриваемый исторический период, имелись, казалось бы, все предпосылки. Урбанизация, миграция населения, новые информационные связи и другие процессы, связанные с научно-технической революцией, изменение социально-профессиональной структуры советского общества, а вместе с ней социальных связей людей, возможности удовлетворения их социально-бытовых и образовательных запросов (курс на коммунистическое «общество потребления») способствовали секуляризации бытового уклада. Многообразие компонентов урбанизированной среды с ее высокой технической оснащенностью, развитой сетью средств массовой коммуникации и специфической социально-культурной средой ослабляли воздей-

ствие традиционного мнения и способствовали размыванию православных традиций.

Массы населения, незнакомые с теоретическими деталями программы строительства коммунизма, с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им земной рай в ближайшей исторической перспективе. В конечном счете, это была трагедия для многих поколений советских людей. Вначале же для людей, находящихся под воздействием коммунистической идеологии, это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от «химер совести» — нравственных обязательств и ограничений религии. Многие стали невольными проводниками политики духовного насилия.

Проблема иллюзорности свободы человека в обществе в 60-е гг. получает новое звучание, поскольку именно в этот период по-новому ставится вопрос о цели и смысле человеческой жизни, выборе жизненного пути. Тот выбор, который в экстремальных ситуациях войны и послевоенного восстановления за человека совершала как бы сама История, теперь можно было делать самому, не ограничивая себя в чем-либо, как это случалось ранее.

Сбрасывая с себя духовные ограничения, люди не подозревали, какого рода духовное закрепощение идет им на смену. Новое закрепощение приходило, прежде всего, как освобождение от старого, которое, согласно законам массовой психологии, воспринималось как наихудшее. Парадоксальным было то, что православная вера в 60-е гг. воспринималась в массовом сознании и как пережиток старой, досоветской России, и, не без помощи нового политического руководства, как рецидив сталинского нового курса в государственно-церковных отношениях.

Нередко массы населения сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. По высказыванию богослова Серафима (Роуза) «Смерть Бога в их сердцах порождала философию «бездуховности». Без поддержки населения Хрущев не смог бы развернуть столь мощную антицерковную кампанию. По мнению А. Зиновьева, это было не только насилие и самонасилие, не только обман и самообман. Это была битва за души и умы масс населения [141].

И все же, несмотря на крутые социальные перемены, смена традиционного уклада жизни шла достаточно медленно. Внешние проявления религиозности (так называемая «домашняя религиозность») считались традиционным компонентом сельской

жизни. Об этом свидетельствуют результаты опросов общественного мнения, проведенных Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» в 1960—1964 гг. Из 1933 опрошенных жителей села только 32 (1,6 %) назвали связь с церковью отрицательной чертой своих односельчан [142].

Тяготы войны и послевоенных лет, незабываемая память о родных и близких, погибших за Родину, неутихающая боль об утратах, усталость и надлом накладывали свой отпечаток на значительную часть населения, и побуждала до конца жизни искать утешения в церкви, вопреки официальному тезису о том, что «советские люди не нуждаются в религиозном утешении».

В 1950—60-е гг. продолжился переход к индустриальному обществу, начатый в довоенный период. Динамичный процесс урбанизации вызвал рост маргинальных слоев населения. Маргиналами становились вчерашние крестьяне, расставшиеся с традиционным сельским укладом жизни. Массовые миграционные потоки вчерашних селян, вырванные из привычной среды обитания, утратившие прошлый социальный статус и вышедшие из-под обычного контроля многочисленных родственников и локальных сообществ, вливались в нустойчивые сообщества с ослабленными коллективными связями и неэффективными регуляторами индивидуального и группового поведения (общественное мнение, моральные санкции, и тп.).

Процесс массовой маргинализации распространялся и на население поселков городского типа. Нельзя упускать из виду также то, что «выход из крестьянства» в ряде случаев был чисто условным, поскольку одни и те же люди меняли свое социальное положение, не меняя при этом место жительства.

Социально-психологическими последствиями стремительных цивилизационных перемен были нарушение механизмов идентификации и самоидентификации личности, дезадаптация, дискомфорт, растерянность людей, выбитых из привычного социума. Можно говорить о своеобразных эсхатологических ожиданиях конца традиционного мира. Общественное сознание и массовое поведение в подобной ситуации закономерно приобретало иррациональный, непоследовательный, в известном смысле раздвоенный характер. Проявления подобной двойственности не ограничивались сферой трудовых и общественных отношений. Они находили свое отражение на уровне индивидуального сознания, которое так же, как и массовое сознание, носило черты синкретности.

Если сравнивать реакцию маргинальные слоев населения времен довоенной индустриализации [143] и хрущевской модернизации на церковную политику государства, отметим очевидную разницу. Канул в прошлое мощный репрессивный аппарат. Рекомендуемая властью модель поведения в отношении Церкви принималась уже не столь безоговорочно, как в период деятельности «Союза воинствующих безбожников». Была еще в памяти эпоха церковного возрождения 1943—1958 гг. Поэтому двойственность сознания маргинальных слоев общества проявлялась не только в сосуществовании бытийно-онтологического и идеолого-герменевтического начал, когда люди совершенно спокойно обходились без всякой религиозности в быту и повседневной жизни. В их ментальности была заложена глубинная тяга к воображаемосовершенному, справедливому будущему миру (именно этой потребности служил культовый миф коммунизма) [144]. Дуализм сознания состоял также и в том, что люди скорее формально соблюдали антицерковные предписания власти, осознавая невыгодность их явного нарушения на фоне коммунистической риторики. Психологическое «раскрепощение» часто открыто проявлялось у них в расторможенном, пьяном виде.

Обиду на власть испытывали не только пострадавшие от жестокостей и несправедливости предшествующей эпохи, но и внешне законопослушные граждане. У них сильнее и «почвеннее» звучал «советский парафраз» старого российского мифа о «добром царе» и его «злых слугах». Нередко в роли положительных, но униженных и оскорбленных вождей выступали вчерашние лидеры сталинской эпохи. Носители подобного типа сознания были способны в силу своеобразия своего манихейского, «черно-белого» восприятия реальности к стойкому сопротивлению бесцеремонным распоряжениям власти. Сохранявшиеся среди населения романтические мечты о светлом коммунистическом будущем, создававшие психологическую основу стабильности режима, становились мотивом для стресса при злоупотреблениях власти, а попрание (действительное или мнимое) справедливости превращало маргиналов в недовольных. Прагматический цинизм и деградация «коммунистической мечты» в брежневскую эпоху создавали гораздо меньше возможностей для недовольства. Позднее маргиналы постепенно приспособились к власти и ее несправедливости, зная действительную цену ее мифам.

По мнению специалистов сферы социальной философии, сопричастность к тоталитарному государству вызывала у людей целую гамму чувств, начиная от конформизма, кончая неприязнью и ненавистью [145]. В силу своих внутренних психологических особенностей, маргинальные слои в целом неодобрительно относились к регламенту и жестким правовым предписаниям и ограничениям, затрагивающим их традиции и привычки. Порожденная сезонной спецификой сельскохозяйственного труда определенная «рваность характера» и импульсивность бывших селян не вписывались в городской ритм производства и быта. Не могли вызвать одобрения запретительные меры по отношению к церковным праздникам, например, перенос выходного дня с Пасхального воскресения 29 апреля 1962 г. на понедельник. Партийные и государственные чиновники были поражены размахом и составом участников празднования православной Пасхи в Москве 16—17 апреля 1960 г., когда все церкви города были переполнены народом, а в освящении куличей приняли участие 400 тыс. человек [146]. Необходимость тайного проноса в сумках в церковь пасхальных куличей для освещения также не могла не раздражать. Фактов волюнтаристских проявлений нажима, насилия, демагогии, вызывающих недовольство людей, было предостаточно.

Рецидивы самовластья и административной несвободы на фоне провозглашенной «оттепели» не могли не вызвать недовольства и протестного поведения, пусть порой молчаливого. Об этом свидетельствует долгая и напряженная борьба власти с церковной обрядностью. Люди, совершающие церковные обряды, сознательно рисковали членством в партии, комсомоле, званием ударника коммунистического труда. Кроме того, храмовая жизнь нередко выступала альтернативой непривычному чувству одиночества в «хрущевских квартирах», неудовлетворенной потребности общения.

Православные нормы жизни, на которых традиционно строилась жизнь крестьянского сообщества, несмотря на гонения, утрачены не были. По меткому высказыванию американского исследователя Л. Холмса, можно было взорвать церкви, но не крестьянские избы, где в красном углу, так же как и в храме, висели иконы [147]. Безусловно, усиление веры в годы войны и первый послевоенный период, позднее сменилось некоторым падением религиозности советского общества. В основе открыто проявляемых религиозных чувств людей перед лицом военной опасности

и в атмосфере Победы была эмоциональная: отчаяние, страх, надежда. В мирной жизни случаев открыто проявляемой религиозности было меньше, но религиозное сознании все же было гарантировано от мгновенной трансформации многовековой традицией. Веками складывалась, например, точка зрения на охранительное предназначение икон, нательного креста, приношение в церковь как на спасительное для жертвователя дело.

Итог богоборчества Хрущева получился обратным: сам того не желая, он укрепил религиозные чувства верующих, сделав их более глубокими. Такую возможность в мировом развитии в послевоенную эпоху прогнозировал Тойнби. Он полагал, что в условиях насаждения безбожия «пламя религии могло вспыхнуть с новой силой, как это случилось на развалинах эллинского мира» [148].

Парадоксальные результаты богоборческой политики, проводимой в эпоху Хрущева, не обойдены вниманием российских исследователей. «Религиозная жизнь, загнанная в подполье, привлекла симпатии многих верующих, безразличных людей к страданиям верующих, пробудила интерес мировой общественности к положению Церкви в Советском Союзе», — справедливо указывает Шкаровский [149]. Аналогичные тенденции роста привлекательности Церкви и парадоксы церковной экономики наблюдались в Тамбовской и Владимирской епархиях. Статистические данные Тамбовской епархии схожи с финансово-хозяйственными показателями Рязанской епархии (См. табл. 3 и 4). Во Владимирской епархии общая доходность приходов тоже имела тенденцию к повышению: в 1959 г. по сравнению с предыдущим годом повысилась на 3,7 % [150].

Анализ экономики Церкви в 1958-1964 гг. свидетельствует, что гонения укрепили в вере прежде пасомых и привлекли новообращенных. В трудные годы преследования Церкви государством верующие встали на защиту разрушаемых храмов. В своей борьбе за свободу вероисповедания они использовали как петиционную, так и открытую формы протеста. Однако наиболее действенной формой помощи церковной организации оказалась ее финансовая поддержка населением. В условиях усиления государственного финансового контроля и налогового пресса верующие своими кровными средствами активно поддержали Церковь, спасая ее от экономического упадка.

Красноречивым аргументом к сказанному может служить сравнительная статистика. К середине 60-х гг. ежегодный объем поддержки Церкви со стороны «отсталой части населения» — православных верующих — составлял 1,5 млн. руб. и превосходил объем взносов «передовой части советского общества» — 80 тыс. членов Рязанской областной организации КПСС — 1,022 млн. руб.[151].

Таблицы

Таблица 1

Год	***1958***	***1959***	***1960***	***1961***	***1962***	***1963***	***1964***
Число храмов	76	76	65	61	60	60	59
Штат священников	135	133	116	105	92	73	70
Реализация свечей (кг)	40000	—	16500	17000	20000	14500	17000
Продажа просфор (тыс. штук)	—	—	1561	1537	1500	1335	1205,5
Число крещений	—	—	14214	14883	14306	13099	9170
Число отпеваний (очных и заочных)	—	—	7058	7873	8089	8858	8395
Число венчаний	—	—	1250	1060	775	610	427

Сост. по: ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.96. Л.188.

Таблица 2

Доходы по годам (руб)	***1960***	***1961***	***1962***	***1963***	***1964***
От продажи свечей	697 750	717 044	728 671	788 783	811 370
От продажи просфор	244 037	240 353	234 528	259 613	254 463
За требы (крещения, отпевания, венчания)	100 316	90 997	293 822	317 249	319 510
За крестики, венчики, иконки	42 945	44 346	50 259	50 698	22 932
Тарелочно-кружечный сбор	69 792	66 947	70 701	72 793	72 518
Прочие поступления (пожертвования)	381 565	187 900	99 054	61 513	42 453
Валовый доход	1544050	1358373	1477035	1550649	1527324

Сост. по: ГАРО. Ф.Р-5629. Оп.1. Д.22. Л.73; Д.94. Л.128-136.

Таблица 3

Год	*1957*	*1958*	*1959*	*1960*	*1961*	*1962*
Продажа свечей	45877 58 %	4600474 65 %	5327059 63 %	5099267 63 %	525075 (нов. деньги) 61 %	618324 51 %
Продажа фосфор	2167124 28 %	1976162 28 %	2016354 24 %	1888600 23 %	191169 22 %	—
Пожертвования (вкл. «кружечный сбор»)	259345 4 %	826033 9 %	699124 9 %	63726 7 %	48991 5 %	—
Требы	235162 3 %	240118 3 %	386302 5 %	— 4 %	148826 14 %	266933 20 %
Сумма годового оборота	7071142	8409564	8073293	861018	1061801	1321810

Сост. по: Чеботарев, С.А. Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. — Тамбов, 2004. — С. 376.

Таблица 4

Год	*1958*	*1959*	*1960*	*1961*	*1962*	*1963*	*1964*
Число храмов	47	46	45	45	42	42	41
Штат священников	84	80	74	—	64	64	65
Число крещений (% к родившимся)	8091 (22,3 %)	11025 (31 %)	9974 (29,3 %)	9283 (30 %)	15084 (51,5 %)	16387 (57,2 %)	13150 (53,6 %)
Число отпеваний (% к умершим)	2333 (19 %)	3637 (27,5 %)	3322 (26 %)	—	3363 (25 %)	3606 (27 %)	7865 (61 %)
Число исповедовавшихся	132825	153741	131731	142840	—	—	—

Сост. по: Чеботарев, С.А. Указ. соч. — С. 377—378.

§ 3. Особенности вероисповедной политики государства, церковной организации и религиозной жизни населения с середины 60-х до конца 70-х гг. Продолжение петиционной деятельности верующих в новых условиях

Эпоха после смещения Хрущева с руководящих постов — неоднозначный период в истории Церкви. Его нельзя рассматривать в отрыве от социально-политических, демографических процессов, протекавших в советском обществе, а также особенностей международной политики. В это время положение Русской Церкви стабилизировалось, нормализовался ее правовой статус, но, тем не менее, было гораздо хуже, чем в конце правления Сталина. Борьба с институтом Церкви переместилась из области политической в область идеологическую. Акцент делался не на форсированное вытеснение православия из общественной жизни государства, а на сдерживание распространения православного учения и влияния Церкви, ограничение воспроизводства религиозного сознания в последующих поколениях.

В начале 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих» [152]. Во второй половине 50-х — первой половине 60-х гг. была реабилитирована часть незаконно репрессированных, даже по понятиям действовавшей тогда социалистической законности, священнослужителей и мирян. В период 1956—1964 гг. постановлением Президиума Рязанского областного суда были реабилитированы 10 священников, репрессированных в 1937 г. Президиум рязанского областного суда на заседании 16 декабря 1958 г. при пересмотре дела Е.А. Масловского (владыки Иувеналия) постановил из обвинения исключить ст.58 п.11 УК РСФСР. Полная реабилитация последовала только в 1989 г. [153].

В 70-е гг. процесс реабилитаций практически прекратился. Были, правда, единичные случаи. Например, Иван Петрович Смирнов, священник села Елино Захаровского района был реабилитирован постановлением Рязанского областного суда 24 марта 1978 г. [154].

В конце 60-х — начале 70-х гг. в СССР начало разворачиваться религиозное диссидентство. В целом оно было неоднородным. Наряду с диссидентами демократического, правозащитного направления были диссиденты, так называемого, национального

толка. В начале 70-х гг. наблюдался всплеск религиозного инакомыслия. В ноябре—декабре 1965 г. священники Московской епархии Г. Якунин и Н. Эшлиман пишут два письма-обращения, содержащих критику положения Церкви и верующих в СССР, в адрес Патриарха Алексия I и председателя Президиума Верховного Совета СССО Н.В Подгорного. В октябре 1966 г. группа из 12 верующих во главе с бывшим учителем, пенсионером Б. Тадановым пишет «Открытое письмо верующих Патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви». В 1971 г. в связи с подготовкой и проведением Поместного Собора РПЦ в его адрес было отправлено несколько открытых писем, в том числе «По поводу богословской деятельности высокопреосвященного Никодима, митрополита Ленинградского и Новгородского и других единомысленных ему лиц», подписанного священником Николаем Гайновым, мирянами Ф. Карелиным, В. Капитанчуком и Л. Регельсоном. Это письмо было опубликовано в самиздатовском журнале В. Осипова «Вече». В 1972 г. А.И. Солженицын пишет «Великопостное письмо» патриарху Пимену», где критикует священноначалие за 7-летний период пассивного развития института Церкви [155]. Призыв к отказу от конформизма с властью означал, по сути, требование отхода от той линии отношений Церкви с коммунистическим государством, которую определил Патриарх Сергий (Старгородский). За отказ выступить против проживающего в Рязани писателя А.И. Солженицына подвергся гонениям один из персонажей его произведения Виктор Георгиевич Шиповальников, рязанский протоиерей, ключарь кафедрального собора [156].

С конца 60-х гг. стал более активным голос протеста против посягательств на церковные памятники со стороны «Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК). Оно становится центром спасения, реставрации и пропаганды национального культурного наследия и воспитания людей в духе любви к традиционным русским ценностям. На средства от взносов организаций и граждан были отреставрированы: церковь Рождества Богородицы в городе Михайлов, Казанская церковь в селе Константиново Рыбновского района, церковь Успения на реке Вожа, настоятельский корпус Солотчинского монастыря, Певческий корпус и Архангельский собор Рязанского кремля [157].

В 70-е гг. в трудовую и общественную жизнь вступали поколения, рожденные в новой, Советской России. Заметно снизилась по сравнению с послевоенным десятилетием посещаемость

храмов прихожанами, поскольку из жизни уходило поколение старой России. Сокращались сельские приходы, которые, в связи с оттоком сельских жителей в города и уменьшения естественного прироста населения, теряли прихожан. Плотность сельского населения в Рязанской области в 1959 г. составила 48,9 % от параметров 1939 г., а в 1979 г . — 25,7 % [158]. Только в Нечерноземье за 1959—1970 гг. число сельских населенных пунктов уменьшилось с 180,3 тыс. до 142,5 тыс., т.е. на 21 % [159].

Продолжал раскручиваться маховик ликвидации так называемых «неперспективных деревень», ставшей, по сути, перспективным государственным планом разорения сельских поселений. Одним из негативных итогов этой политики стало не только продолжение депопуляции мелких населенных пунктов, старение населения, но и разрушение сложившихся сельских устоев. Население покидало «умирающие» деревни, а в центральных усадьбах не было возведено необходимого количества жилья. Люди с большой неохотой переселялись в многоэтажные дома. В ЦК КПСС постоянно шла информация не только о срыве заданий по переселению сельских жителей в неустроенные центральные усадьбы колхозов и совхозов, но и об их открытом отказе покидать родовые дома-гнезда.

С 1974 г. начала реализовываться многолетняя программа комплексного решения экономических и социальных проблем Нечерноземья. В 70-е гг. в Нечерноземье были направлены десятки миллиардов рублей, но они не дали ожидаемых результатов. Главное, так и не удалось осуществить одну из важнейших задач аграрной политики — создание жилищных и социально-культурных условий на селе. Социальная сфера финансировалась по остаточному принципу, по многоведомственному типу, что не позволило создать нормальную социальную инфраструктуру, развитую транспортную связь. Из-за форсированной миграции сельского населения и его урбанизации религиозная жизнь стала перемещаться в приходы поселков городско типа, районных городов и областного центра. В селах прекратилось воспроизводство религиозного сознания: доля лиц пенсионного возраста в Рязанской области к середине 70-х гг. составляла 60 % [160].

В общественное производство стало приходить послевоенное поколение. Экстенсивной экономике Советского Союза не хватало рабочих рук, и труд был востребован. Однако, уравнительный характер оплаты вызывал отчуждение труда, разрушение трудовых ценностей, деформацию не только социально-эко-

номического механизма, но и духовного самочувствия. Если в 50-е гг. в стране не хватало технических средств, а трудолюбия и добросовестности было в избытке, то в 70-е гг., наоборот, дефицитом стала культура инициативного, добросовестного труда. Поэтому потребовались такие пропагандистские кампании, как «пятилетка эффективности и качества», акцентирующие необходимость отхода только от валовых показателей.

Более открытое, по сравнению с прошлой советской историей, общество столкнулось с новыми социальными настроениями. Во вступающих в общественное производство поколениях растет иждивенчество, распространяются культы потребительства и накопительства. Возникает ситуация «испытания достатком» «испытания повседневностью». Складывается, по мнению социолога И.В. Ильинского, «иллюзорная система социальных перемещений», основанная на степени овладения некоей совокупностью социальных благ [161]. Соблазны городской жизни, отход новых горожан — бывших селян от православной аскетики, строгого соблюдения поста, сужение возможности для религиозного очищения через исповедь вело к состоянию, которое известный русский религиозный философ И.А. Ильин назвал «вырождением религиозного опыта». Такое состояние не следует представлять как одномоментный акт, оно протекало как процесс медленный и постепенный, приводя людей к безверию или суевериям и фетишизму [162].

Размытие идеалов, растущая деморализация, рост алкоголизма в «самом гуманном обществе» не могли не тревожить власть. Некоторые официальные идеологи начинают осознавать ценность религии как фактора, способствующего укреплению морали и социальных начал в жизни общества.

В то же время неудовлетворенность духовной бедностью и безликостью общества потребления, груз бездуховности не могли не пробудить у части общества интерес к христианским ценностям. В молодежной среде формируется своеобразная мода на христианскую символику. В городах начинается постепенное развитие сферы «автономной религиозности», основанной на поиске индивидом оснований для веры вне религиозной общины. Получает распространение так называемое «неисповедное Православие», когда носители его тайно свято хранили в душе своей веру и открывали ее молодому поколению лишь на смертном одре. Не всегда тайная форма исповедания была пассивной, особенно, в вопросах верности обрядам. Как только наступила по-

стхрущевская церковная оттепель, эти исповедники веры повели в храм креститься своих внуков.

Переход Советского Союза к индустриальному обществу, сокращение трудоемкости сельского хозяйства, недостатки материального стимулирования сельскохозяйственного труда вызвали массовые и динамичные процессы раскрестьянивания, сопровождающиеся миграцией из деревни молодого и трудоспособного населения, утратой любви к земле и желания трудиться на ней. Под влиянием городской социокультуры снизилась детность в сельских семьях, изменился семейный состав. Начались угасание сельских приходов, текучесть кадров священников и из-за низких материальных поступлений, обеспечивающих лишь выживание.

По данным социологических исследований, проводившихся среди сельского населения в начале 70-х гг., 83,5 % верующих составляли лица старше 50 лет. На домашних хозяек и пенсионеров приходилось 71,4 процента верующих. Доля женщин составляла 83 %. На 90 % это были люди малограмотные или имеющие начальное образование [163]. Это заставляло верующих села быть спаянными в борьбе за выживание.

В 1971 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания населения», в котором высший орган партийного руководства, констатировав ослабление внимания к атеистическому воспитанию населения, предостерегал партийные организации от «примиренческого отношения к распространению религиозных взглядов». Состоявшийся в 1971 г. Поместный Собор Русской Православной Церкви подтвердил постановление Архиерейского Собора 1961 г. «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», оставив определяющей роль церковной «двадцатки», которая фактически отстраняла настоятеля от руководства церковно-приходской деятельностью [164]. Церковных старост вызывали в исполкомы местных Советов и настоятельно рекомендовали им самостоятельно управлять финансово-хозяйственной деятельностью общины. Вмешательство священников не допускалось. Отчетно-выборные собрания «двадцатки» проводились только с разрешения райисполкомов. Ощущение одиночества, духовной изоляции, пессимизма, как следствие, вызывали порой халатное отношение к пастырским обязанностям. Разрушились прежние священнические династии на селе. Но перед реальностью закрытия приходов конфликты, злоупотребления и деморализация внутри общин прекращались. Это была естественная реакция православной

провинции, направленная на выживание и спасение православной традиции. Русская деревня изо всех сил пыталась сохранять религиозную жизнь.

В то же время были обнадеживающие моменты для Церкви. Более частыми становятся приходы в Церковь людей, (в особенности, интеллигенции) выросших в атеистических семьях. По наблюдениям уполномоченных, во второй половине 60-х гг. по сравнению с началом десятилетия число молящихся людей в городских храмах заметно прибавилось. Наблюдался феномен переливания традиционной сельской религиозности в города районного подчинения и поселки городского типа. За 20 лет (1939—1959 гг.) количество поселков городского типа в СССР увеличилось в 2 раза и в последующие годы этот процесс продолжался. Последние стали не только своеобразной промежуточной зоной миграции (превращение сел в городские поселения давало до 20 % прироста городского населения), но и распространения религиозности из села в город. Потери в межгородской миграции возмещались притоком из села. Процесс сокращения сельских приходов сопровождался пусть численно не адекватным, но увеличением числа приходов, а, следовательно, прихожан в городе (См. табл. 1, 2, 3). Преимуществом религиозной жизни городских приходов была регулярность богослужения, ежедневная литургия. И хотя советская социология показывала снижение доли верующих людей в составе населения страны, элементы религиозной обрядовости, базировавшиеся ранее на сельском традиционно-семейном укладе, с его разрушением переходят в городскую церковную жизнь. К 1980 г. в Борисо-Глебском кафедральном соборе Рязани на Пасху освещалось до 40 тыс. куличей, тогда как в 1966 г. — 15 тысяч [165].

Жизнь в городе требовала от бывших селян адаптивного ресурса. Увеличение количества контактов, избыточного безличного общения, изменение характера общения, ослабление социальных связей с микросредой приводили к некоей напряженности в человеческих отношениях. Возникали личные нравственные затруднения, болезненно переживаемая неудовлетворенность собой, симптом одиночества, нереализованных надежд и мечтаний. Особенно трудно переживали эти настроения пожилые люди, пенсионеры, инвалиды. Поэтому элементы традиционной, а потому привычной религиозности, умиротворяющий дух храма приносили необходимое успокоение.

Вместе с тем городская религиозность становится, как ни парадоксально, отчасти следствием повышения грамотности населения, доли среднего (ставшего всеобщим) и особенно, высшего образования. Интерес к духовной жизни перерастал в интерес к духовным началам православия. Следует при этом учитывать и постепенную аккумуляцию недовольства своим положением у инженерно-технической интеллигенции, занятой в различных научно-исследовательских институтах. Эта поначалу закрытая и престижная группа интеллигенции постепенно становится довольно большим новым социальным слоем советского общества. Меняется ее социальный статус, уменьшается размер оплаты ее труда по сравнению с квалифицированными рабочими. Появляются так называемые «инженерно-технические работники» (ИТР). Обостряется проблема востребованности так называемой «формальной интеллигенции», сужается пространство для самореализации личности.

Поскольку во второй половине 70-х гг. идея создания комплексной системы АСУ была отодвинута, и несостоявшаяся революция в области информатизации стала очевидной, усилились критические настроения в этой группе интеллигенции. Она тяготилась, навязываемой ей парткомами, общественной работой, зато имела тягу слушать зарубежные радиостанции. Нельзя также не учитывать ее доступ к копировальной технике. Именно «завлабы» оказались более всего восприимчивыми религиозному диссидентству. Возникает феномен «ухода во внутреннюю эмиграцию».

Число активно верующих, т.е. людей, более или менее посещающих церковные службы, соблюдающих посты рязанские партийные работники определяли в 15 %[165]. Несколько меньшим был общесоюзный официальный показатель. Социологические исследования первой половины 70-х гг. зафиксировали 9—11,5 % верующих граждан. Доля верующих среди горожан составляла 7,6 %. Допуская некорректность и необъективность социологических опросов тех лет, можно полагать, что число верующих было больше указанной величины [166].

Вернулась к прежним показателям обрядовая деятельность Церкви, особенно число крещений. Реальные цифры ее превышают официальную статистику (не менее 33 % в Рязанской области), поскольку церковные общины занижали цифры регистрации, скрывая финансовые поступления [167]. Уполномоченных же на местах заботила больше всего благополучная статистика.

В ряде сельских территорий, например, в Скопинском районе Рязанской области, крестили более половины детей [168]. Лишь отчасти это можно объяснить крещением детей, приезжающих вместе с родителями на лето в родные места из Москвы или граничащих с Рязанской областью районов соседних областей, где церкви не действовали.

В начале 70-х гг., после окончательной проработки секретарем обкома партии по идеологии А.С. Кожевниковым начала функционировать организационная структура системы атеистической работы среди сельского населения Рязанской области [169] (см. Приложения). После смещения Хрущева и отхода государства от радикального антирелигиозного курса работа «культовых» комиссий в местных Советах на некоторое время выпала из центра внимания в идеологической работе. В ряде районов они, по существу, бездействовали. Но уже 24 февраля 1967 г. облисполком утверждает типовое положение о работе комиссий о культах в местных Советах, проводятся семинары их председателей, а 26 апреля 1968 г. принимается постановление «О состоянии и мерах по улучшению контроля за соблюдением законодательства о культах». На предприятиях, колхозах и совхозах создаются группы содействия обрядовым комиссиям, которые начинают заниматься разработкой празднично-обрядовых календарей для трудовых коллективов [170] . Особое внимание власти стали уделять активизации клубной работы, поскольку в мотивах оттока молодежи из села стала часто фигурировать жалоба на отсутствие клубов или ограниченность клубной формы проведения досуга. В целях анализа ситуации в ряде сел Михайловского района Рязанской области в январе 1968 г. был проведен почасовой сравнительный мониторинг работы клубных мероприятий и церковных служб. Например, в селе Ижеславль клуб работал 162 часа, а объем церковной службы составил 112 часов [171].

В районах области разворачивается новый этап борьбы за внедрение новой обрядовости. Она проводилась не в столь воинственно-политизированных формах как в 20-е годы или в середине 60-х, когда нужно было заверять заявления родителей с согласием на крещение своего ребенка. Однако, уполномоченные по делам религий на местах, требовали регистрировать требы, исполняемые священниками. Нередко это приводило к ущемлению прав и унижению достоинства людей. В 1971 г. в Рязани имела место попытка суицида со стороны отца, доведенного до отчаяния административными придирками по факту крещения им сво-

его ребенка [172]. В целях вытеснения церковных обрядов под лозунгом укрепления института семьи в 1971 г. под Рязанский городской ЗАГС передается здание бывшего Дворянского собрания. С помощью символики и атрибутики акту бракосочетания придается эмоциональный характер. Для усиления фактора материальной заинтересованности открываются салоны сопутствующих товаров для новобрачных и новорожденных. К 1980 г. в торжественной обстановке светского ритуала регистрировали 42 % новорожденных и 82 % бракосочетаний [173]. На предприятиях, в колхозах, совхозах и учреждениях работали более 300 клубов читателей журнала «Наука и религия» [174]. Многотысячными тиражами распространялись книги из серии «Беседы с верующими», посвященные научно-атеистическому анализу всех православных праздников.

Новые советские ритуалы, которыми отмечались важнейшие события личной и общественной жизни, имели определенный успех, но все равно не могли полностью вытеснить старые православные обряды и церковные праздники. В 1971—1972 гг. в Борисо-Глебском соборе на Пасхальную службу собиралось до 8 тысяч верующих [175].

В 1975 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были внесены изменения в сохранявшее силу постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях». Этим указом Церковь наделялась признаками пусть ограниченного, но юридического лица, а именно разрешалось приобретение церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений[176]. Кардинально правовой статус РПЦ изменился только в 1990 г. Законом СССР «О свободе совести и религиозных организациях».

Мощный антирелигиозный натиск времен Хрущева, помноженный на меры административного преследования, оказал воздействие на церковную организацию. Упрощались службы, обряды, таинства. Хотя дискредитация священства прекратилась, возникла кадровая проблема. Существовала опасность превращения духовенства в узкую вымирающую социальную касту. В период с 1971 г. по 1981 г. число приходов в стране сократилось с 7247 до 7007. В первой половине 70-х гг. в среднем закрывалось по 50 приходов в год, в дальнейшем темпы закрытия снизились до 6 приходов ежегодно. На 7 тысяч приходов приходились около 6 тысяч священника. В начале 1970 г. в целом по всем епархи-

ям не хватало около 1000 священников, а поэтому не функционировало 768 приходов [177].

С 1970 г. впервые за советское время продолжилась канонизация святых Русской Церкви. В месяцеслов было внесено имя Преподобного Германа Аляскинского [178]. В проповедях и публикациях священникам запрещалось упоминать имена Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского и, конечно же, Царственных Мучеников и новомучеников Русской Церкви.

Ситуация в Рязанской и прилегающих к ней епархиях по кадровому обеспечению несколько отличалась от общесоюзной. В 1970 г. в Рязанской епархии насчитывался 51 приход и 73 штатных священников, во Владимирской епархии — соответственно 52 прихода и 69 священников. Более 2/3 из числа клира служили в сельских приходах. Примерно 30 % священников не имели богословского образования. Это была нормой в епархиях Центральной России. По сравнению с 1959 г. количество приходов сократилось на 30 % [179]. Немалую роль играл фактор географической близости к Москве. Тем не менее, клир епархий, более чем на половину составляли люди старше 60—70 лет, прошедшие лихолетье и испытания. Среди священников (до 20 %) были выходцы из Западной Малороссии — территории, вступившей в состав СССР в 1939 г. с нетронутой религиозной жизнью. Из них начали формироваться священнические династии. Именно украинские священники привнесли дополнительные элементы благолепия в украшение храмов.

Образовательный уровень священников был невысоким, что, впрочем, не смущало епископат. Журнал «Вестник Русского Христианского Движения» в № 130 за 1979 г. привел следующее высказывание по этому поводу архиепископа Житомирского Палладия (Каминского), возглавлявшего в первой половине 60-х гг. в Рязанскую епархию,: «Но это не беда… На духовной ниве главное не образование. Основное — преданность Церкви». Только в конце 70-х гг. в среде священства началось омоложение. Стали приходить люди, имеющие опыт светской деятельности, настойчивость и карьерные побуждения. К осени 1976 г. по сравнению с 1971 г. количество абитуриентов в духовные семинарии и академию удвоилось [180].

Кадры священнослужителей находились под пристальным вниманием уполномоченного по делам религий. Под его контролем были все: от рядового клирика до высокосвященства. Так, переписка рязанского уполномоченного по делам религий со сво-

им вышестоящим начальством за 1969—1970 гг. содержит информационное донесение о визите накануне Рождества в Рязань митрополита Никодима (Ротова), который навестил свою родину по поводу похорон матери. В сообщении фиксировалось не только количество сопровождающих митрополита лиц, но и все остальные подробности его пребывания в Рязани. Митрополит Никодим в сослужении 16 человек духовенства провел 3 службы в Борисо-Глебском соборе и Скорбященской церкви и двух человек посвятил в духовный сан. Особой подробностью отличалась информация о поминальной трапезе [181].

С февраля 1965 г. по август 1972 г. предстоятелем Рязанской кафедры был епископ Борис (в миру — Борис Гаврилович Скворцов). Он родился 30 сентября 1895 г. в селе Стрешневе Данковского уезда Рязанской губернии в семье священника.

В 1911 г. Борис Скворцов поступил в Рязанскую духовную семинарию, которую закончил в 1917 г. По окончании семинарии был рукоположен во диакона Успенского кафедрального собора, а спустя некоторое время — во священника к Борисо-Глебскому собору г. Рязани. Семейная жизнь о. Бориса была недолгой, в 1921 г. он овдовел. В 1923 году был назначен ключарем Борисо-Глебского собора.

Священника Бориса Скворцова частично коснулись гонения, воздвигнутые на Православную Церковь в России в 20—30-е годы XX века. В октябре 1925 г. он проходил обвиняемым по уголовному делу о «контрреволюционной деятельности Рязанской епархиальной канцелярии». Главными обвиняемыми по этому делу были архиепископ Рязанский и Зарайский Борис (Соколов), епископ Михайловский Глеб (Покровский). Отец Борис вел себя стойко. По поводу найденного у него при обыске журнала «Циркуляры», издававшегося под руководством архиепископа Бориса, никого не оговорил, никаких ложных показаний не дал. Он избежал осуждения и заключения и продолжил свое пастырское служение.

В 1930 г. священномучеником Иувеналием (Масловским), архиепископом Рязанским и Шацким, он был назначен настоятелем Борисо-Глебского собора. В 1935 г. указом Управляющего Рязанской епархией отец Борис был переведен священником к Скорбященской церкви города Рязани, а в 1938 г. митрополитом Московским и Коломенским, Местоблюстителем Патриаршего престола Сергием (Старгородским) протоиерей Борис Скворцов был утвержден настоятелем этой же церкви. В 1942 г. архиепи-

скопом Рязанским и Касимовским Алексием (Сергеевым) отец Борис был назначен епархиальным благочинным, а в 1944 г. тем он был переведен на должность священника к Никольской церкви города Касимова. Преосвященным Димитрием (Градусовым) в том же году он был назначен настоятелем той же церкви и благочинным Касимовского округа. В годы Великой Отечественной войны протоиерей Борис Скворцов проводил большую патриотическую работу. Он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В 1946 года указом архиепископа Димитрия (Градусова) он был вновь назначен священником к Скорбященской церкви Рязани и благочинным Рязанского округа. С 28 июня 1946 г. о. Борис назначается настоятелем Рязанского Борисо-Глебского собора и председателем Комитета по его восстановлению. За время настоятельства отца Бориса в кафедральном Борисо-Глебском соборе были сооружены три иконостаса, художниками Палеха написаны новые иконы, расписаны стены и плафоны. Были вызолочены главы и кресты собора.

В 1951 г. епископом Рязанским и Касимовским Николаем (Чуфаровским), протоиерей Борис был назначен благочинным Рязанского округа и членом Епархиального Совета. В том же году Святейший Патриарх Алексий I назначил протоиерея Бориса Скворцова членом делегации Русской Православной Церкви на III Всесоюзную конференцию сторонников мира, которая проходила в Москве.

Постановлением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I и Священного Синода от 5 февраля 1965 г. протоиерею Борису Скворцову, по пострижении в монашество и возведении в сан архимандрита, определено быть епископом Рязанским и Касимовским. 16 февраля в Троице-Сергиевой Лавре состоялось пострижение протоиерея Бориса Скворцова в монашество с оставлением прежнего имени.

21 февраля 1965 г. в рязанском кафедральном Борисо-Глебском соборе за Божественной литургией архимандрит Борис был рукоположен во епископа Рязанского и Касимовского. Хиротонию совершили митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим, архиепископ Таллинский и Эстонский Алексий и епископ Дмитровский Филарет. После отпуста литургии митрополит Никодим вспомнил как, будучи отроком, прислуживал иподьяконом о. Бориса в Скорбященском храме [182].

Владыка Борис всегда оставался трудолюбивым, заботливым и ревностным пастырем. Он был скромен в отношении с клиром и верующими, терпелив и миролюбив. В таком же духе проходило его архипастырское служение на Рязанской кафедре.

Первый постхрущевский период привнес новые элементы государственной политики по отношению к Церкви. С 1972 г. в Рязани действовал научно-исследовательский атеистический центр как опорный филиал Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС. Большой «вклад» в атеистическую пропаганду вносило общество «Знание», хотя это не являлось основным направлением лекционной работы. Областное общество «Знание» размещалось в здании бывшей Ильинской церкви г. Рязани.

В 1965—1969 гг. совершается «гибкое» изъятие в бессрочное пользование церковных ценностей под предлогом их слабой защищенности в хранении и плохих условий содержания. Власть не собиралась создавать нормальные температурные условия в храмах и обеспечить сохранность произведений искусства. Охранная сигнализация в храмах стала устанавливаться позже. На сотни старинных произведений церковного искусства были составлены, так называемые, охранные свидетельства, и они были переданы в запасники Рязанского художественного музея. Наиболее ценные иконы передавались на реставрацию в Москву, далее десятилетиями экспонировались по зарубежным музеям и в родные храмы не возвращались. На протяжении 5 лет в Рязанской области работала научная экспедиция Государственной центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. И. Грабаря (ГЦХНРМ). Только в июне 1965 г. члены экспедиции вместе с сотрудниками Рязанского художественного музея проехали 3330 км, посетили 12 районов и обследовали 36 церквей. Составлены охранные свидетельства на икону Иоанна Предтечи церкви Смоленской Богоматери села Высокие Поляны Пителинского района, икону «Крещение» Вознесенской церкви города Спасска, икону «Николы поясного» из старообрядческой Покровской церкви Клепиковского района. В этом храме хранились иконы, привезенные из закрытых после 1917 г. московских храмов. Для экспонирования в Москве была изъята икона «Николы» из Борисковской церкви Клепиковского района. Членам экспедиции не удалось посмотреть храм села Пушкари, закрытый в 1962 г. Община верующих не дала ключи, опасаясь окончательной ликвидации церкви.. Перемещение ценных икон из Рязани в Москву продолжилось в 70-е гг. В 1975 г. почти на 20 лет на рес-

таврацию была увезена «Феодотьевская икона Божией Матери «Одигитрии» [183].

В 1972 г. епископ Борис стал часто болеть. За полгода до его кончины, по линии Совета по делам религий при Совете Министров СССР начался подбор преемника. Об этом свидетельствует письмо уполномоченного Совета в Рязанской области П.С. Малиева Председателю Совета по делам религий В.А. Куроедову от 10 февраля 1972 г., в котором он рекомендует в перспективе на место епископа Рязанского и Касимовского настоятеля рязанского кафедрального собора Бориса и Глеба архимандрита Авеля (Македонова). У архимандрита Авеля в феврале 1973 г. должна была закончиться трехгодичная командировка в Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне.

Архимандрит Авель (в миру Николай Николаевич Македонов) родился в 1927 г. в селе Никуличи Рязанского района Рязанской области в крестьянской многодетной семье. Его родители умерли в годы войны. До 1945 г. работал в колхозе киномехаником и пчеловодом. В ноябре 1945 г. был пострижен архиепископом Дмитрием в монашество с наречением имени Авеля и рукоположен в диаконы. Служил в Скорбященской церкви г. Рязани. В 1947 г. рукоположен во священника и получил приход в селе Городище близ Рязани. В 1950—1960 гг. нес священническое служение в Ярославской области. В 1960—1969 гг. — священник кафедрального собора Рязани [184].

В 1960 г. после поездки в Грецию, встречи с престарелым игуменом Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандритом Илианом, поведавшем о грозящем исчезновении последних оставшихся с дореволюционной эпохи иноков, митрополит Никодим составил список примерно из 18 монахов, которые должны пополнить афонскую братию. В 1965 г. правительство Греции предоставляет греческое гражданство 5 монахам из СССР, но лишь двое из них архимандрит Авель (Македонов), настоятель Борисо-Глебского Собора г. Рязани, и монах Виссарион в 1970 г. получили разрешение на въезд в страну. В 1971 г. Авель был избран игуменом монастыря Святителя Пантелеимона, в этом звании оставался до 1978 г. [185].

11 августа 1972 г. епископ Борис почил. Временно управляющим Рязанской епархией был назначен архиепископ Николай (Кутепов), предстоятель Владимирской епархии в 1970—1975 гг. Объединенное управление двумя епархиями продолжалось три месяца.

Архиепископ Николай относился к генерации священнослужителей, пришедших на пастырское поприще из поколения фронтовиков, людей, как правило, самостоятельных, отличавшихся умением выразить собственную точку зрения, даже если она порой не соответствовала общему мнению. Об этом свидетельствовали его частые служебные переводы. Приняв временное управление Рязанской епархией, владыка Николай своей кадровой политикой в отношении рязанского клира сразу же навлек на себя недовольство уполномоченного Малиева. Ближайшим советников владыки Николая в делах Рязанской епархии стал исполняющий обязанности епархиального секретаря, ключарь кафедрального собора Виктор Шиповальников. Отец Виктор с то время стал своеобразной «персоной нон-грата» для властей. Как персонаж трагических событий в нашей истории он был упомянут в третьей главе книги А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг». Писатель проживал в те годы в Рязани. За год до присвоения ему Нобелевской премии по литературе Солженицын был исключен из «Союза писателей» на пленуме рязанской писательской организации. От Шиповальникова, о чем упоминалось выше, власть требовала выступить против Солженицына в «Журнале Московской Патриархии», на что получила отказ. Тогда от него стали требовать покинуть пределы Рязанской епархии. В последующем Святейший Патриарх Пимен, знакомый с Шиповальниковым по Ростовской епархии, перевел того в Подмосковье.

Перед праздником Усекновения главы Иоанна Предтечи закончился земной путь известного исповедника праведного протоиерея Петра Чельцова, служившего последние 15 лет в храме св. вмц. Параскевы в селе Пятница, на границе Рязанской и Владимирской областей и с 1955 г. окормляющего православных верующих всех близлежащих селений. Для организации отпевания почившего о. Петра Чельцова и его похорон архиепископ Николай дал распоряжение В. Шиповальникову командировать несколько рязанских священников и дьяконов в село Пятница. Действуя в соответствии с собственными убеждениями и представлениями, владыка не согласовал свое распоряжение с рязанским уполномоченным, чем вызвал его нарекания и предупреждения со стороны Совета по делам РПЦ [186].

14 октября 1972 г. в Покровском храме МДА инспектор Московских духовных семинарии и академии архимандрит Симон (Сергей Михайлович Новиков) был рукоположен во епископа Рязанского и Касимовского. Более 30 лет длилось архипастыр-

ское служение владыки Симона на Рязанской кафедре. Родился он в 1928 г. в Ярославской области в семье крестьян. Родители были верующими. Отец работал председателем колхоза. По окончании химико-механического техникума молодой специалист работал в должности заместителя начальника цеха одного из военных предприятий Ярославля. Рядом с предприятием находился действующий храм. В техникуме Сергей Новиков познакомился с сыном священника, а посещение храма свело его с будущим митрополитом Никодимом (Ротовым) и будущим священноархимандритом Авелем (Македоновым). Через них он стал известен архиепископу Ярославскому и Ростовскому Димитрию (Градусову), ранее возглавлявшему Рязанскую кафедру. Владыка дает юноше рекомендацию для поступления в Московскую духовную семинарию. В 1955 г. курс обучения в семинарии был завершен, а в 1959 г. — Сергей Новиков заканчивает Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В декабре 1958 г. принял монашеский постриг и вступил в состав братии Свято-Троицкой Лавры. С 1959 г. преподавал в Московской духовной семинарии, а затем — в академии, где в 1964 г. был утвержден доцентом кафедры византологи. В 1964—1965 гг. — настоятель Преображенского храма Троицкого Патриаршего подворья. В 1965—1972 гг. — инспектор Московских духовных семинарии и академии[187].

20 октября 1976 г. уполномоченным по делам религий решением облисполкома был назначен Евгений Иванович Борисов. К этому времени стал давно очевидным факт явной кадровой передержки, связанный с прежним уполномоченным П.С. Малиевым. Дело было не столько в пенсионном возрасте Малиева. Новому этапу государственно-церковных отношений он, как человек, наделенный ментальностью эпохи «чрезвычайной политики», соответствовал мало. Необходимость его замены была очевидной.

Е.И. Борисов родился в 1925 г. в Муромском районе Владимирской области. По образованию был инженером-механиком. После окончания в 1949 г. Московского механического института прошел трудовой путь от мастера до начальника цеха Рязанского станкостроительного завода. В 1953—1960 гг. работал главным инженером Полянской МТС Солотчинского района Рязанской области. С 1962 г. на партийной и советской работе: инструктор отдела, 2-й секретарь Железнодорожного райкома КПСС в Рязани. После окончания ВПШ при ЦК КПСС в 1967 г. назначен

председателем Железнодорожного райисполкома города Рязани, в должности которого проработал 9 лет, вплоть до назначения уполномоченным по делам религий [188].

В 1965 г. был создан новый орган осуществления вероисповедной политики государства — Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Он брал на себя функцию релаксации протестных настроений православной провинции в отношении волокиты в регистрации религиозных обществ и открытии церквей со стороны местных властей. С самого начала своей деятельности Совет столкнулся с потоком заявлений и жалоб граждан. Немало заявлений (до 20 %) содержали просьбы об открытии церквей, снятых с регистрации в первой половине 60-х гг. 31 % жалоб исходил от приходов действующих церквей, в которых из-за отсутствия священников и исполнительных органов, службы не проводились. Около 50 % составляли жалобы внутреннего характера (проблемы ремонта, финансовые, налоговые и т.п.)[189].

В 1966 г. из Рязанской области были приняты Советом по делам религий при Совете Министров СССР 25 делегаций и получены 36 жалоб и заявлений. 18 марта 1966 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах». 13 апреля 1967 г. состоялось заседание Совета, где обсуждался вопрос о грубых нарушениях советского законодательства о религиозных культах, допущенных в Марийской АССР. На это заседание были вызваны уполномоченные из 10 областей и автономных республик, в том числе из Рязанской области. Рязанскому уполномоченному П. Малиеву Совет предъявил серьезную претензию о том, что местные органы власти допускали нарушения действующего законодательства о культах. Так, без согласия Совета под предлогом аварийного состояния были закрыты церкви в селах Боровое и Черная Слобода Шиловского района, так же необоснованно были закрыты церкви в селах Которово Касимовского района, Мураевня Милославского района и Малинки Михайловского района. В 1965 г. верующие села Боровое Шиловского направили на имя члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова жалобу на закрытие церкви накануне очередных выборов в Верховный Совет СССР. Закрытию предшествовало отключение электроснабжения храма. Религиозным общинам целого ряда районов не разрешали производить текущий ремонт, приобретать строительный материал и топливо. Наблюдались случаи создания искусственных препятст-

вий для деятельности зарегистрированных церковных обществ. От членов «двадцаток» некоторые районные власти требовали подачи заявлений о выходе из их состава. Руководители Сасовского и Спасского районов запрещали крестить детей даже при наличии согласия родителей.

Все эти факты, оглашенные на заседании Совета по делам религий, были изложены в докладной записке Малиева первому секретарю Рязанского обкома и председателю Рязанского областного Совета депутатов трудящихся. Для устранения нарушений, вызвавших критические замечания центра, было запланирован областной семинар работников партийных и советских органов, имевших отношение к контролю за соблюдением законодательства о культах [190].

Роль Церкви в общественной жизни страны с середины 70-х гг. увеличивается, особенно после принятия Конституции СССР 1977 г. В ст.52 декларировался принцип свободы совести и вероисповедания как неотъемлемый для развитого социалистического государства, соблюдающего нормы советской демократии и гражданские права. Гарантии права на свободу совести были включены в ст. 124 Основного Закона. После подписания Хельсинских соглашений с этим обстоятельством нельзя было не считаться. В окончательном виде новая концепция работы с верующими была сформулирована в постановлении Совета по делам религий от 31 октября 1979 г. «О состоянии работы с письмами и жалобами граждан» Совет потребовал от уполномоченных обеспечить внимательный и чуткий подход к разбору каждого письма [191]. Эти факты породили надежды у духовенства и верующих, что инерция прошлого в государственно-церковных отношениях будет преодолена.

К 70-м гг. прошлого столетия подавляющее большинство прежних составов сельских приходских «двадцаток» распались по причине смерти учредителей. Из доклада рязанского уполномоченного заместителю председателя Совета по делам религий В.Г. Фурову о церковном активе православных религиозных обществ явствует, что до 72 % «двадцаток» составляли в 1974 г. пенсионеры (см. табл. 4). Из-за отсутствия исполнительных органов и отдельных членов «двадцатки» в некоторых церквях не проводились службы. В 1972 г. Возобновилась, отмененная в 1959 г., практика регистрации религиозных обществ. Почувствовав определенное смягчение вероисповедной политики государства, верующие стали предпринимать попытки восстановить пра-

вославные религиозные объединения и выступать с ходатайствами перед властью об открытии храмов, закрытых в хрущевский период. Однако прежняя политика закрытия церквей сменилась в 70—80-е гг. практикой затяжного рассмотрения, вплоть до окончательного отказа ходатайств о регистрации и открытии церквей. В первом полугодии 1973 г. рязанскому уполномоченному не поступило ни одного заявления об открытии церквей, которые были сняты с регистрации в 1960—1962 гг. [192]. Поступающие в последующем заявления и порядок регистрации превратились в средство контроля государства за религиозной жизнью страны. Таким образом, даже после принятия постановления Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих» коренного отношения к факту подачи ходатайств и самим ходатаям не произошло.

Вследствие отказа и снятия с регистрации религиозных обществ на протяжении хрущевского десятилетия обнаружились тенденции перекрещивания православных верующих, пробуждения интереса населения к баптистскому движению и, как следствие, рост нелегальных сектантских общин. Вошли в практику нелегальные межобластные съезды евангельских христиан-баптистов. Об этом свидетельствует проведение судебного процесса с участием группы баптистов в ноябре 1966 г., а также слушания уголовного дела в народном суде Железнодорожного района Рязани в сентябре 1969 г. в отношении руководителя местной общины ЕХБ С. Голева [193]. В октябре 1978 г. судебной коллегией областного суда был осужден один из руководителей ЕХБ С. Попов за изготовление и распространение в рукописной и печатной формах материалов, содержащих критику церковной политики государства. В 1975 г. в Рязанской области появляются члены церкви Адвентистов седьмого дня, которые, начиная с 1982 г., предпринимают попытки зарегистрировать свою религиозную общину [194].

В условиях роста числа радикально настроенных нелегальных религиозных обществ, представляющих нетрадиционные конфессии и идеологически плотно связанных с Западом, ограниченная легализация православных религиозных обществ мыслилась политическому руководству делом, не представляющим серьезной угрозы.

В брежневский период советской истории возрастает поток обращений верующих граждан Рязанской области в адрес Прези-

диума Верховного Совета, съездов КПСС, Совета по делам религий при Совмине СССР. Толчок к активности верующих был дан созданием трансформацией Совета по делам по делам РПЦ в Совет по делам религий при Совете Министров СССР, с последующим осуществлением принципов централизации в осуществлении контроля на местах за соблюдением законодательства о культах, проверки правильности его применения на местах. В деятельности вновь созданного государственного органа наметилась тенденция к изменению прежнего порядка рассмотрения обращений верующих, фактически игнорирующего их просьбы, с целью полного прекращения потока ходатайств об открытии храмов. Ранее поток жалоб возрастал лавинообразно, поскольку оставленные без внимания письма направлялись в соответствующие инстанции десятки раз. Теперь же бралась установка на преодоление формального подхода к рассмотрению писем и заявлений от верующих в рамках совершенствования партийной работы с письмами трудящихся.

Справедливости ради, отметим, что эти аппаратные новации не смогли остановить поток прошений и просителей. В 1-ом полугодии 1965 г. рязанский уполномоченный получил 29 ходатайств на открытие 9 церквей в следующих селах: Мураевня Милославского района, Морозовы Борки Сапожковского района, Даньково Касимоского района, Лунино и Черная Слобода Шиловского района, Ижевское Спасского района, Большое Самарино Ряжского района, Пушкари и Проня-Городище Михайловского района. В 1967 г. Совет по делам религий посетили 20 рязанских делегаций, в 1968 г. — 25, в том числе 8 из Шиловского района. В 1967 г. было закрыто 5 из 9 церквей, не действующих с 1963 г. [195].

Более 40 % обращений составляли ходатайства граждан о возобновлении деятельности местных церквей [196]. Особую настойчивость в своих обращениях проявили верующие ряда сел Михайловского района, села Большое Самарино Ряжского района, села Инякино Шиловского района, села Черная Слобода Шацкого района, села Которово Касимовского района (эти храмы были отнесены к разряду «затухающих» и закрыты в 60-е гг.).

Начиная с апреля 1963 г., верующие села Печерниковские Выселки направляли жалобы на антиконституционные действия властей в адрес председателя Совета по делам РПЦ В.А. Куроедова [197]. В сентябре 1964 г. состоялось общее собрание колхозников, которое решило разделить церковь на две половины: поло-

вину под колхозное зерно, вторую половину — под храм. Несмотря на все обстоятельства, в июле 1971 г. облисполком принимает решение о передаче в аренду местному хозяйству здания недействующей церкви [198].

Церковь Михаила Архангела в селе Малинки, была закрыта 5 октября 1965 г. под предлогом распада «двадцатки» [199]. К 1970 г. из 20 человек, подписавших учредительный договор в 1945 г., в живых осталось только трое. Председатель сельсовета навесил на двери храма свой замок [200]. 31 декабря 1965 г. следует письмо Рязанского облисполкома в Совет по делам религий при Совете Министров СССР с просьбой дать согласие на снятие с регистрации религиозного общества в Малинках, как прекратившего свою деятельность. Совет по делам религий, рассмотрев данное ходатайство 13 июля 1966 г. вынес решение, что согласие на снятие с регистрации дать не может, ввиду активности и высоких денежных доходов церкви [201]. Не взирая на подобное решение, облисполком, трижды рассмотрел последующие просьбы верующих села Малинки об открытии церкви (12 июля и 2 декабря 1967 г., 21 декабря 1970 г.) и вынес отрицательное решение [202]. Семь лет церковь оставалась закрытой без разрешения Совета по делам религий, и на протяжении этого срока повторно вопрос о снятии ее с регистрации перед Советом со стороны облисполкома не ставился.

За 6 лет после закрытия церкви верующие села Малинки с помощью земляков из Москвы, проживающих в селе в летнее время, написали 11 жалоб на должностных лиц Михайловского райисполкома в адрес Святейшего Патриарха и лично Председателю Совета по делам религий [203]. В январе и марте 1973 г. следуют жалобы в адрес В.А. Куроедова. Авторы просят утвердить новый состав «двадцатки» [204]. Всего за 16 лет на неправомерные действия властей верующими во все инстанции было подано 48 жалоб [205]. В январе 1981 г. В Совет по делам религий они передают ходатайство, подписанное 32 верующими с просьбой возобновить деятельность зарегистрированного православного общества и пополнить состав учредителей. В апреле 1981 г. жительница села Малинки П.Е. Максимова пишет жалобу в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Исполняющий обязанности председателя Совета по делам религий В.Г. Фуров просит рязанского уполномоченного Е.И. Борисова ускорить решение вопроса о возобновлении деятельности зарегистрированной общины [206].

Просителей подвергают местному административному давлению. В рамках новых, продекларированных Конституцией СССР административно-законодательных подходов к рассмотрению жалоб в сфере свободы совести, центральная власть стала активнее вмешиваться в местные коллизии. Факты нарушений действующего законодательства были вскрыты во время командировки в Рязанскую область в апреле 1979 г. старшего инспектора по культам Совета по делам религий В.Г. Подшибякина. Они были отражены в его докладной записке «О ходе выполнения постановления Совета по делам религий от 19 апреля 1978 г. «О состоянии контроля за соблюдением требований Конституции СССР и законодательства о культах» в Рязанской области». Например, верующих В.А. Фролову и А.М. Крючкову вызывали повесткой к помощнику прокурора Михайловского района Семушкиной, где «уговаривали» прекратить писать заявления о возобновлении деятельности православного общества. Первый секретарь Михайловского райкома КПСС А.А. Семин в беседе с Подшибякиным безапелляционно заявил: «С жалобщиками вы в Совете поступайте следующим образом: заявления бросайте в мусорную корзину, а заявителей гоните вон! А если будут сильно шуметь, мы под этот шум закроем еще парочку церквей. У нас их пять штук, закрыть есть что» [207].

Чтобы как-то нейтрализовать просителей, еще в 1978 г. был сфабрикован акт о якобы аварийном состоянии здания церкви. Повторный акт технического состояния, составленный в 1980 г. и подписанный уполномоченным и представителями облисполкома, по многим позициям разошелся с предыдущим, но в целом подтверждал неправомерный акт 1978 г. [208]. Дело дошло до того, что Михайловский райисполком все-таки незаконно приостановил деятельность православной религиозной общины [209]. В октябре 1981 г. на станции Дно Псковской области автор жалобы Куроедову, написанной в январе 1973 г. по поводу церкви села Малинки, жительница города Михайлова Рязанской области Клочкова, была задержана органами внутренних дел за провоз 112 экземпляров книг православной тематики, предназначенной для передачи в Псково-Печерский монастырь [210].

Религиозное общество села Большое Самарино было снято с регистрации 28 августа 1962 г. решением Совета по делам РПЦ при Совмине СССР. Предлогом для снятия было объединение слабой сельской религиозной общины с религиозным обществом города Ряжска, находящегося на расстоянии 18 км от Б. Самари-

но. После принятия решения облисполкома о закрытии церкви, представители Ряжского райисполкома выезжали принимать здание и имущество, но оставшиеся 9 человек членов «двадцатки» отказались передавать здание церкви и имущество [211]. В течение 9 лет здание церкви никем не использовалось. Следуют жалобы в адрес В.А. Куроедова. В своих обращениях А.А. Пронкина, мать 9 детей, Л.Ф. Носкова и другие просили «открыть храм, красавицу церкву Казанской Божией Матери» [212].

В 1970 г. верующая П.А. Колганова от нескольких сотен человек пишет Генеральному прокурору СССР, выражая протест против закрытия церкви [213]. Это письмо содержит типичную аргументацию в пользу открытия церкви, присутствующую во многих других жалобах и обращениях верующих в правительственные инстанции. Как правило, это жалобы на затягивание процедуры рассмотрения, волокиту.

Православные общины сел Печерниковские Выселки и Ижеславль Михайловского района имели опыт отстаивания своих интересов через юриста[214]. В Михайловском районе с 60-х гг. сложилась целая народная традиция подачи постоянных ходатайств во властные структуры с просьбой возобновления регистрации закрытых храмов (села Пушкари, села Прудские Выселки). Сформировались неформальные лидеры, консолидирующие сельское общество на возобновление приходской жизни.

В качестве аргумента в пользу открытия церкви в селе Б. Самарино упоминался регулярно проводившийся ремонт и наличие на эти нужды денег на счете (около 3 тыс. руб.) [215]. С другой стороны осуждались запрещающие действия сельсовета, который своими действиями провоцировал вандализм атеистически настроенных комсомольцев.

В июне 1972 г. уполномоченный Совета по делам религии по Рязанской области П.С. Малиев получил ходатайство Рязанского облисполкома передать в аренду здание недействующей церкви села Б. Самарино колхозу «Красное Знамя». Осмотр церкви выявил ее аварийное состояние. На требование выдать ключи от здания церкви и представить опись имущества, верующие ответили отказом, заявив: «Церковь строили наши деды и отцы, она наша и мы никому ее не отдадим». В этой ситуации Малиев стал на сторону облисполкома и поспешил поддержать ходатайство облисполкома о передаче здания церкви в аренду колхозу «Красное Знамя» [216].

Верующие села Инякино подали множество жалоб в адрес Президиума Верховного Совета, Совета по делам религий по факту закрытия местной Успенской церкви. Церковь была закрыта районными властями в 1969 г. под предлогом нарушений законодательства о культах и невыполнения распоряжений райисполкома. По данным о религиозной обрядовости за 8 месяцев 1969 г. в Инякинской церкви крестилось 42 человека, совершено 11 очных отпеваний В 1970 г. гражданка М.И. Бодрикова обратилась в Совет по делам религий с ходатайством о возобновлении деятельности церкви в селе Инякино [217]. Противостояние закончилось характерной для того времени демонстрацией «воли народа». 5 июня 1972 г. председатель сельсовета В.П. Изранцев и сопровождающие его депутаты в присутствии церковной старосты Н.Д. Есейкиной составили акт о сдаче и приемке имущества Инякинской церкви. Лишь 29 июня договор, заключенный райисполкомом с религиозным обществом села Инякино о передаче церковного здания в 1948 г., был расторгнут [218].

В 1973 г. рязанский уполномоченный обращается в ведомство Куроедова с просьбой дать свое согласие на удовлетворение ходатайства облисполкома о снятии с регистрации религиозного общества села Инякино. Просьба мотивировалась тем, что здание церкви, не являющееся памятником архитектуры, планируется передать колхозу под хозяйственные нужды [219]. 29 августа 1973 г. старший инспектор Совета по делам религий Ю.М. Дегтярев сообщил рязанскому уполномоченному, что ходатайство Рязанского облисполкома в отношении Инякинской церкви, первоначально поставленное в повестку заседания Совета, было снято с рассмотрения по причине большого количества жалоб [220].

После закрытия храма с расчетного счета церковной общины еще 8 лет взимались в госбюджет различные отчисления. Для оказания морального давления на православную общину села Инякино газета «Приокская правда» в номере от 13 марта 1977 г. в статье «Путы с души» поведала историю о том, как попадья, проживающая в селе Инякино, порвала с религией и стала работать телятницей.

В Совет по делам религий поступило несколько заявлений от верующих села Черная Слобода Шацкого района с ходатайством о возобновлении деятельности зарегистрированного православного религиозного общества, функционирование которого было незаконно прекращено райисполкомом в 1964 г. под предлогом распада «двадцатки» (16 человек, зарегистрированных в

1944 г. к этому времени умерло). В кассу этого общества еще в 1961 г. поступило около 8 тысяч рублей. Церковный староста умерла в 1965 г., но ключи от церкви остались в руках верующих [221]. В церкви продолжалась религиозная жизнь, шли крещения и совершались отпевания. 28 марта 1979 г. на основании акта технического состояния здания, согласно которому оно могло быть использовано «только в интересах народного хозяйства», последовало решение Шацкого райисполкома о снятии церкви с учета. Согласно мнению Совета по делам религий деятельность религиозного общества была прекращена незаконно. Ближайшая церковь находилась на расстоянии 50 км. Переждав волну вышестоящей критики, 27 апреля 1983 г. Рязанский облисполком вновь обращается в Совет по делам религий с просьбой принять постановление о снятии с регистрации религиозное общество села Черная Слобода и предоставить возможность использовать здание церкви «в интересах народного хозяйства» [222].

Церковь села Которово Касимовского района была снята с регистрации по предложению райисполкома, который инициировал «мнение народа» по результатам проведенного в селе научно-атеистического вечера. Церковный Совет обвинялся в нарушении законодательства о культах и отсутствии требуемого законом кворума. В 1967 г. верующие восстанавливают состав «двадцатки», но райисполком не регистрирует ее [223].

Типичными вариантами отклонений ходатайств о возобновлении регистрации храмов с послевоенной поры были: распад религиозного общества и его исполнительного органа, аварийное состояние церкви, отсутствие потенциальных средств у религиозной общины на ее капитальный ремонт, близость храма в соседнем селе. Кроме того, отвод мог последовать по причине обвинения инициаторов ходатайств в нарушении принципа добровольности и подделке подписей заявителей, многие из которых были неграмотны и не могли расписываться самостоятельно. Таким способом в 1965 г. районная власть пыталась дезавуировать ходатайства граждан села Инякино Шиловского района в Москву, когда в отношении руководителя инициативной группы М. Бодриковой начали расследование по обвинению в подделке подписей сельчан под заявлением. В 1966 г. последовала попытка вывести из членов «двадцатки» церковного старосту Н. Есейкину. В октябре 1969 г. рязанский облисполком обратился в Совет по делам религий с просьбой дать согласие на снятие с регистрации религиозного общества села Инякино за неоднократные нарушения в учете обрядов[224].

На административное давление со стороны местной власти жаловались заместителю Совета по делам религий В.Г. Фурову верующие села Малинки Михайловского района. Председатель сельсовета требовала от членов церковного общества выйти из «двадцатки», отказавшись от своих подписей. В случае невыполнения своих требований угрожала, что не будет выдавать справки для получения пенсии, выделять комбикорма и приусадебные наделы [225].

В отношении тех населенных пунктов и районов, откуда поступали настойчивые ходатайства об открытии храмов, активизировалась пропагандистская атеистическая работа с привлечением лекторов из областного центра, расширялась подготовка собственных лекторских кадров. Подобным действиям власти в вопросах сохранности сельских церквей удивляться не следует. Аналогичным было отношение к городским храмам. В конце 70-х гг. Рязанское областное управление культуры вынашивало план сноса Екатерининской церкви, памятника архитектуры XVII—XVIII вв. В 1982 г. под охрану было поставлено только 3 из более чем 100 выявленных памятников истории и культуры [226]. Подобная практика была столь нераспространенной, что постановку церкви на учет церкви как памятника культуры верующие воспринимали как предвестие грядущего ее открытия. Так было, например, в случае с церковью села Морозовы-Борки Сапожковского района [227].

К концу 70-х гг. участились случаи краж из сельских храмов. Это повлекло дополнительные меры контроля проверяющих инстанций на предмет защищенности церквей от краж, наличия охранной сигнализации. Под предлогом сохранности предметов церковного имущества, представляющего ценность в качестве произведений искусства, за период 1974—1978 гг. в фонды Рязанского художественного музея было доставлено около одной тысячи произведений древнерусского искусства. В августе 1977 г. было составлено «охранное обязательство» на расписную скульптуру «Николы Можайского», хранящуюся в церкви села Сушки Спасского района. Позже под предлогом невыполнения исполнительным органом церкви принятых обязательств (скульптура была перекрашена), православная святыня, предназначенная, как и множество других святынь для богослужения, была изъята в фонды Рязанского художественного музея для реставрации и дальнейшего хранения [228].

В поле зрения уполномоченного по делам религий были вопросы финансовой деятельности церковных обществ, в частности законность приобретения стройматериалов для ремонтных работ,

выплаты за их проведение, соответствие сметной стоимости, уплата налогов, законность оформления вновь построенных церковных строений и частных домов священников. Как правило, за нарушения следовали административные взыскания и штрафы. Нередко нарушения носили взаимный характер. Например, исполнительный орган православного общества Ряжска приобрел за 3,5 тыс. рублей финский дом под крестилку и без разрешения райисполкома начал его сборку в ограде церкви. Однако секретарь Ряжского райисполкома Ю.И. Пупков вместо того, чтобы добиться от исполнительного органа церкви законного оформления дома, приказал забить его и использовать как сарай [229].

К концу 70-х гг. по демографическим причинам число носителей этой традиции в сельской глубинке уменьшается. Поколение, получившее христианское воспитание, уходило из жизни. Несмотря на массовый приход в церковную жизнь новообращенных, преемственность в деле отстаивания религиозных прав и свобод через подачу обращений, тем не менее, совсем утрачена не была. Инициатива в отстаивании права на свободу вероисповедания через открытые обращения переходит к церковным диссидентам.

Бесправное положение Церкви вызывало все более острую реакцию общественности на Западе и в самой России. 26 октября 1977 г. епископ Полтавский Феодосий (Дикун) обращается к главе партии и государства Л.И. Брежневу с письмом, в котором протестует против практики закрытия приходов, препятствования делу реставрации храмов, диктата уполномоченных, регистрации треб, исполняемых приходскими священниками и т.п. В 1979—1980 гг. заводится ряд уголовных дел в отношении религиозных инакомыслящих — членов «Христианского комитета по защите прав верующих». За рубежом публикуется доклад «О современном положении русской Православной Церкви и перспективах религиозного возрождения России» [230]. В июне 1980 г. в советской прессе было опубликовано вынужденное покаянное заявление арестованного властями религиозного диссидента о. Дмитрия Дудко. На местах была развернута идеологическая кампания по дискредитации религиозных правозащитников. 22 июня 1980 г. заявление Дудко было опубликовано в областной газете «Приокская правда» под заголовком «Запад ищет сенсации». С рязанским священством и церковным активом были проведены беседы по заявлению Дудко. От настоятелей городских храмов и председателей церковных исполнительных органов попросили осудить

«антисоветские действия» Дудко и высказать «свое» мнение по факту опубликования его «признания» [231].

В рассматриваемый период получает дальнейшее развитие практика использования финансовых ресурсов церкви в государственных интересах. В Фонд мира и Фонд охраны памятников истории и культуры шло до 10 % валового дохода церквей. В 1981 г. в Фонд мира Рязанской епархией было перечислено средств больше, чем от рязанских предприятий и учреждений. Основной объем взносов должны были перечислять приходы, около 15 % — епархиальное управление. Поскольку у епархиального управления своих денег не было, ему отчисляли деньги все те же приходы по статье «административные нужды». Правящий архиерей вынужден был перечислить в Фонд мира часть своих личных средств. Своему примеру он нередко просил следовать всех священнослужителей и церковных старост [232].

Исследование государственной вероисповедной политики в 60—70-е гг. на территории Рязанской области показывает, что она, не будучи явно репрессивной, характеризовалась стратегией «разумного ограничения», тотального сбора информации, правового, финансового контроля и надзора, идеологического сдерживания и частичных уступок. В 1970-е гг. административно-репрессивную политику государства в отношении Церкви сменила административно-правовая политика. Получает распространение практика «тихого» закрытия церквей, которую власть пытается реализовать по мере ухода из жизни поколений, воцерковленных до 1917 г.

Нередко центральные органы власти и управления были менее подвержены проявлениям рецидивов воинствующего атеизма, нежели местные. Местным органам исполнительной власти была присуща большая консервативность. Об этом свидетельствует практика необоснованного снятия ими с регистрации религиозных объединений и реакция на это Совета по делам религий, вынужденного консультировать и поправлять местную власть.

Серьезную озабоченность властей вызывали рост религиозной обрядовости, создание нелегальных религиозных объединений и проявления религиозного диссидентства. Была выстроена система многочисленных согласований, сбора информации через рассмотрение жалоб и заявлений граждан. Бесправные в своих приходах священники, столкнувшись с реалиями всеобъемлющего государственного контроля над институтами Церкви, притоком неофитов, вынуждены были демонстрировать лояльность в отношении политического устройства общества. Несмотря на от-

ток населения русской деревни в города и перемещение туда центра церковной жизни, верующие сельских приходов проявляли большую стойкость в борьбе за свои религиозные права.

Таблица 1

Изменение пропорций городского и сельского населения Рязанской области

Год	*Население Рязанской области (тыс.чел.)*	*Население г. Рязани*	*Городское начеление*	*Сельское население*
1959	1444,8	214,1	432,6 (29,9 %)	1012,2 (70,1 %)
1966	1444	нет данных	580,9 (40 %)	863,1 (60 %)
1970	1411,6	348	664,8 (47,1 %)	746,8 (52,9)
1979	1361,8	450	793,9 (58,3 %)	567,9 (41,8 %)

Сост. по: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.52. Л.30; Д.82.Л.15; Рязанская область 60 лет. Юбилейный справочник. — Рязань, 1997. — С. 11.

Таблица 2

Динамика изменений числа приходов и численности духовенства Рязанской епархии

Год	*Число приходов и священников*	*Городские приходы и священники*	*Приходы и священники в поселках городского типа*	*Сельские приходы и священники*
1960	76/112	8/27	4/9	64/76
1961	70/105	8/27	4/8	58/70
1962	65/92	8/27	5/10	52/60
1963	60/84	8/25	5/11	47/48
1965	59/97	8/23	6/9	45/54
1972	51/76	8/25	6/10	37/42

Сост. по: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.51. Л.14-18; Д.67. Л.14-16; Д.67. Л.180-182; Д.76. Л.2-:; Д.82. Л.15-16; Д.96. Л.93-94.

Таблица 3

Динамика изменений числа приходов и численности духовенства Владимирской епархии

№ п/п	*Год*	*Количество приходов*	*Число духовенства*	*Городские приходы*	*Сельские приходы*
1	1953	72	71	8	64
2	1956	65	80	7	58
3	1971	51	73	11	40
4	1979	51	74	11	40

Сост. по: Минин, С. (свящ.) Очерки по истории Владимирской епархии X—XX вв. — Владимир, 2004. — С. 139, 142, 143.

Таблица 4

Сведения о церковном активе православных религиозных обществ Рязанской области (первая половина 70-х гг.)

Характеристики по полу, возрасту, образованию	*Председатель исполнительных органов*	*Членов исполнительных органов*	*Членов ревизионной комиссии*	*Членов «20-к»*	*Певчих хоров*	*Обслуживающий персонал*
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Всего	51	141	149	999	227	244
В том числе:						
мужчин	12	22	58	154	54	55
женщин	39	119	91	845	173	189
Положение в настоящее время:						
рабочих	—	6	5	29	19	19
колхозников	4	7	10	101	4	22
служащих	2	10	8	15	18	10
пенсионеров	39	99	120	799	160	153
иждивенцев	6	19	6	55	26	40

Окончание таблицы

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Возраст:						
до 40 лет	—	—	—	3	14	8
от 41 до 50	4	11	12	33	20	26
от 51 до 60	10	28	31	147	39	42
старше 60	37	102	106	816	154	168
Образование:						
высшее и н/высшее	—	—	—	—	—	—
среднее и н/среднее	7	26	18	58	45	25
начальное и малограм.	44	115	131	941	182	219
Срок работы в церкви:						
до 2 лет	2	6	5	29	15	24
от 2 до 5 лет	12	13	12	52	11	31
от 5 до 10 лет	11	31	29	204	44	62
свыше 10 лет	26	91	103	714	157	127
Положение до службы в церкви:						
рабочих	12					
колхозников	17					
служащих	4					
пенсионеров	9					
иждивенцев	9					

Сост. по: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.125. Л.3.

Примечания

[1] Материалы XXII съезда КПСС. — М.: Госполитиздат, 1962. — С. 111.

[2] РГАНИ. Ф.4. Оп.16. Д.554. Л.14—17.

[3] Там же. Л.5—13.

[4] КПСС в резолюциях… 1941—1954. — М. : Политиздат, 1971. — Т. 6. — С. 502—507, 516—520.

[5] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.59. Л.4.

[6] Там же. Д.56. Л.96—101.

[7] Там же. Д.96. Л.188.

[8] Источник (документы русской истории). — 1997. — №4 (29). — С. 129.

[9] ГАРО Ф.Р-5629. Оп.1. Д.61. Л.95.

[10] *Горячев, А.* Семинар по атеизму // Приокская правда. — 1959. — 13 дек. — № 292 (11952).

[11] ГАРО Ф.Р-5629. Оп.1. Д.72. Л.30; *Орехова, Т.* Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в Летово // Благовест. — 2006. — № 9 (153). — С. 4.

[12] Там же. Д.87. Л.42.

[13] Приокская правда. — 1958. — 11 июня; Рязанский комсомолец. — 1958. — 6 июня.

[14] Комсомольская правда. — 1959. — 20 сент.; *Мелехин, И.* В расчете на доверчивость // Приокская правда. — 1959. — 25 окт.

[15] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.96. Л.12, 46.

[16] Там же. Д.52, Д.67. Л.10-11; *Семин, К.* Я отрекаюсь // Тамбовская правда. — 1962. — 21 июня; ГАТО Ф. Р-5220. Оп.4. Д.246. Л.35—36; *Минин, С.*Указ соч. — С. 142.

[17] Журнал Московской Патриархии. — 1960. — № 2. — С. 27.

[18] *Ильин, И.А.* Указ. соч. — С. 408—412.

[19] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.67. Л.10—11.

[20] Там же. Д.31. Л.4; *Харазов, В.А.* Трудные истины бытия. — М., 1979. — С. 15—56; *Яковлев, В.* Бригадир Теплоухов против иерея Семена (о бывшем служителе церкви) // Рязанский комсомолец. — 1965. — 4 дек.; *Борознова, Н.* Две жизни (о рязанском священнике С. Теплоухове, порвавшем с религией) // Наука и религия. — 1974. — № 8. — С. 38—41.

[21] Светильник веры. Жизнеописание блаженной Пелагеи Захаровской. — М.: Зерна, 2001. — 79 с.

[22] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.81. Л. 221—222.

[23] Там же. Д.95. Л.101—102; Д.82. Л.30; Д.95. Л.101—102.

[24] О превращении Рязанского кремля в музей-заповедник // Приокская правда. — 1960. — 24 апр.

[25] Народное хозяйство Рязанской области за 1967 г. — М., 1967. — С. 14.

[26] *Кузьмин, А.З.* О религиозности и бытовых суевериях одного села. Рост духовной культуры и воспитание личности в годы Советской власти // Ученые записки Пензенского пединститута им. В.Г. Белинского. — Рязань — Пенза, 1969. — Т. 65. — С. 46—82; *Тульцева, Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. — Рязань, 2001. — С. 18, 249.

[27] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.96. Л.188.

[28] *Трубин, С.*, протоиерей. Высокопреосвященный Николай (Чуфаровский), архиепископ Рязанский и Касимовский // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 1. — С. 50—54.

[29] *Агарев, А.* Трагическая авантюра. Сельское хозяйство Рязанской области 1950—1960 гг. А.Н. Ларионов, Н.С. Хрущев и другие. (Документы, события, факты). — Рязань: Русское слово, 2005. — С. 18.

[30] Там же. — С. 20.

[31] Незабываемые дни. Сб. материалов о пребывании первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в Рязани с вручением Рязанской области ордена Ленина. — Рязанское книжное изд-во, 1959. — С. 16.

[32] *Кожевников, А.С.* Атеистическое воспитание сельского населения. — М.: Советская Россия, 1974. — С. 138.

[33] Рязанские женщины в Кремле. — Рязанское книжное издательство, 1959. — С. 8.

[34] Славный почин рязанцев. — М.: Госсельхозиздат, 1959. — С. 81—82.

[35] ГАРО. Ф.3251. Оп. 28. Д.1651. Л.4—7.

[36] Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии / Сост. Ю.В. Аксютин. — М.: Политиздат, 1989. — С. 34.

[37] *Шкаровский, М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). — М., 1999. — С. 399.

[38] ГАРО. Ф.6991. Оп.1. Д.95.Л .101—102; Д.82. Л.3.

[39] *Киреев, Л.* Указ.соч. — С. 360; Рязань православная / Авт.-сост. Ю.А. Дегтев. — Рязань, 1993. — С. 124—125; *Трубин, С.*, протоиерей, Высокопреосвещенный Талмадий (Каминекий), архиепископ Рязанский и Касимовский // Рязанский церковный вестник. — 2002. — № 12. — С. 38—40.

[40] Там же. Ф. Р-6.Оп.2.Д.306.Л.58; Земля Михайловская. — Рязань, 2000. — С. 84; Михайловские вести. — 2002. — 13 апр.

[41] РГАНИ. Ф.5. Оп.55. Д.49. Л.61—63; *Федотов, А.А.* Реформа приходского управления и закрытие храмов в 1960- е годы // Исторический вестник. Научный журнал. — 2001. — № 1 (12). — С. 161;

Платонов, О.А. Русское сопротивление. Война с антихристом. — М.: Алгоритм, 2006. — С. 161; ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.39. Л.65.

[42] Святая Русь. Большая энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / под ред. О.А. Платонова. — М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. — С. 317—319.

[43] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.95, Л.101—102, 185—186; *Акульшин, П.В.* Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918—1921 гг. / П.В. Акульшин, В.А. Пылькин. — Рязань, 2000. — С. 102; Были верны до смерти… Книга памяти новомучеников и исповедников рязанских.— Рязань, 2000. — Т. 1. — С. 231, 291.

[44] РГАСПИ. Ф.556. Оп.15. Д.25. Л.69—72.

[45] Законодательство о религиозных культах. Сб. документов и нормативных актов и статей классиков марксизма-ленинизма / под ред. В.А. Куроедова. — М.: Юрид. литература, 1969. — С. 35—36.

[46] Там же. — С. 36.

[47] ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.227. Л.108; Оп.3. Д.166.Л.138.

[48] Там же. Оп.1. Д.1747. Л.18-19; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.22. Л.73; ГАТО. Ф.-5220. Оп.2. Д.42. Л.228; Оп.1. Д.229. Л.137.

[49] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1649. Л.34.

[50] Там же. Д.1543. Л.164—168..

[51] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д. 61. Л.79—80; *Правдолюбов, А.* Съезд благочинных // Журнал Московской Патриархии. — 1949. — № 10. — С. 64.

[52] *Шкаровский, М.В.* Указ. соч. — С. 371.

[53] ГАРО. Ф. П-925. Оп.62. Д.36. Л.8—11.

[54] ГАТО. Ф. 3443. Оп.1. Д.379. Л.2—4.

[55] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.95. Л.188.

[56] Там же. Д.71. Л.75, 96—99.

[57] Там же. Д.73. Л.181—182.

[58] Там же. Д.71. Л.75.

[59] Там же. Д.87. Л.117—120.

[60] Там же. Д.22. Л.73.

[61] Там же.

[62] Народное хозяйство Рязанской области. Сборник. — М.: Статистика, 1967. — С. 14.

[63] *Андрианов, Н.П.* Эволюция религиозного сознания. — Л., 1974. — С. 22.

[64] *Тепляков, М.К.* Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. — Воронеж, 1972. — С. 122.

[65] *Кожевников, А.С.* Атеистическое воспитание сельского населения. — М.: Советская Россия, 1974. — С. 12.

[66] *Грушин, Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хруще-

ва, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн.: Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — С. 493.

[67] *Шкаровский, М.В.* — С. 20.

[68] *Цыпин, В.* История Русской Церкви 1917—1997. — М., 1997. — С. 405.

[69] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.2. Д.263. Л.48-52; Оп.1. Д.1747. Л.149—150.

[70] Там же. Оп.2.Д.453. Л.2.

[71] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.96. Л.188.

[72] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.2041. Л.80; Оп.2. Д.529. Л.12; *Степанов, В.И.* Новые праздники и боряды — в народный быт. — М.: Знание, 1964. — С. 10.

[73] Там же. Оп.1. Д.2041. Л.80; ГАРО. Ф. Р.5629. Оп.1. Д.96. Л.90; ГАТО. Ф.-5220. Оп.1. Д.264. Л.2.

[74] *Кожевников.* Указ. соч. — С. 138.

[75] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.87. Л.28—38.

[76] *Ипполитова, В.А.* Поле деятельности атеиста. — М.: Советская Россия, 1983. — С. 87.

[77] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.82. Л.19.

[78] *Кожевников, А.С.* Атеистическое воспитание сельского населения. — М.: Советская Россия, 1974. — С. 137.

[79] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.77. Л.234—237.

[80] Там же. Д.89. Л.22.

[81] Там же. Д.71. Л.50.

[82] *Минин, С.* (священник). Очерки по истории Владимирской епархии X—XX вв. — Владимир: Нива, 2004. — С. 88.

[83] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.82. Л.15—21, 241—245.

[84] Там же. Д.87. Л.28—32.

[85] Там же. Л.33—38.

[86] Там же. Л.43—45.

[87] Там же. Д.90. Л.56.

[88] Там же. Д.122. Л. 218; Д.86. Л.37.

[89] *Кураев, А.* (диакон). Откуда у церкви деньги. — Краснодар: Троицкое слово, 1999. — С. 15.

[90] *Тульцева, Л.А.* Современные праздники и обряды народов СССР. — М.: Наука, 1985. — С. 52.

[91] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.84. Л.44.

[92] Там же. Д.91. Л.31.

[93] Там же. Д.94. Л.181—182.

[94] Там же. Д.96. Л.112.

[95] Там же. Д.102. Л.96.

[96] Там же. Д.91. Л.300.

[97] Там же. Д.87. Л.20.

[98] Там же. Д.87. Л.190.

[99] Там же. Д.82. Л.16.
[100] Там же. Д.52. Л.143—145.
[101] Там же. Ф. Р-3251. Оп.33. Д.115. Л.106; Ф. Р-5629. Оп.1. Д.72. Л.15.
[102] Там же. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.76. Л.146—147.
[103] Там же. Д.57. Л.143—145.
[104] Там же. Д.57. Л.83; Д.22. Л.71.
[105] Там же. Д.22. Л.71; Д.57. Л.83.
[106] Там же. Д.79. Л.210.
[107] Там же. Д.67. Л.12; ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.1. Д.248. Л.115.
[108] Там же. Д.101. Л.95-96.
[109] Там же. Д.22. Л.43
[110]Там же. Д.96. Л.112.
[111] Там же. Д.118. Л.121—123; Д.22. Л.71.
[112] Там же. Д.88. Л. 118—119, 172.
[113] Там же. Д.91. Л.22.
[114] Там же.
[115] Там же. Д.88. Л.126—127.
[116] Приокская правда. — 1964. — 4 апр.
[117] Там же. — 1965. — 19 февр.
[118] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.88. Л.127—128.
[119] ГАРФ. Ф.6991.Оп.2. Д.529. Л.56
[120] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.101. Л.156—157.
[121] Там же. Д.126. Л.19.
[122] Там же. Д.127. Л.12.
[123] Там же. Д.107. Л.264.
[124] Там же. Д.62. Л.67; Д.71. Л.67.
[125] Там же. Д.112. Л.17—18.
[126] *Цыпин, В.* Указ. соч. — С. 389.
[127] ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.71. Л.1—2.
[128] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.43. Л.133.
[129] Там же. Д.71. Л.55.
[130] Там же. Д. 77. Л.307; Д.79. Л.235, 318.
[131] Там же. Д.84. Л.50-51.
[132] Там же. Д.77. Л.38.
[133] ГАТО. Ф. Р-5220. Оп.2. Д.48. Л.40—42.
[134] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1.. Д.88. Л.124; *Минин, С.* Указ. соч. — С. 86.
[135] Там же. Д.84. Л.229, 253.
[136] Там же. Д.124. Л.43.
[137] Там же. Д.67. Л.151.Д.11. Л.11.
[138] Там же. Д.96. Л.1.
[139] Там же. Д.84. Л.88; *Минин, С.* Указ. соч. — С. 85.
[140] Там же. Д.77. Л.118.

[141] *Сераим* (Роуз), иеромонах. Человек против Бога. — М., 2006. — С. 108, 112; *Зиновьев, А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. — М.: Центрполиграф, 2000. — С. 300.

[142] *Грушин, А.Б.* Указ. соч. — С. 216.

[143] *Гордон, А.А.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы / А.А. Гордон, Э.В. Клопов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 221—242.

[144] Человек, общество, религия / под. ред. А.С. Иванова [и др.]. — М.: Мысль, 1968. — С. 202; *Барулин, В.С.* Российский человек в XX веке: Потери и обретения себя. — СПб., 2000. — С. 39.

[145] *Барулин, В.С.* Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. — М.: Онега, 1994. — С. 204.

[146] РГАНИ. Ф.5. Оп.55. Д.10. Л.21—22; Оп.30. Д.321. Л.26—27.

[147] *Холмс, Л.* Социальная история России: 1917—1941 / пер. с англ. — Ростов-на-Дону, 1993. — С. 47.

[148] *Тойнби, А.Дж.* Постижение истории. Избранное. — М.: Рольф, 2001. — С. 548.

[149] *Шкаровский.* Указ. соч. — С. 391.

[150] *Минин, С.* Указ. соч. — С. 75.

[151] ГАРО. Ф. П-3. Оп.8. Д.6. Л.23—24; Оп.10. Д.5. Л.47.

[152] ГАРФ. Ф.6991. Оп.4. Д.170. Л.17—19.

[153] *Гераськин, Ю.В.*Указ. соч. — С. 61; Были верны до смерти... Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских. — Рязань, 2002. — Т. 1. — С. 65.

[154] Святые и праведники Земли Рязанской X—XX вв. / авт.- сост. Т. Веселкина. — Рязань, 2000. — С. 265.

[155] *Цыпин, В.* Указ. соч. — С. 411; Вече (Москва). — 1971. — 19 мая. — № 2. — С. 2—4; Вестник РХД. — 1966. — № 86. — С. 1; *Солженицын, А.* Бодался теленок с дубом. — Париж: Умка Пресс, 1975. — С. 168; *Солженицын, А.* «Великопостное письмо» Патриарху Пимену» // Публицистика. — Париж, YMCA — PRESS, 1981. — С. 120—124.

[156] Новый мир. — 1991. — № 12. — С. 36, 41.

[157] *Банникова, Т.* Будет ли кому Вопиять?.. // Рязанские ведомости. — 2006. — 28 янв.

[158] *Доленина, О.Е.* Некоторые особенности динамики плотности сельского населения России в период 1939—1989 гг. // Известия Русского географического общества. — 2005. — Т. 137. — Вып. 5. — С. 29.

[159] *Денисова, Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 60—80-е гг.

[160] *Милосердов, В.В.* Аграрная политика России — XX век / В.В. Милосердов, К.В. Милосердов. — М., 2002. — С. 248.

[161] *Ильинский. И.М.* Наш молодой современник: вопросы мировоззренческого воспитания // Социологические исследования. — 1987. — № 2. — С. 18—19.

[162] *Ильин. И.А.* Указ. соч. — С. 273—276.

[163] *Кожевников. С.* Атеистическое воспитание сельского населения. — М.: Советская Россия, 1974. — С. 14.

[164] Об идеологической работе КПСС: Сборник документов. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1983. — С. 200; *Цыпин В.* (протоиерей). История Русской Православной Церкви 1917—1990. Учебник для православных духовных семинарий. — Московская Патриархия: Хроника, 1994. — С. 178.

[165] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М., 1959. — С. 39; Народонаселение стран мира. Справочник / под ред. Б.Ц. Урланиса. — М.: Статистика, 1974. — С. 407; ГАРО Ф. Р-5629. Оп.1. Д. 134. Л.17; Д.107. Л.21.

[166] *Ипполитова, В.А.* Поле деятельности атеиста. — М.: Советская Россия, 1983. — С. 14.

[167] *Куроедов, В.А.* Религия и церковь в советском обществе. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1984. — С. 145; Тенденции социокультурного развития России 1960—1990 гг. / Отв. ред. И.А. Бутейко, К.Э. Разлогов. — М., 1996. — С. 301, 305.

[168] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.136. Л.91.

[169] *Кожевников, А.* Указ. соч. — С. 100—103.

[170] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.113. Л.113—117; Д.113. Л.94—97; Д.107.Л.62.

[171] РГАСПИ. Ф. 591. Оп.1. Д.172. Л.7; ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.96. Л.143—145.

[172] Рязанский комсомолец: Орган Рязанского областного комитета КПСС. — 1971. — 9 сент.

[173] *Ипполитова, В.А.* Указ. соч. — С. 87.

[174] *Кожевников, А.С.* Указ. соч. — С. 123.

[175] См.: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д.124. Л.46; Д.126. Л.34.

[176] Ведомости Верховного Совета СССР. — 1975. — № 27. — Ст. 572. — С. 105—117.

[177] *Цыпин, В.* Указ. соч. — С. 187; Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — Православная энциклопедия, 2000. — С. 157; РГАНИ, Ф.5. Оп.67. Д.37. Л.31—37.

[178] *Куроедов, В.А.* Религия и церковь в советском обществе. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1984. — С. 190.

[179] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.122. Л.51—55; Д.52. Л.30; *Минин, С.* Указ. соч. — С. 83—84, 141—143.

[180] *Цыпин, В.* Указ соч. — С. 417; ГАРФ Ф.6991. Оп.2. Д.201. Л.79;

[181] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.124. Л.1—2; Д.124. Л.86—87.

[182] Там же. Д.94. Л.261—264; *Никодим* (Ротов) (митрополит). Речь при вручении архиерейского жезла епископу Рязанскому и Касимовскому Борису // Журнал Московской Патриархии. — 1965. — № 4.

[183] Там же. Д.96. Л.70—71, 74—81; Д.124, Л.12—13; «Феодотьевская» икона Божией Матери «Одигитрия Рязанская». — Рязань, 2006. — С. 31—35; *Грабарь, И.* О древнерусском искусстве. Исследования, реставрация и охрана памятников. — М., 1966.

[184] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.126. Л.27—28, 34—35. *Кириллова, И.* Молитвенник земли Рязанской // Вечерняя Рязань. — 2006. — 1 июня (№ 21). — С. 5.

[185] Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. — 4-е изд. — Изд-во Свято-Иоанно-Богословского монастыря, 1998. — С. 181; *Ювеналий* (митрополит) Крутицкий и Коломенский. Человек Церкви. — Изд-е Московской епархии, 1998. — С. 174—176.

[186] ГАРО.Ф. Р-5629. Оп.1. Д.126. Л.27—28; Д.126. Л.34—35.

[187] *Киреев, Л.* Указ. соч. — С. 215—216; Рязань православная / авт.- сост. Ю.А. Дегтев. — Рязань: Русский мир, 1993. — С. 124—125; *Димперан, Л.* Ангел Земли Рязанской // Почетные граждане города Рязани 1975—2001. — Рязань: Узорочье, 2002. — С. 216; Рязанский церковный вестник. — 2002. — № 10. — С. 22—47.; *Евсина, И.* Пастырь, ученый, гражданин (памяти митрополита Симона) // Рязанские ведомости. — 2006. — 6 ноября. — № 256 (2596). — С. 4—5; Наречение и хиротония архимандрита Симона (Новикова) во епископа Рязанского и Касимовского // Журнал Московской Патриархии. — 1972. — № 12; Рязанский церковный вестник. — 2002. — № 10. — С. 5—47; Рязанский церковный вестник. — 2006. — № 3. — С. 17—20.

[188] ГАРО. Ф.П-3. Оп.67. Д.10 (Кор. 985). С.16.

[189] Там же. Д.107. Л.85; Д.108. Л.121—122.

[190] Там же. Д.103. Л.8; Д.107.Л.61—63.

[191] *Маслова, И.* Деятельность Совета по делам религий при Совете Министров СССР в 1965—1985 гг.: «политика сдерживания» // Религия и право. — 2005. — № 1.

[192] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.125. Л.1—3; Д.127. Л.7.

[193] Там же. Д.122. Л.50; Д.133. Л.68—70; Приокская правда. — 1966. — 16, 18, 20 нояб.

[194] ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.141. Л.45.

[195] Там же. Д.141. Л.43; Д.82. Л.101—102; Д.95. Л.119; Д.108. Л.128—120.

[196] Там же. Д.118. Л.162.

[197] Там же. Д.86. Л.109—111, 128.

[198] Там же. Д.124. Л.46—47.

[199] Там же. Д.123. Л.21.
[200] Там же. Л.25—26.
[201] Там же. Л.21.
[202] Там же. Л.34—42.
[203] Там же. Д.133. Л.55.
[204] Там же. Д.138. Л.20.
[205] Там же. Л..10.
[206] Там же. Л.20.
[207] Там же. Д.133. Л.55.
[208] Там же. Д.130. Л.4.
[209] Там же. Д.148. Л.4.
[210] С чужого голоса. Сб. / сост. М.В. Пучковский, Н.Д. Захаров — 2 е изд. — М.: Московский рабочий, 1985. — С. 333.
[211] ГАРО. Ф. Р.5629. Оп.1. Д.95. Л. 101—102.
[212] Там же. Д.92. Л.7.
[213] Там же. Д.122. Л.20.
[214] Там же. Д. 62 полностью.
[215] Там же. Д.123. Л.27.
[216] Там же. Д.122. Л.25.
[217] Там же. Д.126. Л.28-30.
[218] Там же. Д.127. Л.8.
[219] Там же. Д.127. Л.9.
[220] Там же. Д.135. Л.64.
[221] Там же. Д.135. Л.65.
[222] Там же. Л.74.
[223] Там же. Д.82. Л.201-202; Д.108. Л.176.
[224] Там же. Д.11. Л.35.
[225] Там же. Д.122. Л.20.
[226] Памятники Отечества. Альманах ВООПИК. — 1987. — № 1. — С. 158.
[227] ГАРО.Ф.Р-5629. Оп.1. Д.101. Л.40.
[228] Там же. Д.136. Л.35.
[229] Там же. Д. 82. Л.3; Д. 92. Л.7; Д.123. Л.27—28.
[230] *Цыпин, В.* Указ. соч. — С. 189; Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. — М., 2000. — С. 158.
[231] ГАРО. Ф.Р-5629 Оп.1. Д.134. Л.3—5.
[232] Там же. Д.125. Л.25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция государственно-церковных отношений в исследуемый период прошло два двадцатилетних этапа.

В конце 30-х гг., несмотря на разгром церковной организации, православное сознание сохранилось среди населения, что было продемонстрировано фактами оппозиционного голосования на выборах в Верховный Совет СССР 1-го созыва, и проявило способность к воспроизводству в годы Великой Отечественной войны и послевоенных ходатайствах верующих об открытии храмов. Под воздействием целого комплекса внутри и внешнеполитических факторов осенью 1939 г. наметились предпосылки к повороту государственной религиозной политики, заключающегося в создании видимости религиозной терпимости в стране

В сентябре 1943 г. Сталин предлагает новый курс в отношениях с Русской Православной Церковью. Духовно-религиозный фактор должен был сыграть весьма существенную роль в переломе поначалу неблагоприятного для страны хода военных действий, росте национально-патриотического самосознания. Последовал отказ от политики воинствующего атеизма с классовой борьбой против духовенства, которая была характерна для предыдущего периода советской истории. Произошла официальная легализация института Церкви в советском государстве.

После легализации РПЦ власть стали беспокоить проявления религиозного подполья и так называемого «народного православия», выражающегося в паломничестве населения к святым местам. Демократизация общественной жизни середины 50-х гг. породила конфликтность внутри церковной организации, что, в свою очередь, подготовило почву для реформы церковного управления 1961 г.

Если не принимать во внимание отдельные колебания и лавирования правительственного курса и степень сближения церковной и светской элиты, период 1939—1958 гг. в целом можно охарактеризовать как более или менее стабильный в отношениях государства и Церкви.

Очередной этап обострения государственно-церковных отношений совпал с новым этапом научно-технической революции. Власть на гребне промышленной революции в СССР, с учетом опыта периода «великого перелома», решила, опираясь на изменения в социально-демографической структуре населения, нанести удар по церковным обрядам и экономике с тем, чтобы ограничить количество крещеных, предотвратить воспроизводство православной традиции и ликвидировать материально-техническую базу Церкви. Настроения демократизации, присущие оттепели, партийно-политическое руководство пыталось внести в жизнь церковных общин, особенно городских, сильнее восприимчивых к ним. Опираясь на скрытую поддержку части верующих, государство пыталось поставить обрядовую и финансовую деятельность церкви под полный контроль. На этом пути партийно-государственное руководство столкнулось с парадоксальной живучестью обрядов и беспрецедентным финансовым вкладом населения в экономику Церкви. Церковная организация в целом придерживалась курса Патриарха Сергия (Старгородского) на отказ от противоборства с государством. На пути гонителей православной веры встали поколения, взращенные на Евангелии и внутренней, подчас плохо осознаваемой, церковности. Неграмотные или малограмотные люди, жившие в условиях фактически натурального хозяйства, в режиме приходской жизни, оказались недоступными глубокому идеологическому воздействию. Бесцеремонное и пренебрежительное отношение к памятникам истории и культуры вызвало протест интеллигенции. В условиях явного превосходства сил богоборческой власти, они ощущали себя жертвами, готовыми умереть за веру. Подобная психология жертвы порождала особый стоицизм. Неадекватной была и реакция маргиналов, на кого в проведении антирелигиозной политики пыталась опираться власть. Принятие нового порядка управления церковной организации 1961 г. препятствовало нормальной институализации религии, но не смогло разрушить жесткую церковную иерархию и блокировать духовенство от контроля за финансово-экономической деятельностью приходов. Отменить пусть частичную, но легализацию Церкви, состоявшуюся в годы войны, и добить ее окончательно, было уже невозможно. Утешительное обетование Спасителя «Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ее» (Мф. 16:18) очередной раз подтвердилась в период антирелигиозных гонений 1958—1964 гг.

Даже при сохранении определенной стабильности в отношениях государства и Церкви после смещения Хрущева, церковная организационная структура уменьшалась вследствие потери сельских приходов. Советская социология тех лет фиксирует уменьшение числа респондентов, позицирующих себя как верующие. Непрекращающиеся миграционные процессы, отдаленные демографические последствия войны, казалось, должны были не только сократить людские резервы, подрывая воспроизводственную способность деревни, но и окончательно разрушить патриархальный семейный уклад и ее православные традиции. Борьба с православными традициями в деревне выступала как необходимое условие политики модернизации сельского хозяйства, выравнивания укладов жизни в городе и селе. И все же закрытие сельских приходов под предлогом церковных распада «двадцаток», вследствие ухода из жизни давних ревнителей православной веры, не вызвало ожидаемых властью размеров сужения сферы религиозного сознания. Она столкнулась с ростом интереса к вере со стороны ранее нерелигиозной части населения, генерированием новых, воцерковленных уже в советский период, поколений. Через массированный миграционный отход в условиях массированного индустриального домостроения село выступило своеобразным донором в распространении элементов православного сознания в города, также поселки городского типа — своего рода промежуточную зону миграции.

Политическое руководство эпохи Брежнева взяло курс на дальнейшую легализацию Церкви с целью встраивания ее партийно-государственную машину и в концепцию «развитого социализма». К преемственности во взглядах советских руководителей на Церковь как отживший, архаичный общественный институт брежневское политическое руководство добавило некоторые новые подходы.

Антирелигиозные акции перестали носить масштабный характер. Была взята линия на отход от ориентации на количественные показатели в атеистической работе. Наделение Церкви признаками ограниченного юридического лица свидетельствовало об отказе от политики ликвидации церковной экономики. На смену политическому насилию приходит политика жесткой регламентации деятельности Церкви, административного и законодательного контроля с целью выявления и устранения нарушений. Воинственно-атеистическая пропаганда меняется на научно-атеистическую. Церковь стала полноправным участником внеш-

неполитической деятельности, поднялся ее международный авторитет. Табуировалось участие церкви в патриотической, благотворительной деятельности и социальном служении. В целом продолжала действовать прежняя линия на вытеснение Церкви из общественной жизни, правда она уже не носила форсированного характера. На протяжении всех периодов советской истории церковь вытеснялась в одну нишу — миротворческой деятельности. Полнокровным субъектом государственно-конфессиональных отношений Церковь так и не стала.

С точки зрения демографии провинция уступает городу к концу 70-х гг. XX века. Интенсивный процесс миграции в города становился необратимым. Носители традиционного православия в сельской местности завершали свой земной путь. На 70-е гг. приходится последняя волна массовых ходатайств верующих-селян об открытии храмов. Потенциал многолетнего сопротивления секулярной политике власти был близок к исчерпанию. Традиционная религиозность старшего поколения постепенно истощается по мере его естественного ухода. Вместе с угасающими населенными пунктами сокращались сельские приходы. Порой верующим приходилось удовлетворять свои религиозные потребности только в «полулегальных» часовнях на кладбище или святых источниках. Сельская религиозность посредством миграционных процессов переливается в города по типам «село-город», «село-поселок городского типа».

В городские храмы стало приходить новое поколение верующих. Возникает новая религиозность, характерная для нового состояния советского общества, в котором доминировало преимущественно городское население. В среде городской интеллигенции рождаются церковные диссиденты, которые перенимают петиционную эстафету и подготавливают почву для осуществления политики «перестройки» и пересмотра подходов к государственно-церковным отношениям. Поэтому расчет власти на то, что с уходом из жизни поколений, получивших традиционное воспитание, влияние Церкви на общество прекратится, не оправдался.

В различные периоды обострения государственно-церковных отношений православные верующие, как своеобразный буфер, принимали немалую долю ударов на себя, снимая тем самым, тяжесть силового давления церковную организацию. При этом верующие не оставляли Церковь без необходимой и самой разнообразной помощи. Сдерживающим фактором на пути политики повсеместного закрытия церквей были ходатайства, заявле-

ния и жалобы. Они помогали Церкви сохранять очаги религиозности в провинциальных приходах.

В условиях ограничения церковной жизни верующие вынуждены были вести нелегальную церковную жизнь. Подобное исповедание веры расценивалось властью как проявление инакомыслия и оппозиционности и потому преследовалось особо. В нелегальном отправлении православных обрядов, почитании дат православного календаря, паломничестве к святым местам власть отчетливо усматривала враждебное осмысление действительности по отношению к господствующей идеологии. Это осмысление не совпадало с логикой, содержавшейся в пропагандистских клише, а также и с тем идеалом «светлого будущего», к которому подводило официальное мировоззрение. Поэтому для власти приверженцы православного мировоззрения являлись порой не просто внесистемными «отсталыми элементами», а «религиозными фанатиками». Против них была направлена вся мощь атеистической пропагандистской машины, подкрепленная мерами политического и административного давления.

Православное массовое сознание долгое время оставалось практически единственной не подконтрольной государству коммуникативной сетью сельского социума. Даже при закрытии сельских храмов народная вера сохранялась в формах упрощенной обрядности, неканонического духовного самовыражения верующих. К 80-м годам села с закрытыми церквями стали консервировать не только православные традиции, но и «атеистическое воспитание», поскольку уцелевшая деревенская молодежь не всегда спешила возродить веру предков. Размытая православная культура деревни стала постепенно отставать от динамики развития религиозной жизни в городе.

Несмотря на гонения, все усилия власти, религиозное сознание, базировавшееся на духовных традициях Православия и невербализованном социальном опыте крестьянства, проявило стойкую тенденцию к воспроизводству в нескольких поколениях советских людей. Как говорилась выше, более разрушительным для воспроизводства православных традиций был ускоренный переход страны к индустриальному обществу, начавшийся в конце 50-х гг. XX века.

Исследование проблемы государственно-церковных отношений в советской период отечественной истории показывает, что это один из самых сложных и деликатных вопросов политики. Предпринимаемые на отдельных этапах советской истории

попытки ликвидировать церковную организацию и религиозную жизнь населения всякий раз заканчивались провалом с последующим возрождением веры в народе. История учит, что институт Церкви государству необходим. Без порождаемых Православием нравственных ориентиров для общества государство не может существовать и нормально исполнять свои функции. Очень важным требованием при этом является самостоятельность Церкви от государственного диктата и вмешательства, поскольку она ставит государству обязательные для его деятельности этические нормы.

По мере развития общества необходима разработка новых законодательных и иных механизмов гармоничного взаимодействия Русской Православной Церкви и российского государства, правового регулирования конфессиональной политики государства. Анализ исторического опыта ее осуществления позволит прогнозировать перспективы дальнейшего развития и совершенствования государственно-церковных отношений в новых условиях, выражающихся, в частности, в глобализации мировых процессов. Не теряет своей актуальности проблема определения степени сближения Церкви и государства. С учетом обострения демографических проблем в России критическое осмысление опыта борьбы с «отжившим православным укладом» жизни сельского населения может подтолкнуть к поиску новых форм организации духовной и социальной жизни на селе в территориальных рамках православных приходов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Материалы архивов

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп.1. Д.32; Ф. 6991 Оп. 1. Д. 1, 3, 29, 32,71, 291, 317, 346, 504, 781, 1027, 1043, 1543, 1649, 1747, 2041; Оп.2. Д.8; Оп.3 Д.166; Ф. Р-9401сч. Оп.1. Д.65.

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.1. Д.130; Оп.117. Д. 246; Оп.125 Д. 253, 313, 493, 593; Оп. 132. Д. 7, 100, 109, 110, 111, 497, 569; Ф. 89. Оп.4. Д.32, 80; Ф.556. Оп.15. Д.25. Ф. 591. Оп.1. Д.172.

3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп.16. Д.554; Ф. 5. Оп.16. Д.669, 704; Оп.30. Д.10, 321; Оп. 55. Д.10, 49; Ф. 55. Оп.33. Д.91.

4. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 3. Оп.1. Д. 2190; Ф. Р-3. Оп.4. Д.1115, 1121; Ф. П-3. Оп.67. Д.10; Ф. 6. Оп.1. Д. 487; Ф. 2997. Оп.1. Д.1; Ф. 3251. Оп.28. Д. 1651; Оп. 33. Д.108, 115. Ф. Р-3789. Оп. 2. Д.11; Ф.Р-5495. Оп.1. Д.1, 2; Ф.Р-5624. Оп. 1. Д. 69; Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 1—150; Ф. Р-6775. Оп.1. Д.75.

5. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 3443. Оп.1. Д.226, 379; Ф.Р-5220. Оп.1. Д.13, 22, 53, 117, 184, 229, 248, 264; Оп.2. Д.11,13, 16, 19, 21, 26, 31, 39, 42, 45,188, 189; Оп.4. Д.138, 264, 303.

6. Центр документации по новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО) Ф.1045. Оп.1. Д.9510, 9945, 10839, 11237, 11294.

7. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 389. Оп.1. Д.817; Ф. Р-632. Оп.2. Д.1, 15; Оп.8. Д.2, 3, 6.

2. Сборники документов, энциклопедии и справочники

1. Административно-территориальное деление союзных республик на 1января 1977 г. — М., 1977. — 709 с.

2. Административно-территориальное деление Владимирской области. — Ярославль, 1983. — 200 с.

3. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943 / Сост. М.Е. Губонин. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994.

4. Атеистический словарь. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Политиздат, 1986. — 512 с.

5. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922—1925 / Сост. Н.Н. Петровский, С.Г. Петров. — Новосибирск: Сибирский хронограф. — М.: РОССПЭН, 1998. — Кн. 1, 2.

6. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1975. — № 27. — Ст. 572. — С. 105—117.

7. Власть и церковь в СССР и странах восточной Европы. 1939—1964. (Дискуссионные аспекты) / Ред. Г.И. Мурашко — М., Одинцов. — М.: Ин-т славяноведения, 2003. — 380 с.

8. Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. — Владимир, 2002. — 536 с.

9. Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. — М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991.

10. *Грушин, Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.

11. Государственные архивы СССР. Справочник / Сост. Н.М. Андреева [и др.]. — М.: Мысль, 1989. — Ч. 1, 2.

12. Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель / Сост. Ю.А. Алексеев [и др.]. — М.: Государственная архивная служба, 1996. — Т. 1, 2.

13. *Дамаскин* (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия // Жизнеописания и материалы к ним. — Тверь, 1993—2006. — Кн. 1—7.

14. Демографический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 603 с.

15. Законодательство о религиозных культах. Сб. документов и нормативных актов и статей классиков марксизма — ленинизма / под общ. ред. В.А. Куроедова. — М.: Юрид. лит-ра, 1969. — 304 с.

16. За Христа пострадавшие: гонения на Русскую православную церковь. 1917—1956. Биографический справочник. — М., 1996. — Кн. 1. — 697 с.

17. История Русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Аннотированный справочник-указатель. — М.: Новоспасского монастыря, 1995. — 497 с.

18. История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России. Аннотированный справочник-указатель. — М.: Новоспасского монастыря, 1993. — 681 с.

19. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии: в 4 т. / Сост. священник. Иоанн Добросельский. — Рязань, 1886—1889.

20. Историко-статистическое описание Тамбовской Епархии. Изд. Тамбовской духовной консистории / под ред. секр. А.Е. Андиевского. — Тамбов, 1911.

21. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М.,1963.

22. *Киреев, А.*, протодиакон. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943—2002 годах. — М., 2002. — 480 с.

23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 3, 5, 6.

24. Конституция СССР и союзных республик. — М., 1977.

25. Конституция (Основной закон) СССР. Конституции союзных социалистических республик. — М.: Известия, 1972. — 288 с.

26. Конституция (Основной закон) РСФСР. — М.: Советская Россия, 1991. — 64 с.

27. Липецкая энциклопедия: в 3 т. / Ред.- сост. Б.М. Шальнев, В.В. Шахов. — Липецк, 1999.

28. *Лозовский, А.Г.* Церковь и государство: XX век. — Тамбов, 2002. — 147 с.

29. *Маслов, Н.В.* Толковый педагогический словарь. — Самшит-Издат, 2001. — 752 с.

30. Материалы XXII съезда КПСС. — М.: Госполитиздат, 1962. — 350 с.

31. Народное хозяйство Рязанской области. Статистический сборник. — М.: Госстатиздат, 1958. — 156 с.

32. Народное хозяйство Рязанской области. Статистический сборник. — М.: Статистика, 1967. — 184 с.

33. Народное хозяйство Рязанской области. — Рязань, 1988. — 228 с.

34. Население России за 100 лет (1897—1997). — М., 1998. — 222 с.

35. Население СССР. Справочник / под ред. А.Я. Боярского. — М.: Политиздат, 1974. — 192 с.

36. Об идеологической работе КПСС: Сборник документов. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1983. — 544 с.

37. Полный православный богословский энциклопедический словарь. — М.: Возрождение, 1992. (репринт). — Т. 1, 2.

38. Поместный Собор Русской Православной Церкви. 30 мая — 2 июня 1971 г. Документы. Материалы. Хроника. — М.: Издательство Московской Патриархии, 1972. — 319 с.

39. Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2000. — 654 с.

40. Православные праздники. — Минск, 2006. — 239 с.

41. Русское православие. Справочные и библиографические издания. Аннотированный указатель / Сост. И.В. Восканян [и др.]. — М.: РГБ, 1993. — 42 с.

42. Русская Православная Церковь. Монастыри. Энциклопедический словарь. — М., 2000. — 442 с.

43. Русская православная церковь: устройство, положение, деятельность. — М.: Московская патриархия, 1958. — 245 с.

44. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941: Документы и фотоматериалы / Отв. ред. Я.Н. Щапов. — М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 1991. — 352 с.

45. Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : в 2 кн. / Сост. Герд Штриккер. — М.: Пропилей, 1995.

46. Рязанская энциклопедия: в 4 т. / Гл. ред. В.Н. Федоткин. — Рязань: Пресса, 1999, 2000, 2002, 2003.

47. Рязанской области 60 лет. Юбилейный статистический сборник. Рязань, 1997. — 259 с.

48. Рязанская область. Территориально-административное деление. Справочник / Сост. М.Н. Кривельский, Л.В. Бахлина. — Рязань: Новое время, 1997. — 304 с.

49. *Симгера, В.М.* Развитие экономики России за 100 лет. 1900—2000: исторические ряды, вековые бренды, институциональные циклы. — М.: Наука, 2006. — 587 с.

50. Тамбовская энциклопедия / под ред. Л.Г. Протасова. — Тамбов: Юлис, 2002. — 704 с.

51. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб. — М., 1880—1882. — Т. 1—3.

52. Топонимический словарь Рязанской области. — Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А.А. Никольского. — Рязань, 2004. — 296 с.

53. Фонды ГА РФ по РСФСР. Путеводитель. — М.: Редакционно-издательский отдел федеральных архивов, 1996. — Т. 2. — 706 с.

3. Монографии и исторические исследования

1. *Авдонин, В.С.* История одной губернии. Рязанский край 1778—2000 / В.С. Авдонин, П.В. Акульшин, Ю.В. Гераськин, Е.А. Кирьянова, Е.Н. Соколов. — Рязань: Пресса, 2000. — 480 с.

2. *Агарев, А.* Трагическая авантюра. Сельское хозяйство Рязанской области 1950—1960 гг. А.Н. Ларионов, Н.С. Хрущев и др. Документы, события, факты. — Рязань: Русское слово, 2005. — 192 с.

3. *Агарев, А.* Уроки власти. Сельское хозяйство Рязанской области 1937—1948 гг. Документы, события, факты. — Рязань: Русское слово, 2006. — 144 с.

4. *Аграмаков, А.* Прогулки по губернской Рязани: Исторический путеводитель / А. Аграмаков, Е. Каширин. — Рязань, 2000. — 440 с.

5. *Акульшин, П.В.* Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918—1921 гг. / П.В. Акульшин, В.А. Пылькин. — Рязань, 2000. — 142 с.

6. *Алексеев, В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические заметки по истории борьбы с религией в СССР. — М.: Россия молодая, 1993. — 299 с.

7. *Андреев, И.М.* Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней. — Джорданвилль: изд-во Свято-Троицкого монастыря, 1951. — 180 с.

8. *Андреева, Л.А.* Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимации политической власти в России. — М.: Ладомир, 2001. — 260 с.

9. *Андрианов, Н.П.* Эволюция религиозного сознания. — Л., 1974. — 64 с.

10. *Бабинов, Ю.А.* Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. — Симферополь: Таврия, 1991. — 124 с.

11. *Барменков, А.И.* Свобода совести В СССР. — М.: Мысль, 1979. — 223 с.

12. *Барулин, В.С.* Российский человек в XX веке: Потери и обретения себя. — СПб., 2000. — 431 с.

13. *Барулин, В.С.* Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. — М.: Онега, 1994. — 256 с.

14. *Бердяев, И.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности: Репринт 1918 г. — М.: Философское общество СССР, 1990. — 240 с.

15. *Боголепов, А.А.* Церковь под властью коммунизма. — Мюнхен, 1958. — 204 с.

16. Борисо-Глебский кафедральный собор в г. Рязани / Сост. Иеромонах Серафим (Питерский), Т.М. Панкова. — Рязань: Зерна, 2001. — 98 с.

17. *Букин, В.Р.* Психология верующих и атеистическое воспитание. — М.: Мысль, 1969. — 230 с.

18. *Васильева, О.Ю.* Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. — М., 1994.

19. *Васильева, О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. — М.: РАН ИРИ, 1999. — 212 с.

20. *Верт, А.* Россия в войне 1941—1945. — Смоленск: Русич, 2003. — 774 с.

21. *Веселкина, Т.Ю.* Собор рязанских святых / Т.Ю. Веселкина, Э.К. Киселева. — Рязань: Наше время, Узорочье, 1998.

22. *Гордон, А.А.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы / А.А. Гордон, Э.В. Клопов. — М.: Политиздат, 1989. — 360 с.

23. *Грабарь, И.* О древнерусском искусстве. Исследования, реставрация и охрана памятников. — М., 1966. — 559 с.

24. *Дозорцев, П.Н.* Генезис отношений государства и церкви (Историко-библиографический аспект). — М.: Манускрипт, 1998. — 92 с.

25. *Ильин, И.А.* Аксиомы религиозного опыта. — Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. — 591 с.

26. *Иоанн* (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Русский узел. Статьи. Беседы. Обращения. — СПб., 2000. — 402 с.

27. *Гераськин, Ю.В* Государство и Церковь (из истории государственно-церковных отношений в Рязанском крае в XX веке). — Рязань, 2003. — 80 с.

28. *Гольст, Г.Р.* Религия и закон. — М.: Юридическая литература, 1975. — 109 с.

29. *Горбачев, О.В.* Причины миграции в города российского Центра во второй половине 1940—1970-е гг. с точки зрения жителей села // Материалы международной Internet-конференции «Сравнительное изучение демографического развития России и других стран в процессе перехода к открытому обществу в XIX—XX веках». — Тамбов, 2002.

30. *Гордиенко, Н.С.* Эволюция русского православия (20—80-е годы XX столетия). — М.: Знание, 1984. — 64 с.

31. *Гордиенко, Н.С.* Современное русское православие. — Л.: Лениздат, 1987. — 302 с.

32. *Гордиенко, Н.С.* Крешение Руси: факты против легенд и мифов (полемические заметки). — Лениздат, 1986. — 287 с.

33. *Горбенко, В.А.* Деятельность партийных организаций по атеистическому воспитанию на селе в период 1979—1980 гг. (на материалах Рязанской и Тульской обл.). — Рязань: Изд-во РРТИ, 1986. Рук. деп. в ИНИОН № 28790 от 20.03.1987. — 19 с.

34. Города и районы Рязанской области: Историко-краеведческие очерк / Сост. С.Д. Цуканова. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 607 с.

35. *Грабе, Г.* Правда о Русской Церкви на Родине и за Рубежом (По поводу книги С.В. Троицкаго «О неправде Карловацкого раскола»). — Джорданвилль, Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1961.

36. *Данилов, А.А.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. — М.: РОСПЭН, 2001. — 303 с.

37. *Демьянов, А.И.* Истинно-православное христианство. Критика идеологии и деятельности. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 1977. — 150 с.

38. *Демьянов, А.И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления (Социально-психологический анализ). — Воронеж: ВГУ, 1984. — 184 с.

39. *Демьянов, А.И.* Факты против измышлений: (Миф о «религиозном возрождении» в СССР и его несостоятельность). — Воронеж: Центрально-Черноземное издательство, 1989. — 126 с.

40. *Денисова, Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 60—80-е гг. — М.,1996. — С. 121

41. *Дудко, Д.* Христос в нашей жизни. — М.: Храм, 1992. — 303 с.

42. *Егорова, О.А.* Из истории Тумской Троицкой церкви // Материалы и исследования по рязанскому краеведению.— Рязань, 2005. — Т. 8. — С. 218—220.

43. Епископ Афанасий (Сахаров). — Александров, 1998. — С. 1—12.

44. Житие святой мученицы Наталии Скопинской. — Рязань, 2004. — 8 с.

45. Житие Святителя Афанасия, епископа Ковровского, исповедника и песнописца (1887—1962). — Владимир, 2002. — С. 1—48.

46. Заботы и дела атеистов. — М.: Моск. рабочий, 1976.

47. За Христа пострадавшие в земле Владимирской. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1977—1956. Синодик и биографический справочник. — Александров, 2000. — 80 с.

48. *Зеленин, И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева в сельском хозяйстве. — М.: ИРИ РАН, 2001. — 302 с.

49. Земля Михайловская. — Рязань, 2000.

50. *Зима, В.Ф.* Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия / Отв. ред. В.П. Дмитренко. — М., 1996.

51. *Зиновьев, А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. — М.: Центрполиграф, 2000. — 506 с.

52. *Зубкова, Е.Ю.* Общество и реформы. 1945—1964 / под общ. ред. Г.А. Бордюгова. — Россия молодая, 1993. — 200 с.

53. *Зубкова, Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. — М., 2000. — 230 с.

54. «Добиться закрытия так называемых «святых мест» // Источник. — 1997. — № 4. — С. 120—129.

55. *Иникова, С.А.* Святые источники Рязанской земли: православные традиции в их почитании // Православие и традиционная народная культура Рязанской области. / Коллектив авт. — Рязань, 2001. — С. 155—170.

56. *Ильинский, А.* Церковь гонимая (30-е годы) // Литературная учеба. — 1995. — Кн. 1. — С. 192—208.

57. *Ипполитова, В.А.* Поле деятельности атеиста. — М.: Советская Россия, 1983. — 104 с.

58. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. — Госполитиздат, 1952. — 352 с.

59. История Владимирского края. Учебное пособие для школ / под ред. Д.И. Копылова. — Владимир: Дюна, 2004. — 388 с.

60. Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя / под ред. Г. Бордюгова. — М.: АИРО-XX, 2003. — 560 с.

61. *Карпов, В.* Генералиссимус. — М., 2002. — Кн. 1, 2.

62. *Кашеваров, А.Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви. 1917—1945 гг. — СПб., 1995. —138 с.

63. *Киреев, Л.,* протодиакон. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943—2005 годах. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 2005. — 544 с.

64. *Клибанов, А.И.* Крещение Руси: история и современность / А.И. Клибанов, Л.Н. Митрохин. — М.: Знание, 1988. — 64 с.

65. *Клибанов, А.И.* Современное сектантство в Тамбовской области (по мат. экспедиции Института истории АН СССР в 1959 г.) // Вопросы истории религии и атеизма. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 8. — С. 59—100.

66. *Клибанов, А.И.* Современное сектантство в Липецкой области // Вопросы истории религии и атеизма. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — Т. 10. — С. 157—185.

67. *Клочков, В.В.* Борьба с нарушениями законодательство о религиозных культах. — М.: Юридическая литература, 1967. — 238 с.

68. *Клочков, В.В.* Религия, государство и право. — М.: Мысль, 1978. — 287 с.

69. *Кривова, Н.А.* Власть и Церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. — М.: АИРО-XX, 1997.

70. *Кожевников, А.С.* Атеистическое воспитание сельского населения. — М.: Сов. Россия, 1974. — 144 с.

71. *Козлов, В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980 гг.). — Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1999. — 413 с.

72. *Константинов, Д.В.* Гонимая Церковь: Русская Православная Церковь в СССР. — М., 1999. — 223 с.

73. *Кузнецов, И.* Сапожковский край. Историко-краеведческие очерки. — Рязань: Русское слово, 1999. — 255 с.

74. *Корзун, М.С.* Русская православная церковь. 1917—1945 гг.: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. — Минск: Беларусь, 1984. — 255 с.

75. *Костомаров, Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII веках. — М.: Республика, 1992. — 303 с.

76. *Красников, Н.П.* Русское православие: история, современность. — М.: Московский рабочий, 1988. — 75 с.

77. *Кураев, А.,* диакон. Церковь в мире людей. — М.: Сретенский монастырь, 2005. — 544 с.

78. *Кураев, А.,* диакон. Откуда у церкви деньги. — Краснодар: Троицкое слово, 1999. — С. 15.

79. *Куроедов, В.А.* Советское государство и церковь. — М.: Знание, 1976. — 79 с.

80. *Куроедов, В.А.* Религия и церковь в советском обществе. — Изд. 2-е доп. — М.: Политиздат, 1984. — 263 с.

81. *Курочкин, П.К.* Эволюция современного русского православия. — М.: Мысль, 1971. — 270 с.

82. *Кученкова, В.А.* Храмы Кирсановского благочиния. — Тамбов, 2000. — 103 с.

83. *Левитин-Краснов, А.* Очерки по истории русской церковной смуты / А. Левитин-Краснов, В. Шавров. — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. — 672 с.

84. *Лобовик, Б.А.* Религиозное сознание и его особенности. — Киев: Наукова Думка, 1986. — 244 с.

85. *Мануйлова, Д.Е.* Церковь и верующий. — М.: Политиздат, 1981. — 75 с.

86. *Маркова, О.И.* Лагерь для военнопленных в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре (1943—1946) // Материалы исследований ВСМЗХ: Сб. 1. — Владимир, 1996. — С. 104—111.

87. *Маслова, И.И.* Советское государство и Русская Православная Церковь: политика сдерживания (1964—1984). — М.: МНЭПУ, 2005. — 220 с.

88. *Маят, Е.В.* «Братья» и «сестры» во Христе / Е.В. Маят, И.Н. Узков. — М.: Советская Россия, 1963. — 134 с.

89. *Милосердов, В.В.* Аграрная политика России — XX век / В.В. Милосердов, К.В. Милосердов. — М., 2002. — 490 с.

90. *Минин, С.,* священник. Очерки по истории Владимирской епархии X—XX вв. — Владимир: Нива, 2004. — 152 с.

91. *Митрохин, Л.Н.* реакционная идеология «истинно-православной церкви на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 9. — С. 144—162.

92. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. (1945—1959) / Отв. ред. Ю.А. Поляков. — М.: РОСПЭН, 2001. — Т. 2. — 415 с.

93. Население СССР за 70 лет / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. — М.: Наука, 1988. — 216 с.

94. На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). — М.: Прогресс, 1989. — 496 с.

95. *Нежный, А.* Комиссар дьявола. — М.: Протестант, 1993. — 272 с.

96. Незабываемые дни. Сб. материалов о пребывании первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в Рязани с вручением Рязанской области ордена Ленина. — Рязанское книжное изд-во, 1959. — 48 с.

97. *Некрасов, В.М.* Святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии (1887—1962) // Владимирский некрополь. Князь-Владимирское кладбище. — Владимир, 2000. — Вып. 3. — С. 73—80.

98. Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии / Сост. Ю.В. Аксютин. — М.: Политиздат, 1989. — 366 с.

99. *Никольский, А.*, священник. Церковь и государство (история правовых отношений). — М.: Изд. Сретенского монастыря, 1997. — 429 с.

100. *Никольская, З.А.* К характеристике течения истинно-православных христиан // Вопросы истории религии и атеизма. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 9. — С. 161—188.

101. *Одинокова, И.* Жребий Иова // Карта (российский независимый исторический и правозащитный журнал). — 2005. — № 43—44. — С. 54—75.

102. *Одинцов, М.И.* Государство и церковь в России. XX век. — М.: Луч, 1994. — 171 с.

103. *Одинцов, М.И.* Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. — М.: РОИР, 2005. — 540 с.

104. *Одинцов, М.И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. — М.: РОИР, 2002. — 312 с.

105. Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. — 4-е. изд. — Изд-во Свято-Иоанно-Богословского монастыря, 1998.

106. *Орехов, Д.* Святые источники России. — СПб.: Невский проспект, 2000. — 160 с.

107. *Осипов, А.А.* Откровенный разговор с верующими и неверующими: размышления бывшего богослова. — Л.: Лениздат, 1983. — 302 с.

108. Осмыслить культ Сталина. Сб.ст. — М., 1989. — 651 с.

109. Очерки по истории Рязанской организации КПСС. — Моск. рабочий, 1979. — 540 с.

110. *Пихоя, Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. —М.: РАГС, 1998. — 736 с.

111. *Платонов, О.А.* Русское сопротивление. Война с антихристом. — М.: Алгоритм, 2006. — 720 с.

112. *Покровский, Н.Н.* Власть и церковь на Руси (заметки историка) // Россия. — 1997. — Нояб. — дек.

113. *Поплавская, Х.В.* Паломничество в Рязанском крае по архивным документам, публикациям и полевым материалам // Православие и традиционная народная культура Рязанской области. / Коллектив авт. — Рязань, 2001. — С. 182—191.

114. *Поповский, М.* Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга. — СПб, 2002. — 509 с.

115. *Поспеловский, Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995.

116. *Поспеловский, Д.В.* Православная церковь в истории Руси, России, СССР. Учебн. пособие. — М.: Библ.- богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. — 408 с.

117. *Правдолюбов, В.,* протоиерей. Религиозная история Касимова. — Изд-е Успенской церкви г. Касимова, 1998. — 42 с.

118. Православие и традиционная народная культура Рязанской области / Гл. ред. В. Коростылев. — Рязань, 2001. — 219 с.

119. *Преображенский, Н.А.* О «кровавой палочке», «чудесных огнях» и других «необыкновенных» явлениях. — Рязань: кн. изд-во, 1959. — 48 с.

120. *Пушкарев, С.Г.* Роль православной церкви в истории России. — 2-е изд. — Нью-Йорк: Посев, 1985. — 121 с.

121. *Рар, Глеб* (Ветров А.) Плененная церковь: Очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. — 113 с.

122. *Регельсон, Л.* Трагедия Русской Церкви 1917—1945. — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. — 630 с.

123. *Родин, Н.* Касимов — городец Мещерский: Историко-краеведческие очерки. — 2-е изд. доп. — Рязань: Узорочье, 1997. — 146 с.

124. *Розенбаум, Ю.А.* Советское государство и церковь. — М.: Наука, 1985. — 174 с.

125. Роль Православной церкви в истории и культуре Владимирской земли // Материалы областной краеведческой конференции 19 мая 2000 г. — Владимир, 2001. — 128 с.

126. *Русак, В.* (Степанов). История Русской церкви. Со времени основания до наших дней. — Джорданвилль, 1993. — 580 с.

127. Русский город и русский дом (Опыт религиозно-социального исторического анализа для современной России) / Сост. М.И. Гельвановский, С.О. Елишев, В.А. Махнач. — М., 2004. — 221 с.

128. Рязанские женщины в Кремле. — Рязанское книжное издательство, 1959. С. 121.

129. Русский патриотизм. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа / под ред.О.А. Платонова. — М.: Энциклопедия русской мысли, 2003. — 928 с.

130. Русское православие. Вехи истории // Науч. ред. А.И. Клибанов — М.: Политиздат, 1989. — 710 с.

131. Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. — СПб.: Искусство-СПб., 2001. — 668 с.

132. Рязань православная / Сост. Ю.А. Дегтев. — Рязань: Русский мир, 1993. — 128 с.

133. Святитель Василий епископ Рязанский чудотворец. Житие и акафист. Рязань, 2006. — 47 с.

134. Светильник веры. Жизнеописание блаженной Пелагеи Захаровской. — М.: Зерна, 2001. — 79 с.

135. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. док. и мат… — М, 2005. — 564 с.

136. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. ст. — М., 2006. — 569 с.

137. Святые и праведники земли Рязанской X—XX вв. / Сост. Т. Веселкина. — Рязань, 2000. — 314 с.

138. *Селиванов, В.В.* Год русского земледельца (Зарайский уезд Рязанской губернии): Репр. изд. — Рязань.: РГПУ, 1995; *Серафим* (Роуз), иеромонах. Человек против Бога. — М., 2006. — 156 с.

139. *Серафим,* (Соболев), архиепископ. Русская идеология. — СПб.: Изд-во им. А.С. Суворина, 1992.

140. *Симон*, Высокопреосвященнейший архиепископ. Труды, Послания, Слова и Речи. — Рязань: Пресса, 1998. — 464 с.

141. Сестры: очерк жизни сестер-подвижниц Анисии, Матроны и Агафьи, подвизавшихся и почивших в с. Ялтуново Шацкого района Рязанской епархии. — Изд. 3-е, испр. — М., 2004. — 215 с.

142. Славный почин рязанцев. — М.: Госсельхозиздат, 1959.

143. Советские традиции, праздники и обряды. Опыт, проблемы, рекомендации / под ред. М.А. Орлика. — М.: Профиздат, 1986. — 336 с.

144. *Солженицын, А.* «Великопостное письмо» Патриарху Пимену» // Публицистика. — Париж, YMCA — PRESS, 1981. — С. 120—124.

145. *Солженицын, А.И.* Публицистика: в 3 т. — Ярославль, 1995.

146. *Солодовников, Д.* Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. — Рязань, 1995. — 176 с.

147. Социальный облик колхозной молодежи по материалам социологических исследований 1938 и 1969 гг. / под ред. В.Е. Полетаева. — М.: Мысль, 1976. — 291 с.

148. *Степанов, В.* (Русак) Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе. —М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993. — Ч. 1—3.

149. *Степанов, П.М.* Русское православие: правда и вымыслы. К 100-летию введения христианства на Руси. — Краснодар: Книжное издательство, 1988. — 95 с.

150. *Солженицын, А.И.* Архипелаг Гулаг. 1918—1956. Опыт духовного исследования. — М., 1990. — Т. 1, 2.

151. С чужого голоса: Сборник / Сост. М.В. Пучковский, Н.Д. Захаров. — 2-е изд. — М.: Моск. рабочий, 1985. — 348 с.

152. Тенденции социокультурного развития России 1960—1990 гг. / Отв. ред. И. А.Бутейко, К.Э Разлогов. — М., 1996. — 520 с.

153. *Тепляков, М.К.* Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. — Воронеж, 1972. — 151 с.

154. *Теплоухов, С.Н.* Двадцать пять в Китае. — Рязань, 2002. — 160 с.

155. *Тимофеева, Т.П.* Лежит в развалинах твой храм… О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918—1939). Документальные хроники. — Владимир, 1999. — 112 с.

156. *Тойнби, А.Дж.* Постижение истории. Избранное. — М.: Рольф, 2001. — 640 с.

157. *Тульцева, Л.А.* Современные праздники и обряды народов СССР. — М.: Наука, 1985. — 189 с.

158. *Тульцева, Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. — Рязань, 2001. — 284 с.

159. *Федотов, А.А.* Святые земли Ивановской. — Решма, 1997.

160. *Федотов, А.А.* Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918—1998 гг.: Внутрицерковная жизнь и взаимодействие с государством. — Иваново, 1999. — Ч. 1.

161. *Федотов, А.А.* История Ивановской епархии. — Иваново, 1998.

162. *Федотов, А.А.* Собор Ивановских святых. — Иваново, 2002. — 52 с.

163. *Федотов, А.А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Церковно-историческое сочинение. — Иваново, 2002. — 226 с.

164. *Федотов, А.А.* Ахрипастыри земли Ивановской. Церковно-историческое сочинение. — Иваново, 2000.

165. Феодотьевская икона Божией Матери (Одигитрия Рязанская). — Рязань, 2006. — 78 с.

166. *Филист, Г.М.* Урбанизация и сектантство. — Минск: Беларусь, 1096. — 128 с.

167. *Фуров, В.Г.* Грани наследия. (О сохранении памятников истории и культуры). — М.: Советская Россия, 1985. — 175 с.

168. *Цыпин, В.*, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917—1990: Учебник для православных духовных семинарий МП. — М.: Хроника, 1994. — 251 с.

169. *Цыпин, В.*, протоиерей. Русская Православная Церковь (1917—1925). — М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996. — 336 с.

170. *Цыпин, В.*, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1925—1938. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1999. — 429 с.

171. *Цыпин, В.*, протоиерей. История Русской церкви 1917—1997. — М., 1997. — 830 с.

172. *Цыпин, В.*, протоиерей. История Русской Православной Церкви в синодальный период 1700—2000 гг. — М., 2006. — 830 с.

173. *Чеботарев, С.А.* Тамбовская епархия 40—60 гг. XX века. — Тамбов, 2004. — 380 с.

174. *Чумаченко, Т.А.* Государство, православная церковь, верующие.1941—1961 гг. — М.: АИРО-XX, 1999. — 248 с.

175. *Чумаченко, Т.А.* Совет по делам русской православной церкви СНК(СМ) СССР: внутренняя структура, функции, место в системе государственных органов. 1945—1965 гг. // Историки размышляют. / Кол. авт. / ред.-сост. Л.И. Семенникова. — 2002. — Вып. 3. — С. 231—248.

176. *Шатилов, И.М.* От Можар до Напольного. Путевые очерки. — Моск. рабочий, 1977. — 112 с.

177. *Шелтон, К.* Русская Церковь и Советское государство. 1917—1950 гг. / К. Шелтон, Д. Шелтон: пер. с англ. — Бостон, 1958.

178. *Шкаровский, М.В.* РПЦ и советское государство в 1943—1964 годах. От «перемирия» к новой войне. — СПб, 1995. — 215 с.

179. *Шкаровский, М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 гг.). — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. — 400 с.

180. *Шкаровский, М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территориии СССР). — М., 2002. — 498 с.

181. *Шкаровский, М.В.* Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. — СПб.: Сатис, Держава, 2005. — 620 с.

182. *Шмеман, А.* Исторический путь православия. — Париж: Имка-пресс. — 389 с.

183. *Щеголева, Е.* Православный храм. — М.: Олма-Пресс, 2002. — 191 с.

184. *Холмс, Л.* Социальная история России: 1917—1941 / пер. с англ. — Ростов-на-Дону, 1993. — 144 с.

185. *Хрущев, Н.С.* За прочный мир и международное сотрудничество: Сборник речей. — М., 1958.

186. *Хрущев, Н.С.* Речи во время пребывания в Рязани в связи с вручением Рязанской области ордена Ленина 12—13 февраля 1959 г. — Рязань: Ряз. книжн. изд-во, 1959. — 30 с.

187. *Эллис, Д.* Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. — Лондон, 1990. — 308 с.

188. *Ювеналий,* митрополит Крутицкий и Коломенский. Человек Церкви. Издание Московской Патриархии, 1998. — 408 с.

189. *Якунин, В.Н.* Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Самара: издательство СГУ, 2001. — 400 с.

190. *Davis, N.* Long Walk to the Church. A Contemporary History of Russian Orthodoxy. — USA, 1995. — XXIII. — 381 pp.

4. Материалы периодической печати

1. *Покровский, Н.* Власть и церковь на Руси. Заметки историка // Россия. — 1997. — ноябрь, декабрь.

2. Агитатор. — 1972. — № 10.

3. *Александров, Г.* Православный сталинизм — спасение России: К 50-летию Совещание Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей // Советская Россия. — 1998. — 23 июля. — С. 6.

4. *Алексеев, В.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории / В. Алексеев, Ф. Ставру // Русское Возрождение. — Москва — Нью-Йорк — Париж, 1980. — № 11—18.

5. Аргументы и факты (Рязанский выпуск). — 2001. — № 22 (1075).

6. *Артемов, Б.* Об антирелигиозной пропаганде в Бондарском районе // Сталинское знамя: Орган Тамбовского обкома КПСС. — 1954. — 8 июля.

7. Атеистическое воспитание трудящихся // Приокская правда. — 1959. — 12 дек.

8. *Афанасьев, Ю.Н.* Симфония как соблазн: Докл. ректора Рос. гос. гуманит. ун-та на науч.-исслед. конф., посвящ. проблемам взаимоотношений Православной Церкви и государства, Бирремарк (Дания) // Независимая газета. — 1997. — 29 мая.

9. *Апушкина, Е.В.* Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова) // Вестник РХД. — Париж — Нью-Йорк — М., 1983. — № 107. — С. 170—211.

10. *Бадалов, Т.* Суевериям не должно быть у нас места / Т. Бадалов, И. Гусев // Приокская правда. — 1959. — 13 июня.

11. *Банникова, Т.* Будет ли кому Вопиять?.. // Рязанские ведомости. — 2006. — 28 янв.

12. *Барская, В.* Церковь приспосабливается // Блокнот агитатора. — 1967. — № 15—16. — С. 58—62.

13. *Бахмутов, Ф.* Подумай! Остановись… // Рязанский комсомолец. — 1960. — 19 мая.

14. *Берман, В.* [и др.]. «Святой источник» Солотчинского района и его целительная сила // Сталинское знамя: Орган Рязанского обкома КПСС. — 1954. — 29 сент.

15. Благовест: российская православная газета. — 1996. — № 7; 1997. — № 2, 11; 1999. — № 3; 2000. — № 9; 2001. — № 3, 7, 8; 2002. — № 2, 8; 2003. — № 2.

16. *Борознова, Н.* Две жизни (о рязанском священнике С. Теплоухове, порвавшем с религией) // Наука и религия. — 1974. — № 8. — С. 38—41.

17. *Борташевич, Ю.* Пропаганда атеизма // Приокская правда. — 1959. — 15 июня.

18. *Вагнер, Г.К.* Путь к свободе // Рязанский комсомолец. — 1990. — 4 авг. — С. 5.

19. *Васильев, О.* Тайная вечеря / О. Васильев, П. Кнышевский // Литературная Россия. — 1991. — 27 сент.

20. *Викторов, Е.* Батюшки // Рязанский комсомолец. — 1959. — 19 сент.

21. *Вылцэн, М.А.* Приказ и производство: способы мобилизации деревни в годы войны // Отечественная история. — 1996. — № 3. — С. 77.

22. *Гераськин, Ю.В.* «Выбирать вашу власть мы не будем». Протестные настроения верующих в Рязанской области. 1937 г. // Исторический архив. — 2006. — № 3. — С. 214—217.

23. *Гераськин, Ю.В.* Протестные настроения православной провинции в Рязанской области в ходе выборов в Верховный Совет СССР 1-го созыва // Вестник церковной истории. — 2006. — № 2. — С. 249—254.

24. Где бездействует клуб // Комсомольская правда. — 1954. — 8 сент.

25. *Голованов, В.* Приглашает клуб читателей: о клубах журнала «Наука и религия» // Наука и религия. — 1984. — № 9. — С. 6—7.

26. *Горячев, А.* Семинар по атеизму // Приокская правда. — 1959. — 13 дек. — № 292 (11952).

27. *Горяченков, Г.* Советы и Церковь // Досье. — 2001. — № 12, 13.

28. *Гордун, С.,* священник. Русская православная церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник русского студенческого христианского движения. — Париж — Нью-Йорк — Москва, 1990. — С. 82—142.

29. *Гордун, С.* Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской Патриархии. — 1993. — № 2.

30. *Димперан, Л.* Ангел Земли Рязанской.// Почетные граждане города Рязани 1975—2001. — Рязань: Узорочье, 2002. — С. 216.

31. Диспут. — 1992. — № 3. — С. 155—157.

32. *Доленина, О.Е.* Некоторые особенности динамики плотности населения России в период 1913—1989 гг. // Известия русского географического общества. — сентябрь-октябрь 2005. — Т. 137. — Вып. 5. — С. 27—28.

33. *Евсина, И.* Пастырь, ученый, гражданин (памяти митрополита Симона) // Рязанские ведомости. — 2006. — 6 ноября. — № 256 (2596). — С. 4—5.

34. *Егорова, Е.* Архиерейский дом — эксплуататор масс / Е. Егорова, В. Колосков // Рязанский комсомолец. — 1960. — 27 сент.

35. *Ефимов, П.* Выборы в Советы и разоблачение церковников // Антирелигиозник. — 1938. — № 5. — С. 15—16.

36. *Жбанков, А.* Под серебряным куполом // Сталинское знамя: Орган Рязанского обкома КПСС. — 1954. — 23 июня.

37. *Жбанков, А.* Бабушка ли виновата? В Каверине плохо налажена атеистическая пропаганда // Рязанский комсомолец. — 1958. — 14 февр.

38. *Жиромская, В.Б.* Религиозность народа в 1937 г. // Исторический вестник. — 2000. — № 1.

39. Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1, 3; 1944. — № 12. — С. 11; 1948. — № 12. Спец. номер. — С. 26—27; 1958. — № 5. — С. 23; 1962. — № 5; 1963. — № 5; 1965. — № 9; 1980. — № 1.

40. Забытый участок идеологической работы // Сталинское знамя: Орган Рязанского обкома КПСС. — 1954. — 13 авг. — № 159 (10534).

41. *Иванченко, Н.* На чужой беде // Сельская жизнь. — 1972. — 24 июня.

42. *Иванюшкина, Н.* Как я освободилась от религиозного обмана // Рязанский комсомолец. — 1958. — 6 июня.

43. *Ильинский, И.М.* Наш молодой современник: вопросы мировоззренческого воспитания // Социологические исследования. — 1987. — № 2. — С. 18—19.

44. *Ильин, И.А.* Указ. соч. — С. 273—276.

45. *Иоаким* (Заякин), иеродиакон. Священномученик Иувеналий, архиепископ Рязанский и Шацкий // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 8. — С. 71.

46. *Иоанн* (Маслов). Вклад Русской православной церкви в Победу над фашизмом // Русь державная. — 1995. — № 7—9. — С. 6.

47. Исторический архив. — 1996. — № 5/6. — С. 49.

48. Исторический журнал. — 1995. — № 4. — С. 119.

49. Источник (документы русской истории), 1997. — № 4 (29). — С. 129.

50. *Карпец, В.* Воскресение, словущее (Церковь в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы) // Сибирь. — 1991. — № 6.

51. *Карпушкин, Г.* Богомаз в роли культурника / Г. Карпушкин, Ю. Жабин // Сталинец: Орган Рязанского обкома ВЛКСМ. — 1954. — 15 окт.

52. *Кашафутдинов, И.* У колодца «святой» Магдалины // Рязанский комсомолец. — 1963. — 4 июня.

53. *Кириллова, И.* Молитвенник земли Рязанской // Вечерняя Рязань. — 2006. — 1 июня. — № 21. — С. 5.

54. *Китер, Н.* Православная церковь в СССР в 30-е годы // Церковно-исторический вестник. — 1998. — № 1. — С. 44—61.

55. *Кожемяко, В.* Вельвет во храме // Приокская правда. — 1957. — 11 июля.

56. *Кузьмин, Б.* Забытый участок идеологической работы // Сталинское знамя: Орган Рязанского обкома КПСС. — 1954. — 13 авг. — № 159 (10534).

57. *Куршин, П.* На клиросе // Приокская правда. — 1958. — 19 окт. — № 127 (3380).

58. *Кученкова, В.* Войно-Ясенецкий. Тамбов, 1944 // Новая тамбовская газета. — 1995. — 5 мая.

59. *Лавинская, О.* О закрытии православных монастырей в СССР и запрещении паломничества к святым местам / О. Лавинская, Ю. Орлова // Православный паломник: Журнал Паломнического центра ОВЦС МП. — 2002. — № 3 (5), 4(6).

60. *Ларкина, Е.* Родники мои серебряные // Мещерская сторона. — 2004. — 27 окт.

61. *Латышев, А.* Тайная война против совести // Российские вести. — 2002. — № 4 (1575). — 7 февр. — С. 16—17.

62. *Линников, Г.* Лжесвятитель // Приокская правда. — 1974. — 10 авг.

63. *Любченко, О.* Благочестивые шарлатаны (о тунеядцах, пригревшихся около рязанской церкви) // Приокская правда. — 1965. — 21 мая.

64. *Малаков, А.* Наш клуб «Атеист» // Приокская правда. — 1972. — 12 апр.

65. *Малинин, И.* Сосуществования быть не может // Приокская правда. — 1964. — 16 янв.

66. *Малинов, А.* Радость и сила мои — родники // Призыв. — 1998. — 13 авг.

67. *Маслова, И.* Деятельность Совета по делам религий при Совете Министров СССР в 1965—1985 гг.: «политика сдерживания» // Религия и право. — 2005. — № 1.

68. *Минин, С.* Сердце земли Владимирской. К истории передачи Церкви Свято-Успенского кафедрального собора / С. Минин, А. Сидоров // Свет невечерний. — 2002. — № 3. — С. 52.

69. Михайловские вести. — 2002. — 13 апр.

70. Маяк (Кадомский р-н). — 1997. — 7 июня.

71. Наречение и хиротония архимандрита Симона (Новикова) во епископа Рязанского и Касимовского // Журнал Московской Патриархии. — 1972. — № 12.

72. *Наседкин, В.* Под черной рясой (о черных делах рязанских служителей культа) // Приокская правда. — 1964. — 4 апр.

73. *Наседкин, В.* Доходная ризница (о неблаговидных делах архиепископа Рязанского и Касимовского Палладия) // Приокская правда. — 1965. — 19 фев.

74. *Насинник, В.* Заботы атеистов // Приокская правда. — 1971. — 18 авг.

75. Наука и религия. — 1967. — № 1; 1968. — № 9, 10; 1969. — № 9; 1970. — № 1; 1971. — № 12; 1974. — № 8; 1976. — № 11; 1979. — № 2; 1984. — № 9; 1987. — № 11.

76. *Никодим* (Ротов), митрополит. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Рязанскому и Касимовскому Борису // Журнал Московской Патриархии. — 1965. — № 4.

77. *Никольский, А.* Как комплектуют команды // Крокодил. — 1964. — № 2. — С. 8—9.

78. Новомученик Иувеналий, епископ Рязанский и другие новомученики (Св. Русь Рязанская) // Русский паломник (журнал Валаамского общества Америки). — 1998. — № 17. — С. 48—49;

79. Новый мир. — 1991. — № 12. — С. 36—41.

80. *Одинцов, М.И.* Хождение по мукам. 1939—1954 годы // Наука и религия. — 1990. — № 8. — С. 19—21.

81. *Одинцов, М.И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (Государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести». — М.: Прогресс, 1989. — С. 29—71.

82. *Олещук, Ф.* Коммунизм и религия // Большевик. — 1940. — № 8. — С. 39—40.

83. *Правдолюбов, А.* Съезд благочинных // Журнал Московской Патриархии. — 1949. — № 10. — С. 64.

84. Приокская правда: Орган Рязанского обкома КПСС. — 1964. — 4 апр.; 1965. — 19 февр.; 1966. — 16, 18, 20 нояб.; 1996. — 8 авг.

85. Памятники Отечества. Альманах ВООПИК. — 1987. — № 1. — С. 158.

86. Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели»: Десять лет патриарха Алексия. 1955—1964 гг. (публ. М.И. Одинцова) // Отечественные архивы. — 1994. — № 5. — С. 25—83.

87. Пора прекращать ненужные сборища у Мамонтовского озера // Путь Октября: Орган Сосновского райкома КПСС Тамбовской области. — 1959. — 19 мая.

88. *Проценко, П.* Миф об истинной церкви // Вестник русского христианского движения. 5—6 — 1998. — № 179. — С. 137—150.

89. Православная Русь. — 1974. — № 21. — С. 8.

90. *Рябов, И.* Саратовская купель // Правда. — 1949. — 19 февр.

91. Ряжские вести. — 2001. — 13 февр.

92. Рязанская епархия 1910, 1972, 1997 годов в цифрах и фактах: к 800-летию Рязанской епархии // Вышенский паломник. — 1997. — № 4. — С. 62—66.

93. *Сафонов, Э.* За церковными куполами // Рязанский комсомолец. — 1959. — 18 авг.

94. *Серафим (Питерский), игумен.* К вопросу об обретении мощей рязанских архипастырей / Серафим (Питерский), игумен, Т.М. Панкова // Исторический вестник. — 2001. — № 4 (15), спецвыпуск. — С. 60—64.

95. Рязанская Катынь // Вечерняя Рязань. — 1993. — 1 июня.

96. Рязанский вестник. — 1991. — 7 янв.

97. Рязанский комсомолец. — 1971. — 9 сент.

98. Рязанский церковный вестник. — 1998. — № 7—8, 9—10; 2002. — № 9; 10. — С. 22—47; 2003. — № 1; 8. — С. 79—80; № 10. — С. 70—72; 2006. — № 3. — С. 17—20.

99. *Семин, К.* Я отрекаюсь // Тамбовская правда. — 1962. — 21 июня.

100. *Серегин, А.* Во власти тьмы // Молодой сталинец: Орган Тамбовского обкома ВЛКСМ. — 1954. — 27 авг.

101. *Соловьева, Л.* Дикий случай. Сталинское знамя: Орган Рязанского областного комитета КПСС. — 1954. — 22 сент. — № 188910563).

102. Скопинский вестник. — 1992. — 18 февр.

103. Социологические исследования. — 1987. — № 2. — С. 18—20.

104. *Тимофеева, Я.Б.* Письма и заявления с просьбами об открытии храмов как источник по изучению религиозности сельского населения в 1940-е годы (по материалам Государственного архива Вологодской области) // Исторический вестник. — 2001. — № 2—3. (13—14). — С. 113—120.

105. *Трубин, С.,* протоиерей. Высокопреосвященный Николай (Чуфаровский), архиепископ Рязанский и Касимовский // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 1. — С. 50—54.

106. *Трубин, С.,* протоирей. Высокопреосвященнейший Димитрий (Градусов), архиепископ Рязанский и Касимовский (в схиме Лазарь) // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 4. — С. 48—56.

107. *Трубин, С.,* протоиерей. Высокопреосвященнейший Алексий (Сергеев), архиепископ Рязанский и Шацкий // Рязанский церковный вестник. — 2003. — № 6. — С. 47—50.

108. *Трубин, С.,* протоирей. Высокопреосвященнейший Палладий (Каминский), архиепископ Рязанский и Касимовский // Рязанский церковный вестник. — 2002. — № 12. — С. 38—40.

109. *Харламов, П.* Успенский кафедральный собор во Владимире // Журнал Московской Патриархии. — 1956. — № 4. — С. 13—16.

110. *Холодковский, В.* Владыки Рязанские // Безбожник. — 1940. — № 7—8. — С. 20—21.

111. *Царев, А.* Путы с души // Приокская правда. — 1977. — 13 марта.

112. Церковно-исторический вестник. — 1999. — № 2—3.

113. *Цыганков, Г.* Отец Анатолий на амвоне и в жизни // Приокская правда. — 1958. — 11 апр. — № 115.

114. *Цыпин, В.*, протоиерей. Патриотическое служение Русской Православной Церкви в Великую Отечественную войну // Новая и новейшая история. — 1995. — № 2. — С. 41—47.

115. *Чечнева, А.* Под покровом святости // Приокская правда. — 1959. — 19 июля.

116. *Чижов, А.* У святого колодца: в с. Дегтяном // Авангард. — 1992. — 11 авг.

117. *Шатилов, И.* Атеисты Рязанщины делятся опытом // Наука и религия. — 1969. — № 10. — С. 2—9.

118. *Шевелев, В.* Побежденная ложь / В. Шевелев, Л. Филиппов // Рязанский комсомолец. — 1962. — 28 нояб.

119. *Шпак, В.* До положения риз // Приокская правда. — 1964. — 18 янв.

120. *Фоминов, Н.* Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // Большевик. — 1937. — № 20. — С. 43.

121. *Яковлев, В.* Бригадир Теплоухов против иерея Семена (о бывшем служителе церкви) // Рязанский комсомолец. — 1965. — 4 дек.

5. Диссертационные исследования

Докторские диссертации: Корзун М.С. Русская православная церковь: деятельность и мировоззрение (X век — 1988 год). — Минск, 1993; *Шимон, И.Я.* Отношения советского государства и Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1995; *Одинцов, М.И.* Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) (в виде науч. докл.). — М., 1996; *Шкаровский, М.В.* Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в 1939—1964 гг. — СПб., 1996; *Васильева, О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943—1948 гг. — М., 1999; *Катунин, А.Ю.* Православная церковь и государство. Проблема взаимоотношений в 1917—1939 гг. (на мат. Крыма) — Симферополь, 2003; *Маслова, И.И.* Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной церкви (1953—1991). — М., 2005; *Одинцов, М.И.* Государственно-церковные отношения (на материалах отечественной истории XX в.). — М., 1996; *Шкаровский, М.В.* Русская православная церковь и религиозная поли-

тика советского государства в 1939—1964 гг. — СПб., 1996; *Якунин, В.Н.* Правовой статус, положение, деятельность, внешняя политика Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Самара, 2003.

Кандидатские диссертации: Абдулов, Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917—1991 гг. — Уфа, 2006; *Белкин, А.И.* Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20-х — начале 60-х годов XX века (на материалах русского православия). — Саранск, 1995; *Вяткин, В.В.* История Пермской епархии в XIX — начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения. — Пермь, 2005; *Горбатов. А.В.* Церковно-государственные отношения в Кемеровской области (1943—1969 гг.) — Кемерово, 1996; *Гущина. А.В.* Эволюция отношений государства и Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — М., 1996; *Ламанская. Н.Б.* Государственная политика по отношению к религии и верующим в 1954—1964 гг.: На мат. Красноярского края. — Абакан, 2004; *Молодов, О.Б.* Советское государство и русская православная церковь на Европейском Севере в 1969—1980-е годы: (деятельность уполномоченных, приходское духовенство). — Архангельск, 2006; *Подмарицын, А.Г.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917—1941 гг. — М., 2006; *Потапова, А.Н.* Религиозная политика Советского Государства и ее осуществление на южном Урале в 1941—1958 гг. — М., 2005; *Прядкина, О.А.* Взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 1941—1954 гг. (на мат. областей Верхнего Поволжья). — Кострома, 2004; *Тюрина, Л.В.* Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917—2000 гг. — Курск, 2000; *Шкуратов, С.Б.* Взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 40—60-е гг. XX в. — М, 2006; *Хрусталев, М.Ю.* Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918—1930-х гг.: На мат. Новгородской епархии. — М., 2005; *Чеботарев, С.А.* Отношения государства и церкви в середине 1940-х — середине 1960-х гг. (на мат. Тамбовской обл.). — Тамбов, 2001; *Чумаченко, Т. А.* Советское государство и Русская православная церковь (История взаимоотношений 40-е — первая половина 50-х гг.). — М, 1994; *Федотов, А.А.* Русская Православная Церковь в 1960—1990-х гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. — Иваново, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Словарь церковных терминов

АКАФИСТ — наименование особенных хвалебных песнопений в честь Спасителя, Божией матери и святых.

АЛТАРЬ — главная часть храма, в нем помещаются важнейшие священные предметы и совершаются Божественная Литургия и Таинство Евхаристии (причастия). Алтарь устраивается выше других частей храма, он знаменует особый мир, где особенное присутствие Бога. Главнейшие предметы в алтаре — Святой Престол, Жертвенник и Горнее место. В Алтарь никому, кроме священнослужителей и помогающих им при службе, входить не позволяется.

АЛТАРНИК — лицо, помогающее священнику в алтаре

АПОКАЛИПСИС (откровение) — книга Нового Завета, написанная Иоанном Богословом. Содержит пророчества о конце света, о борьбе между Христом и антихристом, о Страшном суде.

АРХИЕПИСКОП — старший епископ.

АРХИМАНДРИТ — старший монашествующий сан (перед епископом), сан настоятелей православных монастырей.

АРХИЕРЕЙ (архирей) — общее название для священноначалия (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх).

ВИКАРИЙ (викарный епископ) — руководитель приходами небольшого города или нескольких районов.

ВОЗДУХ — ткань с шитым изображением погребения или оплакивания Христа, богато украшенная.

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ — съезды высшего христианского духовенства. Православная церковь признает семь первых соборов (IV—VIII веков).

ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ — богослужение, совершаемое вечером, совершаемое вечером накануне особо чтимых праздничных дней.

ДИКИРИЙ — двухсвечник, употребляемый при архиерейском служении, знаменует собой два естества в Иисусе Христе: божественное и человеческое.

ЕВАНГЕЛИЕ (благая весть) — повествование о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.

ЕВХАРИСТИЯ — причащение

ЕДИНОСУЩНОСТЬ — одно из пониманий взаимоотношений трех Лиц Святой Троицы: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа святого.

ЕПАРХИЯ — в православии церковно-административная территориальная единица во главе с архиереем (епископом или архиепископом).

ЕПИСКОП — высшее духовное лицо, глава церковной административно-территориальной единицы

ЕПИТИМИЯ (наказание) — в христианской церкви наказание в виде поста, длительных молитв и другое. Назначается исповедующим священником.

ИГУМЕН — настоятель православного монастыря.

ИЕРЕЙ — священник.

ИРОДИАКОН — монах в сане диакона.

ИЕРОМОНАХ — священник, состоящий в монашеском чине.

ИЕРОСХИМОНАХ — монах «великого ангельского образа», имеющий степень священства. Сан иеросхимонаха налагает на принявшего его особо строгие требования.

ИКОНА — образ, изображение Спасителя, Божией матери и святых.

ИКОС — церковное песнопение, содержащее все обстоятельства из жизни святого.

ИПОДИАКОН — помощник диакона при епископе. Во время богослужения иподиаконы носят перед архиереем дикирий, трикирий, рипиду.

КЛИР — совокупность священно — и церковнослужителей. В него входят: священник, диакон и псаломщик.

КЛОБУК — головной убор цилиндрической формы со спадающей на плечи тканью черного или (у патриархов и митрополитов) белого цвета.

КОНСИСТОРИЯ — церковно-административный и церковно-судебный орган при епархиальном архиерее.

КОНФЕССИЯ (исповедание) — принадлежность какой-нибудь религии.

КОНДАК — церковное песнопение, содержащее краткое описание церковного праздника или наиболее важные моменты, связанные с деяниями прославляемого святого.

ЛИТУРГИЯ (Божественная литургия) — главное богослужение, во время которого совершается Таинство Святой Евхаристии.

МИНЕИ (месячный) — богослужебные книги, содержащие тексты церковных служб годового круга.

МИССИОНЕРЫ — представители религиозных организаций, распространяющие свое вероисповедание на инаковерующих.

МИТРОПОЛИТ — один из высших санов архиереев. Глава крупной епархии, подчиненный Патриарху (сама епархия в таком случае называется митрополией).

МОЛЕБЕН — особое богослужение, при котором просят Господа, Богородицу, святых о ниспослании милости или благодарят Бога заполученные блага.

ПАТЕРИК — сборник жизнеописания отцов церкви, монахов, признанных церковью святыми.

ПАТРИАРХ (родоначальник) — в православии высший духовный сан.

ПАНИКАДИЛО — подвесной церковный светильник-люстра на множество свечей.

ПОНОМАРЬ — лицо, исполняющее обязанности звонаря, подает кадило во время богослужения в алтаре.

ПОСТРИГ — обряд пострижения волос у верующих, принимающих монашество или посвящаемых в священнослужители.

ПРАВОСЛАВИЕ — одно из главных направлений в христианстве. Возникло с разделением (359 г.) Римской империи на Западную и Восточную. Окончательно сложилась как самостоятельная церковь в 1054 году.

ПРЕСВИТЕР — старший священник в кафедральном соборе.

ПРИЧАСТИЕ — То же, что причащение, символизирует кровь и тело Иисуса Христа, вино в чаше с кусочками просвиры, принимаемое верующими во время церковного обряда причащения.

ПРИТВОР — Входное (вслед за папертью) помещение с западной стороны церкви, преддверие в храм.

ПРИХОД — территориальная единица Православной церкви.

ПРИЧТ — Служители и певчие в православной церкви (первоначально — исключая священника).

ПРОСФОРА (приношение) — хлеб, используемый для литургии

ПРОТОИЕРЕЙ — старший из пресвитеров.

ПРОТОДИАКОН — 1-й, главный диакон епархии, обыкновенно при кафедральном соборе, при соборной церкви, настоятель ее. Часто звание протоиерея жалуется священникам как личное почетное отличие.

ПСАЛОМЩИК — чтец во время богослужения.

ПСАЛТИРЬ (псалтырь) — книга псалмов. Одна из книг Библии, содержит 150 псалмов.

РИПИДА — небольшое опахало, представляющее собой серебряный позолоченный круг на длинной рукоятке с изображением шестикрылого серафима и употребляется только при архиерейском служении. Рипиду носят иподиаконы при великом выходе, при вынесении архиереем креста из алтаря, при освящении церквей архиереем, при крестных ходах.

СИМВОЛ ВЕРЫ — краткое изложение христианских догматов. Сформулирован вселенскими соборами в 325 и в 381 годах. Католики включают в него добавление «филиокве», не признанное Православием.

СИНОД (собрание) — собрание духовных и светских лиц для решения церковных дел.

СЛУЖЕБНИК — православная богослужебная книга, содержащая тексты церковных служб каждого дня, святцы и наставления по ведению богослужения.

СТРАШНЫЙ СУД — последнее судилище, определяющее судьбы грешников и праведников.

СХИЕРОМОНАХ — монах, принявший схиму.

ТАИНСТВО — священные действия, которых в православии их семь: крещение, миропомазание, причащение, исповедь, церковный брак, елеосвящение, священство.

ТРИКИРИЙ — трехсвечник. Трикирием и дикирием благословляют народ — архиерей или архимандрит, имеющий соответствующее право. Трикирий символизирует Троичность Божества.

ТРИОДИ — православные богословские книги с песнопениями и молитвословиями. В период Великого Поста — Триодь постная. В период от Пасхи до недели Всех Святых — Триодь цветная.

ТРОИЦА — один из основных догматов христианства, по которому Бог един в своей сущности, но существует в трех ипостасях: Бог — Отец, Бог — Сын и Бог — Дух Святой.

ТРОПАРЬ — молитвенная песнь, которая повествует о сущности праздника и поминаемого священного события или представляет главные события жизни и подвигов прославляемого святого.

ХЕРУВИМ — вестник.

ХРИСТИАНСТВО — одна из трех мировых религий. Имеет три ветви: православие, католицизм и протестантизм.

ДУХОВЕНСТВО ЧЕРНОЕ — монашествующее духовенство (иеромонахи, архиереи всех степеней).

ЧЕТЬИ — МИНЕИ (чтения ежемесячные) — сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями чествования церковью памяти святого.

ЭКЗАРХ — в православной церкви глава отдельной церковной области или самостоятельной церкви.

2. Словарь архитектурно-церковных терминов

АПСИДА — полукруглый выступ в восточной части церкви, в котором расположен алтарь.

БАРАБАН — опирающаяся на своды цилиндрическая или многогранная часть церкви (обычно с окнами), служащая основанием купола.

ЗАКОМАРА — полукруглое или килевидное завершение части наружной стены здания. Повторяет очертания расположенного за ней свода.

КОКОШНИК — полукруглая или килевидная фальшивая закомара, имеет декоративное значение. Часто кокошники располагаются ярусами.

КРЕСТОВОКУПОЛЬНАЯ СИСТЕМА — система перекрытия церкви, при которой в центре находится купол, опирающийся с помощью парусов на четыре столба, а к центральному пространству примыкают крестообразно расположенные цилиндрические своды.

КОНХА — полукупол, перекрывающий полукруглое в плане помещение, например апсиду.

ПАРУС — часть купольного свода, сферический треугольник, служащий — переходом от квадратного подкупольного пространства к круглому кольцу барабана купола.

ПРИДЕЛ — небольшая бесстолпная пристройка со стороны южного или северного фасада, имеющая свой алтарь.

ПРИТВОР — первая часть храма (предхрамие), где располагается свечной ящик.

ПАПЕРТЬ — крыльцо перед входом в церковь.

ФРЕСКА — монументальная живопись, основные тона которой выполняются водяными красками по свежей известковой штукатурке.

ЧЕТВЕРИК — четырехгранное в плане сооружение. В композициях многих шатровых или ярусных храмов сочетается с восьмигранной частью (восьмерик на четверике).

ШАТЕР — покрытие церкви (шатровая колокольня, шатровая главка) в виде высокой четырехгранной или многогранной пирамиды.

3. Архивные документы

Материалы к докладу на пленуме правления общества по распространению политических и научных знаний

«Об активизации церковников в Рязанской области»

В Рязанской области 76 действующих православных церквей, 4 старообрядческих общин и 4 зарегистрированные баптистские организации, из них наиболее крупная Дягилевская, насчитывающая больше 170 членов.

В 76 православных церквах служат 135 священников, 456 членов церковных исполнительных органов и кроме того имеется актив из верующих граждан в составе, так называемых «двадцаток» в количестве 2300 человек.

За последние 3 года отмечается значительное усиление активности церковников, которые укрепили свою финансово-материальную базу и расширили свою деятельность. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Годовой доход всех церквей области за последние три года повысился с 7 млн. руб. до 15 млн. руб. Ежегодный доход Рязанского собора Бориса и Глеба увеличился в 3 раза и в 1957 г. со-

ставлял 3,5 млн. рублей. Увеличение доходности церквей наблюдается и в сельской местности. Доход церкви в с. Маково Михайловского района увеличился в 3 раза, в с. Барснево Тумского района в 2 раза, в с. Черная Слобода Путятинского района доход церкви превышает 150 тыс. руб.

Церковное руководство расходует большие средства на ремонт и украшение церквей. В 1957 г. было затрачено на эти цели по церквам области 3 млн.335 тыс. руб.

Настоятель церкви в г. Сасово уплатил мастерам-иконописцам 120 тыс.руб. за украшение церкви. На украшение Рязанского собора израсходовано в текущем году больше миллиона рублей.

Чтобы привлечь к церкви больше верующих, церковное руководство не жалеет денег на организацию церковных хоров: ежегодно расходуется на оплату певчих по церквам области миллион рулей.

Активизация церковников находит свое выражение также в вербовке молодежи в духовные учебные заведения и посвящении отдельных граждан в духовенство.

В текущем учебном году подали заявление в Московскую и Ленинградскую духовные семинарии: учитель из с. Красный Угол Можарского района Гуркин Иван Васильевич, 1925 г.р., окончивший Сапожковское педучилище; Корябкин Владимир Иванович, 1935 г.р., окончивший 10 классов, проживает в Михайлове; Сенин Василий Николаевич и Киселев Иван Петрович из Шацкого района, окончившие среднюю школу.

Рязанский епископ ежегодно посвящает в духовный сан от 6 до 10 человек. В числе посвященных есть представители интеллигенции, например, Правдолюбов Владимир, 1931 г.р., окончил Московский университет, работал преподавателем математики в средней школе. В настоящее время служит священником в г. Касимове.

Весной этого года посвятился в духовный сан сын врача Чернобаева Евгений, 1926 г.р., работавший техником на машиностроительном заводе в г. Рязани. Летом текущего года посвятился в дьяконы бывший директор Мервинского райпромкомбината Васильев, инженер 23-го строительного треста Кузнецов и некоторые другие.

Оживилась за последнее время проповедническая деятельность духовенства. Настоятель церкви в с. Маково Михайловского района Урывков за 1957 г. произнес 75 проповедей, а в клубе в

этом селе не было ни одной лекции на антирелигиозную тему. Такое же явление наблюдается и по другим районам.

В своих проповедях духовенство призывает верующих чаще посещать церковь, больше жертвовать на украшение храмов, привлекать детей к посещению церкви и т.п. Один из наиболее дальновидных священников, обращаясь к верующим, сказал: «Мы имеем хорошо оборудованный храм, но я не вижу людей с детьми, их нет в храме. Мы должны воспитывать детей в религиозном духе. Дети — наше будущее».

Активно ведут работу по вербовке молодежи баптисты Дягилевской общины. За последние несколько месяцев им удалось завербовать несколько учащихся из 24-й средней школы, электроваккумного техникума, станкостроительного техникума и других в количестве 20 человек.

Одним из проявлений активности церковников является организация сбора подписей к заявлениям об открытии церквей. По области поступает ежегодно 100—150 таких заявлений. Особенно упорно ходатайствуют об открытии новых церквей верующие из Елатомского, Шиловского, Ряжского, Чапаевского и некоторых др. районов.

Таковы основные факты, характеризующие церковную обстановку в области и деятельность духовенства по укреплению своего влияния на население.

Выводы ясны: необходимо решительно усилить научно-атеистическую пропаганду на основе решений от 10 ноября 1954 г. и согласно указаниям Обкома КПСС по этому вопросу.

Член Рязанского отделения общества
по распространению политических и научных взглядов
26 сентября 1958 г. С. Ножкин

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.57. Л. 91—93.

Секретарю обкома КПСС тов. Ларионову А.Н.

В конце августа текущего года был в Тумском районе. Наблюдение за деятельностью церковников дает основание делать вывод об усилении их активности и беспринципной, примиренческой позиции сельских и районных руководящих органон в от-

ношениях с церковниками. Об этом свидетельствуют следующие факты. В 1948 г. в с. Сергеевке, Ветчанского с/совета, Тумского района сгорела церковь. Верующие в течение последних 10 лет настойчиво ходатайствовали об открытии молитвенного дома взамен сгоревшей церкви. В просьбе верующим было отказано всеми инстанциями.

В 1956 году уполномоченные от верующих Алешин Федор Семенович и Ушанов Иван Тимофеевич получили разрешение от Тумского райисполкома на постройку сторожки для охраны уцелевшего от пожара церковного имущества. Вместо сторожки на средства верующих был построен большой деревянный дом, примерно на 200 человек. Это помещение было оборудовано иконами, подсвечниками и другим церковным имуществом, необходимым для богослужения.

В воскресные и праздничные дни в этом доме совершаются богослужения бывшим псаломщиком Грацинским Е.К., который живет при молитвенном доме со своей матерью. Здесь же совершаются церковные обряды — крещение и погребение.

Молитвенный дом посещается верующими из села: Сергеевки, Култуки, Ветчаны, Ивановки, Борисково. В дни больших праздников на моление собирается по 500—600 чел. Посещают молитвенный дом взрослая молодежь и дети школьного возраста.

В августе текущего года в день праздника «Преображенье» заштатный священник Садовников окрестил в молитвенном доме больше 50 детей.

Епископ Рязанский Николай до последнего времени поддерживал Сергеевский молитвенный дом, отпускал для него свечи и лампадное масло.

В прошлом году одних свечей было продано на 32 тысячи рублей. В большие праздники епископ посылал священников без моего ведома и без регистрации. После беседы со мной по этому вопросу он уволил за штат священника Садовникова Павла, служившего в последнее время в Сергиевском молитвенном доме, запретил продажу свечей, гарного масла, иконок и других церковных предметов.

Председатель Ветчанского с/совета Алешкин Яков Михайлович (член КПСС) явно способствовал расширению деятельности церковников данного района. Он, ссылаясь на разрешение райисполкома, сам отвел место для постройки молитвенного до-

ма, заверил покупку двух домов для его строительства у граждан своего с/совета (гр. Николашкина и Макарова). Кроме того, тов. Алешкин Я.М. официальным отношением с подписью и печатью от имени сельсовета просил прислать к ним хорошего, авторитетного священника, который бы понравился «не только верующим, но и советским партийным организациям».

Районный финансовый отдел взимает за молитвенный дом страховые взносы и ренту, причем, в своих документах официально именует молитвенный дом «Кутуковской церковью».

Райисполком прокурор и начальник милиции знают, что во главе церковного актива в Сергеевке и Колтуках стоят колхозники Ушанов Иван Тимофеевич и Алешин Федор Семенович, но незаконная деятельность их ничем не ограничивалась.

В селе Барсневе имеется действующая церковь, причем доходность ее для сельской церкви довольно высокая (90 тысяч в год), Настоятелем этой церкви служит молодой священник Сипратов Иван Карпович, 1935 года рождения, ранее отбывавший наказание по ст. 58-й. За время пребывания в этом селе, Сипратов И.К. развил большую активность и уменье «ладиьь» с местными руководящими работниками. Чтобы обеспечить большее влияние на окружающее население, он посещает общие колхозные собрание, играет с молодежью в футбол, старается расположить к себе руководителей сельсовета и колхоза. Среди верующих ведет агитацию за то, чтобы в распоряжение церкви отдали два кладбища, где он построит часовню и будет хоронить только по церковному обряду.

Купив себе дом, он настойчиво добивается от колхоза усадьбы с садом, и даже заявил, что он будет жаловаться в Ц КПСС, если ему откажут в ходатайстве. Только вмешательство секретаря райкома т. Рогова Н.Е. помешало Сипратову получить усадьбу с садом и получить в свое распоряжение кладбище.

Чтобы активизировать и «просветить» верующих, священник Сипратов размножил на пишущей машинке поучение Рязанского епископа от 1914 года о том, как нужно молиться и держать себя в церкви. Эту инструкцию он расклеил на видных местах в церкви. Следует ответить, что деятельность подобных церковных активистов не замечается местной интеллигенцией и не находит должного отпора и реагирования по линии научно-атеистической пропаганды. Поэтому никого не удивляет тот факт, что отец заведующего отделом культуры райисполкома т. Семенова руководит церковным хором в Барсневской церкви.

Вопрос о церковное обстановке в Тумском районе был обсужден 28-го августа 1958 г. в райкоме партии на совещании руководящих районных работников и намечены конкретные меры в отношении молитвенного дома и усиления научно-атеистической пропаганды.

Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Рязанской области С. Ножкин
8 сентября 1958 г. №165

ГАРО. Ф. Р-5629, Оп.1. Д.57. Л.98—101.

Первому секретарю ЦК КПСС,
председателю Совета Министров Союза ССР
т. Хрущеву Никите Сергеевичу

В результате стихийного бедствия верующие Ветчанского, Култуковского и др. с/советов были лишены с 1949 г. религиозного культа — церкви, являющейся святым местом в отправлении религиозных обрядов. До предела озабоченные верующие, лишившиеся самого дорогого — культа, стали хлопотать о постройке дома молебенного. Путем сбора средств и отпуска на эти цели денег Патриархией, в 1955 году был построен религиозный культ, куда были свезены ценности и все необходимое для службы. В указанном доме в течение ряда лет соблюдался порядок, регулярно уплачивалась страховка, земельная рента в районный финансовый отдел. Получаемые доходы от реализации свечей строго учитывались и оформлялись документально. Каких-либо нарушений, идущих вразрез с административными органами, не было. Отправление религиозного обряда протекало до октября текущего года.

Совершенно по непонятным причинам, вопреки воле граждан дд. Култуки, Ветчаны, Сергеевки, Иванково в ночь на 9 октября 1958 г. самочинно прокурор района т. Докелин, начальник милиции т. Мартынов, с ведома районных властей диким образом, путем использования трактора МТС по указанию директора Крымского указанный молебственный дом был растащен самым варварским, бесшабашным путем, а строительный материал был

передан Малаховскому сельпо. Негодование и возмущение верующих, в категорической форме возражавших наглым действиям районных властей, путем запугивания посадкой в тюрьму и церковного старосты и казначея (встали на путь обмана, что, якобы, их вызывает уполномоченный облисполкома т. Ножкин) были ликвидированы. Это вызвало бурю справедливого возмущения граждан, что является со стороны властей грубым вмешательством в дело религиозного культа, что несовместимо с нормами и существующим порядком, попранием законного права соблюдать православную веру, что записано в одной из статей Советской Конституции и в решениях ЦК КПСС в этом деле.

Подобные враждебные действия и беззаконие заслуживают Вашего вмешательства и стоят того, чтобы наказать виновников с указанием произвола и распущенности. Исполнители действий были в нетрезвом состоянии, растоптали все ценности, честь и достоинство верующих. Хуже того, лучшие ценности: иконы, образа, плащеницу, кресты и другой церковный инвентарь, вопреки воле народа, конфисковали и передали в Барсеневскую церковь Тумского района без последующей передачи и оформления. Верующие, лишенные святого места, справедливо возмущаются и просят решительным образом разобраться по существу изложенного, настаивают на возмещении убытков, причиненных православному религиозному культу, строительстве заново молитвенного дома исключительно за счет виновных.

Приведенные в данной жалобе факты дикого произвола, уважаемый Никита Сергеевич, заставляют в самых недопустимых действиях обращаться к Вам, выдающемуся государственному деятелю принять необходимые меры по улучшению насущных запросов и требований верующих о немедленной постройке дома религиозного культа. Мы неоднократно жаловались на неправомерные действия районных властей в Рязанский облисполком и другие организации. Однако вместо принятия необходимых мер воздействия, потворствуют им. Поэтому в целях объективного разбора обстоятельств мы обращаемся к Вам.

По поручению верующих Никитова Ульяна Кирьяновна, п.о. Ветчаны Тумского района Рязанской области

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.59. Л.11; Д.60. Л.2—3.

П/о Ветчаны, Ветчанского с/совета,
Тумского района
Никитовой Ульяне Кирьяновне

На Ваше заявление, посланное на имя Н.С. Хрущева, сообщаю, что незаконно построенный дом был разобран по решению районных организаций, так как он не годился для молитвенных целей, был сложен из гнилых бревен, помещение находилось в аварийном состоянии и грозило обвалом. Церковное имущество было передано по описи в действующую церковь с. Барснева.

3 ноября 1958 г. Секретарь облисполкома И. Ермаков

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.59. Л.11; Д.60. Л.11.

Секретарю обкома КПСС
тов. Ларионову А.Н.

Одним из важных условий успешного решения поставленных XXI съездом задач коммунистического воспитания трудящихся является всемерное усиление научно-атеистической пропаганды.

Выполняя указания ЦК КПСС, партийные организации нашей области в истекшем году провели значительную работу по усилению атеистического воспитания трудящихся. Это способствовало высвобождению из религиозного плена новых групп населения, снижению активности духовенства и привело к изменению церковной обстановки в области. Эти изменения выразились в следующих фактах церковной жизни.

В районах области были широко распространены среди верующих церковные обряды (требы) на дому: крещение, молебны, всенощные, хождение священников по домам в церковные праздники и т.п.

В настоящее время по указанию архиепископа Рязанского эти требы на домах запрещены, за исключением церковных обрядов, связанных с болезнью и смертью верующего.

Архиепископ ограничил также проповедническую деятельность духовенства, запретив произносить проповеди священни-

кам, не имеющим духовного образования, а таких в нашей области насчитывается 40 %..

Эти и другие мероприятия по ограничению деятельности церковников привели к тому, что отдельные слабые церковные общины, существовавшие, главным образом, за счет хождения священников по дворам, пришли в упадок и поэтому 6 действующих церквей в этом году закрываются (в с. Новики Спасского района, в селах Асташево и Гребнево, Старожиловского района, в с. Николо-Кобыльское Рыбновскогог района, с. Стафурлово Рязанского района, с. Печерниковские Выселки Михайловского района).

Примером такого упадка церковной общины может служить действующая церковь в с. Новики Спасского района. Несмотря на то, что эта церковь обслуживает 8 больших населенных пунктов с количеством дворов больше 2-х тыс., расположенных в близком расстоянии от церкви, церковные службы даже по праздникам посещаются только старухами (10—15 чел.), а мужчины и молодежь совсем не посещает церковь.

Священник этой церкви Гусев Ф.Ф. имел доход только от хождения по дворам. Эта община ликвидирована. Следует отметить, что в селах Новики, Федотьево, Выселки хорошо поставлена антирелигиозная пропаганда. В этих селах систематически читаются лекции на антирелигиозные темы, проводятся вечера вопросов и ответов, индивидуальные и групповые беседы. Активно ведут антирелигиозную пропаганду лектор И.И. Ежов из с. Федотьева, прочитавший за второе полугодие 1959 г. 8 лекций, Т.В. Рубцова, прочитавшая 5 лекций и др.

Одним из показателей снижения активности церковников является значительное уменьшение заявлений об открытии новых церквей. Если в прошлом ежегодно поступало от 50 до 150 ходатайств по этому вопросу, то в 1959 г. их было только 16.

Необходимо отметить новые настроения в среде духовенства, возникшие в последнее время под влиянием общего хозяйственного и культурного подъема в стране, а также вследствие антирелигиозной пропаганды. В прошлом году отказались от церковных служб и перешли на производство 3 священника: Теплоухов С.Н., Ларин С.В., Садовников П.Н.

В своем заявлении по этому поводу бывший священник Садовников8 пишет: «Я пришел к убеждению бросить церковную

службу и трудиться на производстве для построения коммунистического общества в нашей стране».

7.01.1960 Уполномоченный Совета по делам
Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР
по Рязанской обл. С. Ножкин

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.67. Л.10—11.

Начальнику милиции Рыбновского района

В Рязанское епархиальное управление на имя секретаря Гаврилкова 9 Константина Михайловича поступило анонимное письмо, содержащее угрозы по адресу священника с. Летова Крестьянкина. Автор письма предупреждает Крестьянкина, чтобы он ушел из с. Летова, иначе он будет убит.

Посылая Вам письмо, прошу принять соответствующие меры.

23.03.1961 Уполномоченный Совета С. Ножкин

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.72. Л.30.

Анонимное письмо рязанскому уполномоченному

т. Ножкин!

Мы, верующие г. Рязани обращаемся к вам, чтобы выразить свое недоумение по поводу некоторых вопросов: почему в церковных делах появилось угнетение, идущее вразрез с конституцией? По конституции отделили церковь от государства, и дайте ей жить, и управлять ее делами нам, верующим. Ведь фактически мы должны быть хозяевами церкви, а церковный совет является только избранным и исполнителем нашей воли. А что получается? Церковь отделена, с нее берут солидный налог, газета ваша

насмехается и третирует наших церковно-служащих, и мы не имеем право написать опровержение, потому что печатать его не станут. Пишущий эти газетные статьи, полные сплетен, суется во все дела церкви. Он следит за духовными лицами как баба-сплетница, и грязь и ложные сплетни сливает на страницы газеты, которая от этого получается чем-то вроде свалки. Вы уничтожаете красоту наших таинств: крещения, венчания и погребения, стараясь заметить все это нелепыми записями в ЗАГСе. Где же правда и честность, где совесть в коммунизме, если он так настойчиво напирает палкой на религию, гдг же ваше воспитание «коммунистической морали»? На насилии и на страхе ничего сделать нельзя. Ни в одной стране нет такого угнетения религии, ни один народ не ломает и не разрушает храмы и исторические памятники, как это делается коммунистами; они стараются разрушить все хорошее и заметить его пустотой и безобразием. Разрушена даже такая историческая ценность как храм Воскресения Господня, который по стилю своей постройки угодил в книгу «Рязань» как историческая ценность. А разве мы, народ можем забыть наши прекрасные исторические ценности: чудной красоты храм Христа-Спасителя в Москве, Чудов монастырь в Кремле, в котором была келья патриарха Гермогена, защитника Москвы и всей земли русской от поляков. Разрушая исторические памятники, вы хотите стереть с лица земли всю историю нашей страны. Очевидно, вы или не знаете ее или не умеете ценить. Неужели же, что было до вашей системы правления — плохо, а только ваше насилие — хорошо? Где же свобода человеческой личности? Неужели же только насилием, палкой и угрозой нужно управлять людьми, как бессловесным стадом? Много можно указать неправды в действиях ваших, но мы просим ответить на наш вопрос: по какому праву вразрез с конституцией вы тесните нашу общину и вмешиваетесь в ее дела? Христос сказал: «Где два или три соберутся во имя мое — среди них и я». Значит, (если) мы собирались бы даже в домах, в лесах и полях и все же не оставили бы нашу веру православную русскую.

17 ноября 1962 г. Верующие г. Рязани (без подписей)

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.81. Л.221—222.

29 ноября 1963 г.

Председателю Совета по делам
Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР
Тов. Куроедову В.А.

г. Москва

На №2402 от 8/X-1963 г.

За период с 1961 по 1962 гг. в Рязанской области было снято с регистрации 10 религиозных объединений.

Все здания недействующих 10 церквей, расположенных в сельской местности, не используются под общественные цели по одной лишь причине — верующие не допускают представителей местных органов власти не только к занятию здания власти, но и к вывозке находящегося в них церковного имущества.

Так, например: 1 октября 1963 г. исполнительный комитет Рязанского областного (сельского) Совета депутатов трудящихся принял решение об использовании здания недействующей церкви с. Лунино Шиловского района под зернохранилище колхоза им. Ленина.

7 октября с.г. Шиловский исполком направил представителей для приемки здания церкви, когда об этом узнали верующие, то буквально за короткий промежуток времени собралось у церкви около 100 чел. верующих и организовали скандал. Представители местных властей вынуждены были покинуть село.

Аналогичный случай имел место в прошлом году в с. Большое Самарино Ряжского района.

Список недействующих церковных зданий прилагается.

Уполномоченный Совета П. Малиев

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1.Д.95. Л.101—102. Машинопись.

Уполномоченному Совета по делам
Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР
по Рязанской области
Ножкину С.И.

Согласно вашей просьбе сообщаю Вам сведения о собрании верующих на источнике с. Кошибеево» Сасовского района 16-17-го июня с.г., на «Девятой Пятнице».

По полученным данным от принимавших участие в молении, народу было до трех тысяч человек различного возраста. Следуя по пути через Сасово, народ начал идти со среды 15-го июня из районов: Каверинского, Конобеевского, Чучковского, Шацкого. Это было заметно, потому, что народ заходил в нашу церковь. Моление на источнике совершалось с вечера 16/V1 всю ночь и окончилось утром 17/ V1.

Как передает гр-ка г. Сасово /Крестьянская 37/, Вавилкина З.М.. на источник приезжали люди на мотоциклах и велосипедах с бидонами за водой.

Некий гр-н /личность неизвестна/ из участников моления афишировал с крестом над головами нервно больных — отчитывал «порченых».

Инцидентов во время моления никаких не случилось. Колхозные поля с посевом картофеля, окружающие территорию источника, остались неповрежденными.

Духовенство в молении участие не принимало и не присутствовало.

Благочинный Сасовского округа
протоиерей Морев.

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.45. Л.39.

ОБКОМ КПСС тов. ЯКИМОВУ С. Г.

СПРАВКА О ВОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ, ПОЧИТАЕМЫХ ВЕРУЮЩИМИ КАК «СВЯТЫЕ МЕСТА»

1. В селе Кошебееве Сасовского района в овраге имеется родник, оборудованный как колодец с деревянным навесом. У

колодца и на берегу оврага стояли две деревянные часовым. Каждый год в 8-ю пятницу после пасхи /в этом году 6-го июля/ к колодцу собираются ведущие и совершают богослужение в честь Параскевы «Мученицы». По преданию этот источник считается «святым» со времен Бориса Годунова, когда эпидемия чумы прекратилась в этом районе после молебна у Кошебеевского источника. Количество молящихся у источника бывает от 1500 человек до 3000 человек.

2. В селе Дегтяном Ряжского района, имеется родник, оборудованный так же, как и в Кошебееве. Ежегодно к нему собираются на моление до 500 человек в праздник Казанской божьей матери /21-го июля/. Воду верующие считают целебной и берут с собой для лечения. Недалеко от этого источника находится колхозный пруд.

3. В Горловском районе в селе Затворном имеется в конце села небольшой колодец. Весной и в конце лета к нему собираются верующие в количестве от 500 до 1.000 человек.

4. В селе Пощупове Рыбновского района в овраге у колодца с родниковой водой была построена большая кирпичная часовня в память святого Ивана Богослова.

В настоящее время часовня сломана, но верующие села Пощупова по праздникам собираются у колодца м совершают богослужение. Количество верующих на этих молебствиях бывает от 30 до 50 человек /преимущественно пожилые женщины/.

5. В Елатомском районе в 18 км от села Сабурова в местечке «Паника» к «святому» источнику собираются паломники от 100 до 150 человек. Моления совершаются два раза в год — 7-го июля и 29 августа.

Подобные источники имеются также в Спасском, Ерахтурском, Бельковском и Кадомском районах, но они менее известны и не привлекают большого количества верующих.

ГАРО.Ф. Р-5629. Оп.1. Д.48.Л.75-76.

Таблица 1

Сведения о местонахождении действующих церквей по новому административному делению и о составе служителей культа в 1965 г.

№ п/п	*Наименование населенного пункта, где находится церковь*	*Название церкви*	*№ учетной карточки*	*Наименование районов*		*Фамилия, имя и отчество служителей культа (священников и диаконов)*
				По старому административному делению	*По новому административному делению*	
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
1.	р.п. Кадом	Дмитриевская	22	Кадомский	Кадомский	Акимпиев Михаил Федорович
2.	с. Кочемирово	Покровская	21	-//-	-//-	Орлов Николай Николаевич
3.	с. Некрасовка	Никольская	14	-//-	Ермишинский	Крестьянкин Иван Михайлович
4.	с. Савватьма	Рождественская	11	-//-	-//-	Понка Николай Андреевич
5.	г. Касимов	Никольская	28	Касимовский	Касимовский	Романов Василий Артамонович
6.	-//-	-//-		-//-	-//-	Правдолюбов Владимир Сергеев.
7.	-//-	-//-		-//-	-//-	дьякон Малахов Федор Констант.
8.	с. Китово	Троицкая	2	-//-	-//-	Грацинский Михаил Николаевич
9.	р.п. Сынтул	Спасская	1	-//-	-//-	Правдолюбов Антон Сергеевич
10.	с. Ардабьево	Владимирская	10	-//-	-//-	Сперанский Николай Степанович
11.	с. Которово	Успенская	8	-//-	-//-	Караулов Виктор Кузьмич
12.	с. Сабурово	Успенская	9	-//	-//-	Кочетов Иван Петрович
13.	р.п. Тума	Троицкая	83	Касимовский	Клепиковский	Наумов Семен Александрович
14.	-//-	-//-		-//-	-//-	Успенский Ал-др Ал-дрович
15.	-//-	-//-		-//-	-//-	дьяк. Маников Дмитрий Дмитриев.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
16.	с. Барснево	Преображенская	72	Клепиковский	-//-	Кивотов Павел Васильевич
17.	с. Максино	Покровская	25	-//-	-//-	Савостин Илья Степанович
18.	с. Стружаны	Воскресенская	23	-//-	-//-	Спасский Виктор Иванович
19.	с. Прудская слобода	Рождественская	32	Михайловский	Михайловский	Смирнов Иван Иванович
20.	-//-	-//-		-//-	-//-	Ушаков Георгий Павлович
21.	-//-	-//-		-//-	-//-	дьяк. Яковлев Николай Михайлов.
22.	с. Ижеславль	Рождественская	36	-//-	-//-	Линилин Андрей Иванович
23.	с. Маково	Богородицкая	43	-//-	-//-	Воеводин Никифор Филиппович
24.	с. Нов. Панское	Богородицкая	37	-//-	-//-	Медведев Григорий Матвеевич
25.	с. Малинки	Архангельская	75	-//-	-//-	Липаткин Николай Андреевич
26.	с. Фирюлевка	Успенская	34	-//-	-//-	Медведев Афанасий Афанасьевич
27.	с. Липки	Богословская	15	-//-	Захаровский	Белов Сергей Лазаревич
28.	с. Асинки	Никольская	16	-//-	-//-	Измайлов Александр Иванович
29.	г. Ряжск	Успенская	53	Ряжский	Ряжский	Колесников Георгий Кузьмич
30.	-//-	-//-	44	-//-	-//-	Храпков Иван Степанович
31.	-//-	-//-	68	-//-	-//-	дьяк. Нигальчук Васил. Ал-дрович
32.	с. Зимарово	Боголюбовская	66	Н. Деревенский	-//-	Сипратов Иван Карпович
33.	с. Борисково	Введенская	51	Рязанский	Рязанский	Розанов Василий Константинович
34.	р.п. Мурмино	Троицкая	49	Спасский	-//-	Жариков Сергей Гаврилович
35.	с. Городище	Георгиевская	59	Рязанский	Рыбновский	

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
36.	с. Летово	Кос. Демьяновская	67	-//-	-//-	Троицкий Александр Петрович
37.	с. Борец	Рождественская	85	Сараевский	Сараевский	Юдаев Петр Прокофьевич
38.	г. Спасск	Вознесенская	58	Спасский	Спасский	Тишунин Михаил Сергеевич
39.	-//-	-//-		-//-	-//-	Артюхин Кузьма Федорович
40.	с. Сушки	-//-		-//-	-//-	дьяк. Сухов Василий Яковлевич
41.	с. Троица	Троицкая	64	-//-	-//-	Крупнов Василий Федорович
42.	г. Скопин	Никольская	5	Скопинский	Скопинский	Косов Иван Александрович
43.	-//-	-//-		-//-	-//-	Тишин Константин Филиппович
44.	-//-	-//-		-//-	-//-	Зайцев Василий Васильевич
45.	с. Казинка	Пятницкая	45	-//-	-//-	дьяк. Михайлов Алексей Алексеев.
46.	с. Мураевня	Рождественская	74	-//-	Милославский	Гусев Иван Александрович
47.	с. Н. Ал-дрово	Богородицкая	62	-//-	-//-	Мантров Степан Степанович
48.	с. Столпцы	Преображенская	47	Старожиловский	Старожиловский	Юрьев Василий Михайлович
49.	р.п. Пронск	Архангельская	61	Михайловский	-//-	Буров Александр Васильевич
50.	с. Лесуново	Введенская	57	Старожиловский	Кораблинский	Плетнев Иван Васильевич
51.	г. Сасово	Казанская	19	Сасовский	Сасовский	Ранжев Сергей Александрович
52.	-//-	-//-		-//-	-//-	Поляков Семен Федорович
53.	-//-	-//-		-//-	-//-	дьяк. Бороздин Ник. Кельсиевич
54.	с. Мал. Студенец	Богородицкая	40	-//-	-//-	Устюхин Алексей Порфирьевич
55.	с. Выс. Поляны	Смоленская	73	-//-	Пителинский	Кабанов Иван Иванович

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
56.	с. Ясенок	Покровская	63	Ухоловский	Ухоловский	Гелеродов Василий Николаевич
57.	р.п. Сапожок	Воздвиженская	30	Кораблинский	Сапожковский	Писарев Иван Алексеевич
58.	с. Красный Уголь	Богородицкая	76	Ухоловский	-//-	Черепанов Владимир Анатольевич
59.	г. Шацк	Никольская	26	Шацкий	Шацкий	Ярыгин Степан Андреевич
60.	-//-	-//-		-//-	-//-	Соколов Николай Михайлович
61.	с. Темешево	Никольская	84	-//-	-//-	Шулаков Владимир Ильич
62.	с. Каз. Дюк	Архангельская	18	-//-	-//-	Успенский Петр Семенович
63.	с. Эммануиловка	Сергиевская	39	-//-	-//-	Яковлев Василий Польевич
64.	с. Воршево	Воскресенская	46	Шиловский	Шиловский	Серветник Яков Степанович
65.	с. Чер. Слобода	Спасская	77	-//-	-//-	Ермолаев Алексей Михайлович
66.	с. Боровое	Богородицкая	86	-//-	-//-	Богословский Евгений Сергеевич
67.	с. Инякино	Успенская	78	-//-	-//-	
68.	с. Сапское	Вознесенская	80	-//-	-//-	Соколов Николай Григорьевич
69.	с. Срезнево	Казанская	13	-//-	-//-	Гусев Федор Федорович
70.	с. Борки	Спасская	12	-//-	-//-	Юдин Григорий Александрович
71.	с. Зап. Починки	Троицкая	55	-//-	-//-	Аганов Михаил Федорович
72.	г. Рязань	Борисо-Глебский собор	54	г. Рязань	г. Рязань	Шиповальников Виктор Георгиев.
73.	-//-	-//-		-//-	-//-	Гаврилков Константин Михайлов.
74.	-//-	-//-		-//-	-//-	Климентовский Николай Алексеевич

Окончание таблицы

75.	-//-	-//-	-//-	-//-	Черничепков Федр Андреевич
76.	-//-	-//-	-//-	-//-	Македонов Николай Николаевич
77.	-//-	-//-	-//-	-//-	дьяк. Смирнов Павел Иванович
78.	-//-	-//-	-//-	-//-	Сорокин Алексей Григорьевич
79.	-//-	-//-	-//-	-//-	Сапталов Петр Ильич
80.	-//-	Скорбященская	-//-	-//-	Оливков Иван Денисович
81.	-//-	-//-	-//-	-//-	Степанов Василий Мартынович
82.	-//-	-//-	-//-	-//-	Блохин Василий Иванович
83.	-//-	-//-	-//-	-//-	дьяк. Сагайдаковский Вадим Епифанович

Сост. по: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.122. Л.156 –158.

Таблица 2

Список православного духовенства, проживающего на территории Рязанской области на 26.03.1970

№ п/п	*Фамилия, имя и отчество*	*Год рождения*	*Место службы*
1	*2*	*3*	*4*
1.	Скворцов Борис Гаврилович	1895	Управляющий Епархией, Епископ Рязанский и Касимовский
2.	Антюхин Кузьма Федорович	1911	Настоятель церкви г. Спасск
3.	Акинфиев Михаил Федорович	1915	Настоятель церкви р.п. Кадом
4.	Анисимов Николай Константинович	1934	Священник собора Бориса и Глеба г. Рязани
5.	Блохин Василий Иванович	1907	Священник Скорбящинской церкви г. Рязани
6.	Буров Александр Васильевич	1907	Священник собора Бориса и Глеба г. Рязани
7.	Богословский Евгений Сергеевич	1934	Настоятель церкви с. Боровое Шиловского района
8.	Бороздин Николай Кельсиевич	1937	Настоятель церкви с. Малый Студенец Сасовского района
9.	Василевский Николай Васильевич	1907	Настоятель церкви с. Борец Сараевского района
10.	Гусев Иван Александрович	1922	Настоятель церкви с. Казинка Скопинского района
11.	Генерозов Василий Николаевич	1900	Настоятель церкви с. Ясенок Ухоловского района
12.	Грацинский Михаил Николаевич	1919	Настоятель церкви с. Китово Касимовского района
13.	Гаврилков Константин Михайлович	1908	Священник собора Бориса и Глеба г. Рязани
14.	Дугинов Иван Абрамович	1914	Настоятель церкви г.Сасово
15.	Жариков Сергей Гаврилович	1904	Священник Скорбящинской церкви г. Рязани
16.	Зайцев Василий Васильевич	1916	Священник церкви г. Скопина
17.	Измайлов Александр Иванович	1895	Настоятель церкви с.Асники Захаровского района
18.	Ильичев Аркадий Алексеевич	1915	Дьякон Скорбящинской церкви г. Рязани
19.	Косов Иван Александрович	1931	Священник г.Касимова
20.	Кивотов Павел Васильевич	1894	Настоятель церкви Барснево Клепиковского района

Продолжение таблицы

1	2	3	4
21.	Крупнов Борис Федорович	1905	Настоятель церкви с.Сушки Спасского района
22.	Колесников Георгий Кузьмич	1938	Настоятель церкви г. Ряжска
23.	Кузнецов Георгий Георгиевич	1906	Настоятель церкви с.Срезнево Шиловского района
24.	Культинов Анатолий Васильевич	1937	Настоятель церкви с.Сабурово Касимовского района
25.	Лопухович Юрий Николаевич	1901	Настоятель церкви с.Ново-Панское Михайловского района
26.	Лакеев Александр Иванович	1931	Настоятель церкви с.Троица Спасского района
27.	Лепилин Андрей Иванович	1903	Настоятель церкви с. Ижеславль Михайловского района
28.	Медведев Афанасий Афанасьевич	1936	Настоятель церкви с.Фирюлевка Михайловского района
29.	Медведев Григорий Матвеевич	1903	Настоятель церкви р.п. Пронска
30.	Мантров Тимофей Степанович	1937	Настоятель церкви с. Некрасовка Ермишинского района
31.	Мантров Степан Степанович	1907	Настоятель церкви с. Ново-Александрово Милославского района
32.	Малахов Федор Константирович	1933	Дьякон церкви г. Касимова
33.	Михайлов Алексей Алексеевич	1891	Дькон церкви г. Скопина
34.	Наумов Семен Александрович	1908	Настоятель церкви г.Шацка
35.	Новак Николай Андреевич	1924	Настоятель с.Савватьма Ермишинского района
36.	Орлов Николай Николаевич	1893	Настоятель церкви с. Кочемирово Кадомского района
37.	Правдолюбов Анатолий Сергеевич	1914	Настоятель церкви р.п. Сынтул Касимовского района
38.	Правдолюбов Владимир Сергеевич	1931	Настоятель церкви г. Касимова
39.	Плетнев Иван Васильевич	1899	Настоятель с. Темешево Шацкого района
40.	Поляков Семен Федорович	1905	Священник церкви г.Сасово
41.	Писарев Иван Алексеевич	1914	Настоятель церкви р.п. Сапожок
42.	Пигальчук Василий Алексеевич	1920	Дьякон церкви г. Ряжска

Продолжение таблицы

1	2	3	4
43.	Панин Петр Петрович	1894	Настоятель церкви с.Максино Клепиковского района
44.	Перлов Георгий Константинович	1909	Дьякон церкви г.Сасово
45.	Ранжев Сергей Александрович	1915	Настоятель церкви р.п. Мурмино Рязанского района
46.	Розанов Василий Константинович	1896	Настоятель церкви с. Борисково Рязанского района
47.	Спасский Виктор Иванович	1898	Настоятель церкви с. Эммануиловка Шацкого района
48.	Соколов Николай Григорьевич	1927	Настоятель церкви с.Санское Шиловского района
49.	Смирнов Иван Иванович	1913	Настоятель церкви с.Летово Рыбновского района
50.	Савостин Илья Степанович	1924	Настоятель церкви р.п.Тума Клепиковского района
51.	Серветник Яков Степанович	1911	Настоятель церкви с.Воршево Шиловского района
52.	Сипратов Иван Карпович	1935	Настоятель церкви с.Зимарово Новодеревенского района
53.	Сабаев Александр Николаевич	1938	Настоятель церкви с.Выс. Поляны Пителинского района
54.	Садовников Павел Николаевич	1931	Настоятель церкви с.Липки Захаровского района
55.	Санталов Петр Ильич	1913	Дьякон собора Бориса и Глеба г.Рязани
56.	Смирнов Павел Иванович	1919	Дьякон собора Бориса и Глеба г.Рязани
57.	Сорокин Алексей Григорьевич	1927	Дьякон собора Бориса и Глеба г.Рязани
58.	Сухов Василий Яковлевич	1909	Дьякон церкви г.Спасска
59.	Тишунин Михаил Сергеевич	1908	Настоятель церкви с.Маково Михайловского района
60.	Тишин Константин Филиппович	1903	Настоятель церкви г.Скопина
61.	Троицкий Александр Петрович	1937	Настоятель церкви с. Городище Рыбновского района
62.	Успенский Петр Семенович	1909	Настоятель церкви с. Казачий Дюк Шацкого района
63.	Урбановский Николай Александрович	1908	Настоятель церкви с. Соружаны Клепиковского района

Окончание таблицы

1	2	3	4
64.	Устюхин Алексей Перфирьевич	1925	Священник церкви Прудская Слобода Михайловского района
65.	Уваркин Василий Георгиевич	1921	Настоятель церкви с.Лесуново Кораблинского района
66.	Ушаков Георгий Павлович	1891	Настоятель церкви Прудская Слобода Михайловского района
67.	Храпов Иван Степанович	1909	Священник церкви г.Ряжска
68.	Черепанов Владимир Анатольевич	1928	Настоятель церкви с.Ардабьево Касимовского района
69.	Черниченко Федор Андреевич	1904	Священник собора Бориса и Глеба г.Рязани
70.	Успенский Александр Александрович	1889	Проживает г.Касимов ул.Воровского д. 19
71.	Хомутов Григорий Тимофеевич	1898	Проживает г. Рязань ул. Энтузиастов, д. 18
72.	Юдаев Петр Прокофьевич	1903	Проживает р.п.Тума ул.Карла Маркса, д.48
73.	Яковлев Иван Иоильевич	1891	Проживает п/о Выша, Шацкого района

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.122. Л.51—55.

Церковные приходы в Рязанской епархии в 1980 г.

гор. Рязань

1. Собор Бориса и Глеба
2. Скорбященская
3. Старообрядческая

Захаровский р-н

4. с. Липки — Богословская
5. с. Асники — Никольская

Кадомский р-н

6. с. Кочемирово — Покровская
7. р.п. Кадом — Дмитриевская

Ермишинский р-н

8. с. Некрасовка — Никольская
9. с. Савватьма — Рождественская

Касимовский р-н

10. с. Ардабьево — Владимирская
11. с. Китово — Троицкая
12. г. Касимов — Никольская
13. с. Сабурово — Успенская
14. р.п. Сынтул — Покровская

Клепиковксий р-н

15. р.п. Тума — Троицкая
16. с. Барснево — Троицкая
17. Стружаны — Успенская

Кораблинский р-н

18. с. Лесуново — Введенская

Милославский р-н

19. с. Н.Александрово — Богородицкая

Михайловский р-н

20. с. Маково — Богородицкая
21. с. Ижеславль — Рождественская
22. с. Прудская сл. — Рождественская
23. с. Н.Панское — Рожд.Богородицы
24. с. Фирюлевка — Успенская

Н.Деревенский р-н

25. с. Зимарово — Боголюбская

Пителинский р-н

26. с. Выс.Поляны — Смоленская

Пронский р-н

27. р.п. Пронск — Архангельская

Путятинский р-н

28. с. Воршево — Воскресенская

Ряжский р-н

29. г. Ряжск — Успенская

Рыбновский р-н

30. с. Городище — Георгиевская
31. с. Летово — Косьмы-Демьяна

Рязанский р-н

32. с. Борисково — Введенская
33. р.п. Мурмино — Троицкая

Сапожковский р-н

34. р.п. Сапожок — Кресто-Воздвиженская

Сараевский р-н

35. с. Борец — Рождественская

Сасовский р-н

36. с. Мал.Студенец — Рожд.Богородицы
37. г. Сасово — Казанская

Скопинский р-н

38. с. Казинка — Пятницкая
39. г. Скопин — Никольская

Спасский р-н

40. с. Сушки — Воскресенская
41. с. Троица — Троицкая
42. г. Спасск — Вознесенская

Старожиловский р-н

43. с. Столпцы — Преображенская

Ухоловский р-н

44. с. Ясенок — Покровская

Шацкий р-н

45. с. Каз.Дюк — Архангельская
46. с. Темешево — Никольская
47. г. Шацк — Никольская
48. с. Эммануиловка — Сергиевская

Шиловский р-н

49. с. Борки — Никольская
50. с. Боровое — Покровская
51. с. Санское — Вознесенская
52. с. Срезнево — Покровская

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.136. Л.1—2.

Таблица 3

Сведения о церковном активе православных религиозных обществ Рязанской области в 1974 г.

	Председ. исполнительных органов	*Членов исполнительных органов*	*Членов ревизион. комиссии*	*Членов «20-к»*	*Певчих хоров*	*Обслуживающ. персон.*
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Всего	51	141	149	999	227	244
В том числе:						
мужчин	12	22	58	154	54	55
женщин	39	119	91	845	173	189
Положение в настоящее время:						
рабочих	—	6	5	29	19	19
колхозников	4	7	10	101	4	22
служащих	2	10	8	15	18	10
пенсионеров	39	99	120	799	160	153
иждивенцев	6	19	6	55	26	40
Возраст:						
до 40 лет	—	—	—	3	14	8
от 41 до 50	4	11	12	33	20	26
от 51 до 60	10	28	31	147	39	42
старше 60	37	102	106	816	154	168
Образование:						
высшее и н/высшее	—	—	—	—	—	—
среднее и н/среднее	7	26	18	58	45	25
начальное и малограм.	44	115	131	941	182	219
Срок работы в церкви:						
до 2 лет	2	6	5	29	15	24
от 2 до 5 л.	12	13	12	52	11	31
от 5 до 10л.	11	31	29	204	44	62
свыше 10л.	26	91	103	714	157	127

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Положение до службы в церкви:						
рабочих	12					
колхозников	17					
служащих	4					
пенсионеров	9					
иждивенцев	9					

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.125. Л.3.

Таблица 4

Справка о религиозной обрядности и доходах церквей Рязанской области за 1962 год

№ п/п	*Наименование районов, где имеются церкви*	*Крещений*	*Венчаний*	*Отпеваний*		*Общий доход*	*В том числе*					
				очных	*Заочных*		*от продажи свечей*	*от профажи просфор*	*за требы*	*Тарелочно-тружечный сбор*	*За крестики, иконки и молитвы*	*Прочие поступления*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1.	*г. Рязань*											
	Собор Бориса и Глеба	2736	68	156	1222	297184	117126	30539	67920	20460	5110	56029
	Скорбященская	737	27	306	378	137322	53628	12229	32635	8130	2330	28370
2.	*Ермишинский*											
	с. Некрасовка	81	2			9229	4191	2762	1699	235	258	84
	с. Савватьма	87	5	14	37	8867	5188	2484	559	171	370	96
3.	*Захаровский*											
	с. Асники	79	16	62		7478	4911	1618	231	274	425	19
	с. Липки	90	1	53	13	10285	5256	2585	1548	432	395	72

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
4.	*Кадомский*											
	р.п. Кадом	246	3	60	157	31752	16357	5776	5016	2146	1284	1173
	с. Качемирово	97	8	53	25	10239	3969	2982	2178	602	256	252
5.	*Касимовский*											
	гор. Касимов	761	35	88	229	83051	51699	8061	15817	3526	2415	1533
	с. Ардабьево	92	9	34	42	9277	5717	1460	568	1053	529	1
	с. Китово	109	2	58	15	12765	4540	3009	2786	731	868	831
	с. Которово	123	4	17	30	9316	4447	846	3162	436	425	
	с. Сабурово	91	8	21	47	12232	5002	1645	4187	521	753	124
	р.п. Сынтул	120	42	37	10	23871	10498	7084	2912	2050	1129	198
6.	*Клепиковский*											
	с. Барснево	50	6		58	8732	4422	1637	2261	256	269	
	с. Максино	61	7	95		18565	7872	2606	6348	529	1129	202
	с. Стружаны	90	2	17	6	16088	9006	2386	1790	647	577	168
	р.п. Тума	640	6	106	318	34081	31007	2180	16620	2319	1601	424
7.	*Кораблинский*											
	с. Лесуново	152	5	65	4	10836	4309	2306	2864	502	976	314
8.	*Милославский*											
	с. Мураевня											
	с. Н. Александрово	165	11	61	38	9856	4341	1026	2662	8	681	86
9.	*Михайловский*											
	с. Ижеславль	57	6	16	4	9048	3332	3534	1744	279	159	2
	с. Маково	86	9	37	2	14988	9096	2227	2072	667	433	2
	с. Малинки	77	6	19	27	7864	3983	2221	977	196	425	
	с. Новопанское	33	4	32	2	10606	4007	3877	1300	333	127	66
	с. Прудская слобода	541	36	93	113	34983	31363	12982	8222	2134	1115	96
	с. Фирюлевка	155	32	40	40	18088	8723	7304	3849	656	556	
10.	*Пителинский*											
	с. Высокие Поляны	73	1	24	23	10072	4386	2139	2541	220	346	
11.	*Ряжский*											
	гор. Ряжск	631	38	62	239	32368	28688	13392	6839	936	1749	1164
	с. Зимарово	157	18	26	34	13102	8074	2027	2162	638	937	934

Продолжение таблицы

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
12.	*Рязанский*											
	с. Борисково	67	7	22	6	7713	4024	1222	2047	286	200	
	р.п. Мурмино	82	1		46	11875	8649	1402	777	629	424	97
13.	*Рыбновский*											
	с. Городище	57	2	10	21	13498	9307	867	1383	798	676	
	с. Летово	88	13	17	76	20611	10372	3511	4514	853	724	444
14.	*Сапожковский*											
	р.п. Сапожок	491	27	72	157	27707	10612	7184	7166	981	721	1356
	с. Красный Угол	84	6	30	11	6849	3116	1661	1483	306	85	25
15.	*Сараевский*											
	с. Борец	181	3	23	55	10085	4291	2093	2183	585	813	117
16.	*Сасовский*											
	гор. Сасово	895	5	96	671	60670	26837	10088	18756	2382	2053	554
	с. Малый Студенец	136	7	15	55	9206	4356	1634	2167	766	253	28
17.	*Скопинский*											
	г. Скопин	880	67		317	78278	48793	13729	9053	2855	3397	451
	с. Казинка	61	12	31	11	13042	7028	2614	2496	447	455	
18.	*Спасский*											
	г. Спасск	290	16		223	34243	18875	5897	6729	764	1488	490
	с. Сушки	359	12	51	63	16002	11049	1295	2690	439	529	
	с. Троица	71	3	29	16	15388	10370	1920	1598	459	934	107
19.	*Старожиловский*											
	р.п. Пронск	103		62	59	14234	7433	1375	4375	420	618	13
	с. Столпцы	93	7	76	9	9838	5269	1134	2735	241	309	143
20.	*Ухоловский*											
	с. Ясенок	228	20		93	18495	9415	3916	3278	914	314	659
21.	*Шацкий*											
	г. Шацк	232	31	46	138	28827	18841	6258	1333	206	2124	65
	с. Еммануиловка	103	20	39	39	9417	25221	4048	1093	708	315	731
	с. Казачий Дюк	127	5	21	49	9181	4612	1155	1760	575	1008	71
	с. Темешево	50	25	8	13	11235	5377	3744	698	778	592	46

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
22.	*Шиловский*											
	с. Борки	122	2	41	33	5824	3641	712	229	808	505	429
	с. Боровое	147	2	9	87	10827	7609	790	1542	201	644	41
	с. Воршево	246	7	40	70	15087	9024	1737	2883	307	1101	35
	с. Зан. Починки	85	5	30	33	8649	2941	2690	2382	241	373	22
	с. Инякино	91		11	39	6776	3289	1187	1437	402	415	
	с. Санское	152	7	35	23	10447	5516	2164	1788	357	622	
	с. Срезнево	99	41	24	16	15049	7755	2889	2502	793	964	146
	с. Черная Слобода	116	4	13	26	5335	2979	732	419	439	136	630
Всего по области		14128	770	2513	5575	1477035	728671	234528	293822	70701	50259	99054

Таблица 5

Справка о религиозной обрядности и доходах церквей Рязанской области за 1963 год

№ п/п	*Наименование районов, где имеются церкви*	*Крещений*	*Венчаний*	*Отпеваний*		*Общий доход*	*В том числе*					
				очных	*Заочных*		*от продажи свечей*	*от профажи просфор*	*за требы*	*Тарелочно-тружечный сбор*	*За крестики, иконки и молитвы*	*Прочие поступления*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1.	*г. Рязань*											
	Собор Бориса и Глеба	2385	39	180	1388	270680	122945	29723	67697	196668	5622	24995
	Скорбященская	450	14	227	424	131716	52937	11937	31568	7199	2256	25809
2.	*Ермишинский*											
	с. Некрасовка	78	3	19	31	9477	4717	2776	1322	286	324	44
	с. Савватьма	92	5	41	23	10690	5874	3046	896	280	411	173

Продолжение таблицы

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
3.	*Захаровский*											
	с. Асники	97	2	38	26	11378	5294	2440	2710	489	390	17
	с. Липки	62		14	40	10446	5500	2663	1279	266	307	424
4.	*Кадомский*											
	р.п. Кадом	161	5	44	111	27849	15306	4681	4063	2089	812	889
	с. Качемирово	53	6	43	31	10739	4349	2978	2461	484	225	239
5.	*Касимовский*											
	гор. Касимов	812	42	110	380	94399	55142	4968	23050	6145	2598	2495
	с. Ардабьево	92	7	50	65	13535	5770	2568	2897	1733	533	31
	с. Китово	80	4	50	24	11309	4368	3090	2623	620	503	103
	с. Которово	82	13	14	46	9572	4752	745	2161	311	373	
	с. Сабурово	88	1		79	15080	6407	2063	5749	521	264	25
	р.п. Сынтул	109	17	34	38	21799	10301	6192	3051	1558	601	96
6.	*Клепиковский*											
	с. Барснево	38		13	34	8105	4126	1574	1939	189	211	63
	с. Максино	48	2	3	112	15928	8742	1962	3794	372	921	130
	с. Стружаны	101	4	2	10	16029	9966	2394	2096	670	650	226
	р.п. Тума	696	8	100	309	56239	32914	2092	16562	2974	1548	149
7.	*Кораблинский*											
	с. Лесуново	165	1	22	97	11856	5013	2359	1164	466	851	2000
8.	*Милославский*											
	с. Мураевня	8		17	20	5560	2582	1082	1484	44	353	7
	с. Н. Александрово	126	13	4	36	15167	7568	4221	1554	369	878	576
9.	*Михайловский*											
	с. Ижеславль	20	6	13	10	9433	3817	3718	1497	269	130	
	с. Маково	112	13	36	34	16852	1076	3698	1195	593	596	
	с. Малинки	81	3	18	50	9513	8	2198	1628	219	376	
	с. Новопанское	36	8	51	3	12974	5089	4282	2628	421	268	46
	с. Прудская слобода	516	16	123	116	61645	5326	14155	10064	1392	1247	
	с. Фирюлевка	144	23	22	43	17835	3466	26039	7314	533	544	31
10.	*Пителинский*											
	с. Высокие Поляны	66	3	25	42	11498	5476	2460	2930	297	313	47

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
11.	*Ряжский*											
	г. Ряжск	840	38	60	168	56698	34094	11534	7796	802	1881	601
	с. Зимарово	163	10	21	25	15412	9028	2485	2064	676	886	10
12.	*Рязанский*											
	с. Борисково	50	2	14	4	6955	3505	1288	1669	213	168	105
	р.п. Мурмино	69		36	15	13764	8982	2170	1580	490	443	99
13.	*Рыбновский*											
	с. Городище	100	32	24	34	14060	7315	943	3168	485	558	1585
	с. Летово	114	6	27	66	22934	12858	3726	4230	830	1108	181
14.	*Сапожковский*											
	р.п. Сапожок	297	20	72	209	31326	12499	7874	9056	1040	817	37
	с. Красный Угол	64	6	17	22	7053	3313	1736	1286	556	126	30
15.	*Сараевский*											
	с. Борец	122	5	27	89	10075	4143	2145	2646	419	575	139
16.	*Сасовский*											
	г. Сасово	558	2	93	649	59562	39843	6027	16004	3695	2564	829
	с. Малый Студенец	113	8	10	37	10176	5386	1863	1555	993	317	60
17.	*Скопинский*											
	г. Скопин	536	95	156	426	105376	55692	16450	24955	2275	4834	1170
	с. Казинка	78	9	4	28	12978	6815	2619	2451	558	532	
18.	*Спасский*											
	г. Спасск	289	20	89	245	39386	19777	7686	8449	961	1654	859
	с. Сушки	238	4	60	106	15589	10710	572	3420	428	450	9
	с. Троица	122	3	67	19	15952	10250	2205	1751	422	623	621
19.	*Старожиловский*											
	р.п. Пронск	90	7	14	63	13752	7621	2499	2633	368	526	105
	с. Столпцы	114		41	13	7249	4109	994	1534	184	280	148
20.	*Ухоловский*											
	с. Ясенок	158	20		61	17462	9136	3686	2489	989	401	761
21.	*Шацкий*											
	г. Шацк	276	32	52	81	39483	20636	10155	4942	1283	2200	367
	с. Еммануиловка	117	17	47	62	13468	2745	5429	3636	742	329	587
	с. Казачий Дюк	94	3	16	62	9713	5194	1266	1919	642	686	9
	с. Темешево	48	15	14	2	12449	5265	5255	767	539	383	220

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
22.	*Шиловский*											
	с. Борки	36	2		30	7413	3247	1380	1735	508	493	30
	с. Боровое	121	1	10	90	11563	6006	967	1821	238	849	72
	с. Воршево	137	5	33	60	14304	9304	1669	2282	292	520	193
	с. Зан. Починки	32		10	45	7078	2899	2104	1365	231	388	91
	с. Инякино	57	1	26	47	6365	2738	1095	1807	367	351	3
	с. Санское	51	1	29	40	9423	5829	1673	1222	126	566	5
	с. Срезнево	77	23	21	19	15576	8866	2660	2498	463	372	217
	с. Черная Слобода	66	2	14	23	7027	4440	922	593	462	203	395
Всего по области		13155	644	2418	6484	1550649	788783	259613	317249	72793	50698	64513

Таблица 6

Справка о религиозной обрядности и доходах церквей Рязанской области за 1964 год

№ п/п	*Наименование районов, где имеются церкви*	*Крещений*	*Венчаний*	*Отпеваний*		*Общий доход*	*В том числе*					
				очных	*Заочных*		*от продажи свечей*	*от профажи просфор*	*за требы*	*Тарелочно-тружечный сбор*	*За крестики, иконки и молитвы*	*Прочие поступления*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1.	*г. Рязань*											
	Собор Бориса и Глеба	1856	25	186	1306	254241	125330	51392	72759	19782	2117	2861
	Скорбященская	320	8	204	427	108387	5296	11476	3479	6614	702	1837
2.	*Ермишинский*											
	с. Некрасовка	18	4	6	6	10170	5656	2477	1268	255	222	314
	с. Савватьма	21	5	36	22	12116	7080	5493	582	239	395	155

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
3.	*Захаровский*											
	с. Асники	57	5	42	5	9981	5103	2298	1819	541	150	106
	с. Липки	24		33	15	10410	5083	2668	2192	164	129	163
4.	*Кадомский*											
	р.п. Кадом	20	6	47	40	28356	13320	5325	4250	1423	256	432
	с. Качемирово	24	7	41	22	12968	12968	3363	3029	668	209	300
5.	*Касимовский*											
	гор. Касимов	557	17	117	401	98714	59789	5020	24100	5591	1550	2864
	с. Ардабьево	27	3	11	47	14685	6951	3011	2943	1180	265	352
	с. Китово	62	2	29	30	11944	4630	3273	2489	576	261	734
	с. Которово	58	5	22	36	12883	6314	2241	2581	1255	211	370
	с. Сабурово	85	5	3	76	17536	7531	2668	5195	602	614	942
	р.п. Сынтул	86	7	24	34	20839	11020	4776	2463	1837	275	363
6.	*Клепиковский*											
	с. Баренево	10		26	23	9546	4915	1757	2316	221	107	153
	с. Максино	13		6	58	17460	10930	1887	3199	367	410	658
	с. Стружаны	44	2	14	34	14280	9208	1731	1861	710	247	512
	р.п. Тума	495	2	71	278	52584	32934	2334	13368	2520	775	653
7.	*Кораблинский*											
	с. Лесуново	74	2	10	48	11787	5450	2793	2541	303	356	344
8.	*Милославский*											
	с. Мураевня	38	2	43	29	5822	3424	1440	723	63	106	92
	с. Н. Александрово	156	12	8	4	17830	8226	3782	1485	186	227	564
9.	*Михайловский*											
	с. Ижеславль	31	6	12	4	8253	3976	4104	1754	298	74	40
	с. Маково	142	12	39	12	17155	11280	3534	1299	610	128	163
	с. Малинки	91	1	14	25	9747	5152	2303	1777	242	271	
	с. Новопанское	35	6	46	8	14338	5969	4728	2764	511	111	194
	с. Прудская слобода	413	22	110	105	59272	33482	12285	9363	1796	833	1599
	с. Фирюлевка	114	18	21	38	17891	6207	7095	3308	506	504	355
10.	*Пителинский*											
	с. Высокие Поляны	10		25	34	11590	6056	2485	2449	225	147	206

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
11.	*Ряжский*											
	г. Ряжск	772	33	75	206	60013	36096	12910	8260	1014	741	992
	с. Зимарово	78	11	30	43	15063	8850	2576	2044	626	259	173
12.	*Рязанский*											
	с. Борисково	49		6	9	7075	3535	1431	1746	202	105	46
	р.п. Мурмино	102		37	28	14529	9130	2383	2075	410	245	286
13.	*Рыбновский*											
	с. Городище	57		13	28	14000	5335	890	3124	532	166	3947
	с. Летово	71	2	19	35	17926	10736	3070	2664	620	408	419
14.	*Сапожковский*											
	р.п. Сапожок	305	12	59	186	32066	14564	9144	6228	1009	558	273
	с. Красный Угол	92	2	14	18	12563	5561	3411	581	1508	106	1306
15.	*Сараевский*											
	с. Борец	131	4	39	95	14500	7040	4283	2812	573	283	929
16.	*Сасовский*											
	г. Сасово	70	1	76	578	56392	32794	5300	12995	1785	1094	2424
	с. Малый Студенец		2	7	22	9599	4922	1525	1306	1252	221	465
17.	*Скопинский*											
	г. Скопин	1028	67	167	643	104966	51177	18998	23270	7864	1201	2456
	с. Казинка	59	14	23	13	13047	8390	2483	2395	605	444	166
18.	*Спасский*											
	г. Спасск	187	17	44	215	37570	18918	7439	8768	811	661	973
	с. Сушки	162	4	43	92	16056	13450	609	3149	196	334	317
	с. Троица	50	2	13	45	15972	10470	2382	2065	505	146	393
19.	*Старожиловский*											
	р.п. Пронск	67	7	19	63	15368	9063	2479	3120	438	268	
	с. Столпцы	58		29	7	2949	6954	1007	893	203	101	85
20.	*Ухоловский*											
	с. Ясенок	113	13	12	96	16938	9434	2845	2844	722	522	563
21.	*Шацкий*											
	г. Шацк	232	20	60	120	39723	20377	10517	4144	1281	1422	1692
	с. Еммануиловка	86	12	22	40	13907	2968	5335	1853	725	297	3021
	с. Казачий Дюк	56	3	19	72	9929	5579	1307	1921	664	161	704
	с. Темешево	87	12	20	18	14497	5213	5707		422	702	

Окончание таблицы

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*
22.	*Шиловский*											
	с. Борки	12		8	26	8725	3600	1545	436	480	191	1608
	с. Боровое	87	3	5	57	10963	7638	596	1628	226	242	366
	с. Воршево	57	6	30	89	16783	11066	1756	2776	329	200	649
	с. Зан. Починки	39		14	30	7540	3406	2186	1271	239	171	247
	с. Инякино	61		12	36	7864	3244	1187	2275	642	288	226
	с. Санское	41	1	15	42	11917	7240	1507	1877	290	252	743
	с. Срезнево	44	20	6	33	14996	8816	2783	2028	506	400	453
	с. Черная Слобода	36	7	6	45	4696	3160	452	489	366	80	142
Всего по области		9170	458	2195	6200	1527324	811370	254463	319548	76518	22932	42453

ГАРО. Ф. Р-5629. Оп.1. Д.94. Л.128—136.

Таблица 7

Организационная структура системы атеистической работы среди сельского населения Рязанской области

Организационное и научно-методическое руководство атеистической работой	*Подготовка кадров атеистов*	*Индивидуальная атеистическая работа с верующими*	*Атеистическое воспитание в процессе обучения*	*Массовые средства и формы атеистического воспитания*		
				Печатная и устная пропаганда	*Пропаганда атеизма с помощью технических средств*	*Атеистическая работа учреждений культуры*
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Обсуждение вопросов атеистической работы в партийных комитетах и первичных партийных организациях	Постоянно действующий областной семинар лекторов-атеистов партийных комитетов и общества «Знание»	Атеистическая работа коммунистов, комсомольцев, беспартийных активистов с верующими членами своей семьи	Общеобразовательные школы, профтехучилища, техникумы, институты	Атеистическая пропаганда в периодической печати	Кинолектории по атеизму	Атеистическая работа библиотек с верующими читателями
Опорный пункт Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и обкоме КПСС — научно-методический центр аналитической работы	Партийно-политическая учеба коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива	Работа агитаторов-атеистов с верующим по месту их работы и жительства	Заочная и вечерняя учеба в школах, техникумах, и институтах	Лектории по естественно-научной и научно-атеистической тематике	Радиопередачи по атеизму	Атеистическая пропаганда средствами художественной самодеятельности учреждений культуры

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Организаторы атеистической работы в партийных комитетах и первичных парторганизациях	Университеты и школы по подготовке лекторов и агитаторов - атеистов	Индивидуальная работа учителей с верующими родителями учащихся	Агрозоотехнические кружки	Клубы читателей журнала «Наука и религия»	Естественно-научные и научно-атеистические передачи по телевидению	Спектакли атеистического направления областного драмтеатра, театра юного зрителя, кукольного театра и народных театров
Комиссии содействия законодательству о культах при исполкомах районных Советов депутатов трудящихся	Факультативные и кружковые занятия по атеизму в высших и средних специальных учебных заведениях		Народные университеты	Вечера: «Наука и религия» и другие	Пропаганда научного атеизма в планетарии	Атеистическая работа областного краеведческого музея им. И.П. Павлова, филиала музея К.Э. Циолковского, музея С.А. Есенина, художественного музея

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Комиссии в колхозах и совхозах по организации и проведению безрелигиозных обрядов, трудовых праздников	Углубление знаний по атеизму на курсах в Институте усовершенствования учителей при облоно		Педагогический всеобуч родителей			Кабинеты атеизма в колхозах и совхозах
Методический совет по атеизму, секция лекторов-атеистов областного общества «Знание»						

Кожевников, А.С. Атеистическое воспитание сельского населения. — М.: Советская Россия, 1974. — С. 101—102.

Научное издание

Гераськин Юрий Вениаминович

Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века)

Монография

Редактор *А.Е. Осипов*
Технический редактор *О.С. Верещагина*

Подписано в печать 31.01.07. Поз. № 05. Бумага офсетная. Формат 60x84$^{1}/_{16}$.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 22,3. Тираж 500 экз. Заказ № 12

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Редакционно-издательский центр РГУ
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22